

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2

Выпуск (908)

Год основания – 1940

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
МГЛУ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2026

1930

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

2
Issue (908)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2026

1930

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 2 (908)

Издается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Горожанов
Алексей Иванович

Ответственный секретарь
Фурсова
Дарья Аветисовна

доктор филологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

кандидат культурологии
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев Александр Петрович	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бондарчук Галина Григорьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бубнова Галина Ильинична	доктор филологических наук, профессор Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва)
Гусейнова Иннара Алиевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Евтушенко Ольга Валерьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Ершова Галина Григорьевна	доктор исторических наук, профессор Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
Ирисханова Ольга Камалудиновна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Каменский Михаил Васильевич	доктор филологических наук, доцент Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)
Киосе Мария Ивановна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Косиченко Елена Федоровна	доктор филологических наук, доцент Национальный исследовательский университет «МЭИ» (Москва)
Космарская Искра Вадимовна	кандидат филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Краева Ирина Аркадьевна	кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Кузнецов Валерий Георгиевич	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Логинова Елена Георгиевна	доктор филологических наук, доцент Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина (Рязань)
Малыгина Ирина Викторовна	доктор философских наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Осьминина Елена Анатольевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Потапова Родмонга Кондратьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Слышкин Геннадий Геннадьевич	доктор филологических наук, профессор Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)
Солнышкина Марина Ивановна	доктор филологических наук, профессор Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)
Сорокина Татьяна Сергеевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Харитончик Зинаида Андреевна	доктор филологических наук, профессор Белорусский государственный университет иностранных языков (Минск)
Ченки Алан Джосеф	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва) Свободный университет (Амстердам)
Чернова Юлия Владимировна	кандидат филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Шаталова Наталья Станиславовна	доктор педагогических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 2 (908)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
Gorozhanov
Alexey Ivanovich

Executive Secretary
Fursova
Daria Avetisovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Moscow State Linguistic University (Moscow)

PhD in Culturology
Moscow State Linguistic University (Moscow)

EDITORIAL BOARD

Bondarev Alexander Petrovich	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bondarchuk Galina Grigorievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bubnova Galina Ilinichna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Lomonosov Moscow State University (Moscow)
Guseynova Innara Alieвна	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Yevtushenko Olga Valeryevna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Ershova Galina Grigorievna	Doctor of History (Dr. habil.), Professor Russian State University for the Humanities (Moscow)
Iriskhanova Olga Kamaludinovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kamensky Mikhail Vasilyevich	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor North Caucasian Federal University (Stavropol)
Kyose Maria Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kosichenko Elena Fedorovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor National Research University "MPEI" (Moscow)
Kosmarskaya Iskra Vadimovna	PhD in Philology, Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kraeva Irina Arkadyevna	PhD in Philology, Associate Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kuznetsov Valery Georgievich	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Loginova Elena Georgievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor Ryazan State University named after S.A. Esenin (Ryazan)
Malygina Irina Viktorovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Osmiinina Elena Anatolievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Potapova Rodmonga Kondratievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Slyshkin Gennady Gennadyevich	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)
Solnyshkina Marina Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan)
Sorokina Tatiana Sergeevna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kharitonchik Zinaida Andreyevna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Belarusian State University of Foreign Languages (Minsk)
Senki Alan Josef	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow), Free University (Amsterdam)
Chernova Yulia Vladimirovna	PhD in Philology, Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Shatalova Natalya Stanislavovna	Doctor of Pedagogy (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)

Языкознание

Гендерные аспекты самопрезентации в англоязычном дискурсе портретного интервью Авакова М. Л., Ширяева Т. А., Акбаева Ф. Б.	9
Способы прагматической адаптации при переводе текстов художественного дискурса Бакина А. Д.	18
Проблемы сохранения авторского стиля в комиксе, основанном на литературном произведении (роман «Родина» Фернандо Арамбуру) Бударина Н. В., Альварес Солер А. А.	26
Методика составления современных онлайн-словарей: участие пользователей в подготовке контента Григорьева Е. М.	35
Разработка автоматизированной информационной системы «IT-TermAnalyzer»: концепция информационного обеспечения и алгоритмическая модель Жданович М. А.	44
Лексико-стилистические средства формирования представлений о лидерах Австрийской партии свободы (на примере Йорга Хайдера и Герберта Кикля) Клиновская А. А., Стрельцова В. В.	53
Фонетический портрет персонажа (на материале французского телеспектакля М. Камолетти «Служанка Анна») Когалова Е. А.	61
Фразеологические единицы как носители культурной информации (на материале англоязычных журналов «Esquire», «The Atlantic», «Scientific American», «Time») Кузнецова Ю. Г.	69
Специфика оценочной репрезентации французских рыцарей Петром Тудебодом в «Historia de Hierosolymitano itinere» Манухина А. О.	76
Античное наследие во французской языковой культуре: герб и латинский девиз Парижа Маршалок Н. В., Ульянова И. Л.	83
Мост как туристический объект: ценностные, номинативные и стилистические маркеры позиционирования в пространстве разных лингвокультур Мороз Е. В., Митягина В. А.	91
От хронологической переменной к дискурсивной идентичности: переосмысление возраста в лингвистике Хатламаджиян М. А.	98
Функции отрицательных конструкций в языке ранних памятников французской литературы Школьников О. Ю.	108

Литературоведение

Ташкент как палимпсест: опыт восприятия Корнея и Лидии Чуковских Суханов В. А.	115
Мифопоэтика инфернального в лирике Г. Тракля Чернявский И. Б.	123

Культурология

Русская литературная классика как образно-ценностный контекст формирования патриотизма современной молодежи Литвинова Н. Б., Лукиянченко О. Г. , Пустовит В. Ю.	134
«Социологический подбор» Ф. Ф. Зелинского и формалистская поэтика кино как проект социолингвистики Марков А. В.	143

Linguistics

Gender Aspects of Self-Presentation in the English-Language Discourse of Portrait Interview Marina L. Avakova, Tatyana A. Shiryayeva, Fairuz B. Akbaeva	9
Ways of Pragmatic Adaptation in the Translation of Fiction Texts Anna D. Bakina	18
Fernando Aramburu's Novel "Patria": Challenges of Preserving Author's Style in Comic Adaptations of Novels Nadezhda V. Budarina, Anna A. Alvares Soler	26
Methodology of Compiling Modern Online Dictionaries: User Participation in the Preparation of Content Ekaterina M. Grigoryeva	35
Development of the «IT-TermAnalyzer» Automated Information System: the Concept of Information Support and Algorithmic Model Marya A. Zhdanovich	44
Lexical and Stylistic Means of Image Making of the Leaders of the Freedom Party of Austria (at the example of Jörg Haider and Herbert Kickl) Anna A. Klinovskaya, Valentina V. Streltsova	53
Phonetic Portrait of a Character (based on the French TV play by M. Camoletti «La Bonne Anna») Elena A. Kogalova	61
Phraseological Units as Cultural Information Carriers (based on the English-language magazines «Esquire», «The Atlantic», «Scientific American», «Time») Yulia G. Kuznetsova	69
The Specifics of Peter Tudebode's Evaluative Representation of French Knights in "Historia de Hierosolymitano itinere" Alla O. Manuhina	76
The Ancient Heritage in French Linguistic Culture: the Coat of Arms and Latin Motto of Paris Nataliya V. Marshalok, Irina L. Ulianova	83
The Bridge as a Tourist Attraction: Value, Nominative and Stylistic Markers of Positioning in the Space of Different Linguistic Cultures Ekaterina V. Moroz, Vera A. Mityagina	91
From Chronological Variable to Discursive Identity: Rethinking Age in Linguistics Margarita A. Khatlamadzhiyan	98
The Functions of Negative Constructions in the Language of Early French Literature Olga Yu. Shkolnikova	108

Literary Studies

Tashkent as a Palimpsest: Kornei and Lidiya Chukovskaya's Experience of Perception Viktor A. Sukhanov	115
The Mythopoetics of Infernality in the Lyrics of Georg Trakl Ivan B. Chernyavskiy	123

Culturology

Russian Classics as a Figurative and Value Context for the Teaching Patriotism to Modern Youth Natalia B. Litvinova, Olga G. Lukyanchenko , Valeria Yu. Pustovit	134
"Sociological Selection" by Tadeusz Zieliński and Formalist Film Poetics as a Sociolinguistics Project Alexander V. Markov	143

Гендерные аспекты самопрезентации в англоязычном дискурсе портретного интервью

М. Л. Авакова¹, Т. А. Ширяева², Ф. Б. Акбаева³

^{1,2}Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

³Северо-Кавказская государственная академия, Черкесск, Россия

¹marina-avakova@yandex.ru

²shiryaevat@list.ru

³akbaevafai@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются гендерные особенности функционирования лингвистических средств формирования образа респондентов в англоязычном дискурсе портретного интервью. Исследование опиралось на изучение научной литературы, метод контекстуального анализа, дескриптивный метод, метод сравнительного анализа языковых способов самопрезентации мужчин и женщин в англоязычных интервью. Конструирование и контроль имиджа, актуализируемые респондентами посредством демонстрации статуса, успешности, апелляции к профессионализму, обращений к аудитории свидетельствуют о динамике стереотипов в речевых практиках мужчин и женщин.

Ключевые слова: дискурс портретного интервью, самопрезентация, создание имиджа, нарратив успеха, гендерные различия

Для цитирования: Авакова М. Л. Гендерные аспекты самопрезентации в англоязычном дискурсе портретного интервью / М. Л. Авакова, Т. А. Ширяева, Ф. Б. Акбаева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2 (908). С. 9–17.

Original article

Gender Aspects of Self-Presentation in the English-Language Discourse of Portrait Interview

Marina L. Avakova¹, Tatyana A. Shiryayeva², Fairuz B. Akbaeva³

^{1,2}Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

³North Caucasian State Academy, Cherkessk, Russia

¹marina-avakova@yandex.ru

²shiryaevat@list.ru

³akbaevafai@mail.ru

Abstract. The article discusses the gender features of forming the image of interviewees in the English-language discourse of portrait interviews. The research was based on the study of scientific literature, the method of contextual analysis, the descriptive method, the method of comparative analysis of the ways of self-presentation of men and women in the English-language interviews. The construction and control of the image, actualized by the interviewees through the demonstration of status, success, appeal to professionalism, address to the audience, indicate the dynamics of stereotypes in the speech practices of men and women.

Keywords: portrait interview discourse, self-presentation, image control, success narrative, gender differences

For citation: Avakova, M. L., Shiryayeva, T. A., Akbaeva, F. B. (2026). Gender aspects of self-presentation in the English-language discourse of portrait interview. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(908), 9–17. (In Russ.)

Введение

В современном мире, характеризующемся стремительными изменениями в медиасреде, интервью как одна из распространенных коммуникативных форм получения информации в социальном пространстве приобретает всё большую популярность посредством трансляции в различных медийных каналах. Процессы социального взаимодействия, включающие самопрезентацию, самоактуализацию, самораскрытие в различных профессиональных контекстах, находятся в тесной связи как с успешностью в межличностной коммуникации, так и с социальным продвижением личности, созданием и контролем имиджа личности в медийной, академической, деловой сферах.

Современные гендерные исследования сосредоточены на изучении дискурсивной репрезентации маскулинности и феминности, особенностей речевого поведения мужчин и женщин, обусловленных социокультурными факторами, а также на анализе того, каким образом язык формирует представления о гендере в различных языковых практиках [Галкина, 2017; Зиновьева, 2019; Мощева, 2019]. Целью данного исследования является выявление и анализ гендерных различий функционирования лингвистических средств, актуализирующих конструирование самопрезентации респондентов в англоязычном дискурсе портретного интервью. Осуществление данного исследования опиралось на анализ теоретической базы; метод контекстуального анализа с целью установления коммуникативных намерений говорящих; дескриптивный метод, позволяющий интерпретировать фактический материал исследования, выявить и классифицировать выделенные лингвистические приемы самопрезентации интервьюируемых; метод сравнительного анализа с целью раскрытия гендерных особенностей самопрезентации в англоязычном портретном интервью.

В качестве источника фактического материала выступают транскрипты англоязычных портретных интервью с известными актерами, режиссерами, спортсменами, музыкантами, писателями, опубликованные на зарубежных онлайн-платформах и в интернет-изданиях (*Éclair Magazine*, *Glamour Magazine*, *IndieWire*, *The Talks*). Исследование охватывает 30 англоязычных интервью, в которых было проанализировано речевое поведение интервьюируемых (15 мужчин и 15 женщин). Общий объем фактического материала исследования составляет семь условных печатных листов.

Обзор литературы

Получив широкое распространение в различных областях науки, таких как журналистика,

социология, лингвистика, и приобретая таким образом характерные черты и интерпретацию, интервью рассматривается, как правило, в двух основных плоскостях: с одной стороны, как способ получения актуальной информации путем прямой беседы с источником новостей, основополагающими признаками которого выступают публичный характер, постановка вопросов и получение соответствующих ответов, целенаправленность беседы [Сахнова, 2013]. С другой стороны, интервью изучается как опросный метод, выполняющий функции получения информации о различных социальных процессах, событиях, явлениях с целью изучения общественных настроений, выявления тенденций и анализа социальной динамики [Сычева, 2022].

Интервью как жанр дискурса привлекает внимание исследователей-лингвистов главным образом благодаря своим уникальным текстовым особенностям. Анализу подвергаются структура, стиль и содержание интервью, способы передачи информации, используемые языковые приемы и влияние контекста на восприятие сообщения. Подчеркивая интерактивный характер и социальную значимость данного процесса, Е. А. Николенко определяет интервью как «коммуникативное взаимодействие двух или нескольких людей для получения информации, производства и распространения нового знания в целях удовлетворения информационных потребностей общества» [Николенко, 2008, с. 61].

Исследователи рассматривают интервью как жанр дискурса, объединяющий заранее спланированные, спонтанно создаваемые и периодически воспроизводимые формы его реализации, основанные на внутреннем и внешнем коммуникативном взаимодействии участников (интервьюера, респондента и адресата). Необходимо отметить, что исследование коммуникативного поведения собеседников в ходе интервью позволяет глубже понять особенности национального характера, восприятие мира, социальный контекст и систему ценностей представителей лингвокультурного сообщества [Казакова, 2007; Barrot, 2012].

Занимая важное место в различных видах массмедийной коммуникации, интервью тесно связано с понятием медиадискурса, представляющего собой часть социального пространства, заполненного совокупностью созданных средствами массовой информации текстов в сочетании с их экстралингвистическими факторами, идеологическими установками, определяющими их существование и распространение среди широкой аудитории для трансляции актуальных событий и идей [Солнцева, 2019]. Благодаря таким характеристикам, как диалогичность, интерактивность, целенаправленность, убедительность, массовость, открытость, оценочность, тематическое и

жанровое многообразие, интервью становится мощным инструментом влияния на общественное сознание и формирования взглядов широкой аудитории, обеспечивая доступ к мнению авторитетных лиц, экспертов и представителей общественности [Сахнова, 2013; Шашкова, 2024].

Ученые выделяют такие виды интервью, относящиеся к информационным и аналитическим жанрам, как информационное интервью, оперативное интервью, интервью-расследование, проблемно-аналитическое интервью, интервью-портрет / портретное интервью, беседа, блиц-опрос, радиоинтервью и др., которые с развитием медиа площадок и сетевых медиа трансформируются, обретают новые стили ведения, включают интерактивные элементы, обеспечивая динамичность, информационность, обратную связь с адресатом [Казакова, 2007; Турчанинова, 2025].

Анализ рассматриваемого в исследовании дискурса портретного или персонального интервью позволяет передать комплексное представление об определенной личности, выявить ценностные ориентиры респондента с максимальной полнотой и точностью. Портретное интервью, сосредоточенное на одной личности, вызывающей интерес у широкой аудитории, проявившей себя в определенном социальном аспекте, нацелено на прояснение личной философии интервьюируемого как носителя жизненного мира, его внутреннего содержания, на создание его уникального и многогранного образа [Шашкова, 2024; Шутова, 2024].

Участники интервью используют различные лингвостилистические средства для управления вниманием широкой аудитории и самопрезентации, выступающей ключевой коммуникативной стратегией интервью, способствующей созданию и контролю собственного имиджа, внешнего впечатления, которые интервьюируемый демонстрирует адресату. Данная стратегия включает комплекс речевых приемов, направленных на отражение его профессиональных качеств, личностного опыта, достижений, раскрытие системы взглядов и ценностей, лежащих в основе его жизнедеятельности [Ковригина, 2010; Жижина, 2019; Воробьева, 2023].

Особый интерес вызывает изучение гендерного фактора в социокультурной дифференциации речевого поведения интервьюируемых. Актуальность исследования гендерных аспектов самопрезентации в англоязычном портретном интервью обусловлена его тесной связью с медиадискурсом, характеризующимся динамичным характером производства знания и репрезентирующим социокультурные изменения в социуме, важностью понимания данных изменений, культурного разнообразия и способов конструирования публичной

гендерной идентичности, а также ее «размывания» в современном мире [Гусейнова, 2023].

Гендерная лингвистика традиционно концентрируется на трех ключевых моделях изучения:

- модель дефицитности, подразумевающая использование женщинами предписанного образца речевого поведения, следование определенным речевым практикам, обусловленным гендерной социализацией;
- модель различия, акцентирующая конкуренцию и стремление к утверждению статуса в мужской речи, в отличие от женской речи, ориентированной преимущественно на кооперативное взаимодействие;
- модель доминирования, подтверждающая гендерное неравенство, которое проявляется в подчиненном положении женщин и доминировании мужчин в процессе коммуникации [Fishman, 1980; Tannen, 1990].

Современный этап гендерных исследований характеризуется акцентом на изучении динамики различий в речевых практиках мужчин и женщин, обусловленной социокультурными изменениями, влекущими за собой размывание оппозиции мужское / женское, маскулинность / фемининность, новые стандарты речевого поведения, расширение существующих представлений о способах проявления гендерных стереотипов [Hancock, 2014; Ширяева, 2024].

Результаты и дискуссия

В ходе исследования были выявлены следующие лингвистические приемы самопрезентации в речи интервьюируемых: нарратив успеха / преодоления, включающий акцентирование собственных достижений, выход из затруднительных ситуаций; апелляция к собственному опыту, профессионализму; обращение к аудитории, содержащее призывы, советы, рекомендации. Анализ выявленных лингвистических приемов позволил определить ряд характерных языковых средств их актуализации. Так, в рамках нарратива успеха и апелляции к собственному опыту наиболее частотными выступают эмоционально-оценочные языковые единицы, метафоры, лексические повторы, параллельные синтаксические конструкции; языковой особенностью обращения к аудитории является употребление респондентами императивных конструкций, модальных глаголов, риторических вопросов.

Гендерная специфика нарратива успеха / преодоления

Для конструирования нарратива успеха в мужском речевом поведении характерным является

фокусирование внимания на преодолении трудностей и личных достижениях, в то время как женщины чаще используют нарративы, связанные с межличностными отношениями и эмоциональным опытом. Подчеркивая стойкость, решимость, целеустремленность, мужчины чаще, чем женщины, прибегают к использованию цитат, ссылок на мнения, оценки авторитетных личностей, а также лексических единиц, в семантике которых прослеживается репрезентация маскулинности, связанная с преодолением препятствий, риском, решимостью (*challenge – вызов; risk – риск; fall down – падать; I wouldn't hesitate – Я бы не сомневался; focused on the moment – сосредоточенный на одном моменте; eager to seize the opportunity – в нетерпеливом ожидании возможности*)¹.

В следующем примере иллюстрируется языковая репрезентация достижения успеха в нарративе американского актера, кинорежиссера Аль Пачино, акцентирующего внимание на необходимости преодоления трудностей.

Before *The Godfather*, the first *Godfather*, nobody else wanted me. But Francis wanted me! He just wanted me, and I didn't understand it... I think when a director is interested, I have a tendency to lean forward instead of backing off. You're looking for a risk you can take, a challenge, the fact that you fall down and get up and go on. ...You don't want to close off because vulnerability is important. You can't let your skin get too thick. Like Brecht says in that great play... "Man's skin is too thin for this world"². – До «Крестного отца», первого «Крестного отца», я никому не был нужен. Но Франциск хотел работать со мной! Он просто хотел работать со мной, а я этого не понимал. ...Я думаю, когда режиссер заинтересован, я склонен идти вперед, а не отступать. Вы ищете риск, на который вы можете пойти, вызов, тот факт, что вы падаете, встаете и идете дальше. ...Вы не хотите закрываться, потому что важна уязвимость. Нельзя позволять коже становиться слишком толстой. Как говорит Брехт в своей великой пьесе, «Кожа человека слишком тонка для этого мира».

В речи Аль Пачино наблюдается использование цитаты немецкого драматурга Бертольта Брехта, метафоры (*You can't let your skin get too thick*), параллельных конструкций, усиливающих выразительность высказывания (...*nobody else wanted me. But Francis wanted me! He just wanted me*), лексических единиц вербализации маскулинности (*looking for a risk you can take, a challenge, the fact that you fall down and get up and go on*), фокусирующих внимание

аудитории на необходимости преодоления препятствий на пути к достижению цели.

Для женского речевого поведения в англоязычном дискурсе портретного интервью характерно подчеркивание сотрудничества, эмоциональной связи с партнерами, усиленное позитивной оценочностью, эмоционально окрашенной лексикой. В следующем дискурсивном отрывке представлен нарратив достижения успеха канадской певицы, актрисы Деборы Кокс, акцентирующей внимание на влиянии на ее успех американской актрисы, певицы Уитни Хьюстон, которая ее вдохновляла, проявляла внимание, заботу, эмпатию в сложные периоды жизни. В примере иллюстрируется употребление эмоционально-оценочной лексики, интенсификаторов, метафоры, которые являются характерными для речи женщин в исследуемом дискурсе.

Obviously, Whitney Houston was a major idol of mine growing up. ...The soul that she had, the clarity, and the range, all of that in one was just different from anything I'd heard before... The versatility that she had in her voice, and the way that she brought that strong gospel sound to every song that she sang, really inspired me and made her an idol to me... She was like a big sister to me, and I often think ... just the close camaraderie we had. She would give me advice on the business, on songs, and gave me so many incredible performance tips. We had some really great, in-depth conversations about a lot of different things, like having a family and keeping a healthy work-life balance. She was great at imparting these "golden nuggets" of wisdom and always took the time to share them³. – Уитни Хьюстон, безусловно, была моим главным кумиром в период взросления... Душа, которая у нее была, чистота и диапазон, всё это сильно отличалось от того, что я слышала раньше... Универсальность, которой обладал ее голос, и то, что она приносила в это звучание в стиле «госпел» в каждую песню, которую она пела, действительно вдохновили меня и сделали ее кумиром для меня... Она была для меня как старшая сестра, и я часто думаю ... о таком тесном партнерстве, которое у нас было. Она давала мне советы по бизнесу, по песням, и так много невероятных советов по выступлениям. У нас было несколько таких замечательных, глубоких разговоров о самых разных вещах, о семье и поддержании здорового баланса между работой и личной жизнью. Она прекрасно умела передавать эти золотые самородки мудрости и всегда находила время, чтобы поделиться ими.

¹Зд. и далее перевод наш. – М. А.

²URL: the-talks.com/interview/al-pacino/ (дата обращения: 05.11.2025).

³URL: clair-magazine.com/deborah-cox (дата обращения: 05.11.2025).

Важно подчеркнуть, что различия в демонстрации статуса, успешности посредством использования эмоционально-оценочной лексики, метафорических высказываний, параллельных конструкций в речевом поведении мужчин и женщин являются незначительными. Так, например, в речевом поведении женщин использование эмоционально-оценочной лексики встречается в 20 % случаев употребления от общего количества выявленных языковых средств, актуализирующих данный лингвистический прием, в мужской речи – в 17 %; использование метафор регистрируется в 18 % случаев употребления в женской речи и в 16 % – в мужском речевом поведении, что свидетельствует о стремлении как женщин, так и мужчин к установлению контакта с аудиторией, созданию атмосферы доверия, запоминающегося образа.

Гендерная специфика апелляции к опыту, профессионализму

Рассматривая лингвистический прием апелляции к опыту, профессионализму, отметим, что для мужского речевого поведения характерно фокусирование внимания аудитории на собственных достижениях, образовании, экспертных знаниях в различных областях жизнедеятельности, подтверждающих компетентность, демонстрирующих уверенность. Мужчины чаще, чем женщины, прибегают к употреблению лексических повторов (12 % случаев употребления в мужском речевом поведении, 6 % – в женском речевом поведении); эмоционально-оценочная лексика в высказываниях, актуализирующих самооценку личностных и профессиональных качеств используется мужчинами и женщинами с незначительной разницей в количественном отношении (30 % – в мужской речи; 28 % – в женской речи).

В следующем дискурсивном отрывке портретного интервью иллюстрируется лингвистический прием апелляции к опыту в различных областях искусства в речи британского актера, кинорежиссера, сценариста, композитора Энтони Хопкинса.

I play piano and that's my love. I read and I paint and I compose music, so I've got a pretty full creative life. And it's not because, you know, I'm obsessively creative. I enjoy painting. I paint very quickly. ... and I write music and compose music and play the piano and I read a lot and life's good. So, acting is something I do as a fill in¹. – Я играю на фортепиано, и я люблю это. Я читаю, я рисую, и я сочиняю музыку, так что у меня довольно насыщенная творческая жизнь. И знаете,

¹URL: the-talks.com/interview/sir-anthony-hopkins/ (дата обращения: 05.11.2025)

это не потому, что я одержим творчеством. Мне нравится рисовать. Я рисую очень быстро ... и я пишу музыку, сочиняю музыку и играю на фортепиано, и я много читаю, и жизнь хороша. Так что актерство – это то, чем я замещаю всё это.

Многokrатно повторяющееся употребление личного местоимения *I* – *я*, прослеживаемое в самопрезентации мужчин, подчеркивает индивидуальную роль, ответственность в самореализации. Лексические повторы, параллельные конструкции усиливают выразительность высказывания, способствуют созданию яркой самопрезентации интервьюируемого.

Для женского речевого поведения в англоязычном дискурсе портретного интервью в рамках апелляции к профессионализму и достижениям характерна высокая степень маркирования экспрессивной самооценки, что может быть обусловлено необходимостью женщин прилагать больше усилий для признания их опыта и авторитета. Данный лингвистический прием в речи женщин характеризуется частотным употреблением метафор, эмоционально-оценочных языковых единиц (45 % случаев употребления), выполняющих аффективную функцию, ориентированных на одобрение, поддержку, заинтересованность аудитории, а также частотным употреблением местоимения *we* – *мы*, подчеркивающим сотрудничество, командную работу, коллективную ответственность в достижении цели.

Так, в следующем примере иллюстрируется обращение к собственному опыту, профессионализму американской актрисы, музыканта, сценариста Зибби Аллен, которая подтверждает свою музыкально-исполнительскую компетентность, подчеркивая роль сотрудничества с участником группы «Socks and Chimes».

Socks and Chimes is a little folk duo I'm one half of, alongside the wonderful Ian Merrigan. ... Ian is a brilliant musician and creative ... my strengths skew toward lyric-writing and harmonizing, so we make a good team. Between our paired strengths and our magical chemistry, we create a really sweet sound that just feels good to make². – Socks and Chimes – это небольшой фолк-дуэт, в котором я состою вместе с замечательным Йеном Мерриганом. ...Йен – блестящий музыкант и творческий человек. ...я хорошо пишу тексты и гармонирую мелодии, и мы являемся хорошей командой. Благодаря нашим сильным сторонам и волшебной химии мы создаем очень приятные звуки, которые просто приятно создавать.

²URL: eclair-magazine.com/zibby-allen (дата обращения: 05.11.2025).

Как видим, частотное употребление местоимений *мы, наш* подчеркивает чувство солидарности, взаимопомощи в достижении успеха; эмоционально-оценочные языковые единицы *wonderful, brilliant, magical chemistry, a really sweet sound*, безусловно, способствуют созданию атмосферы заинтересованности, доверия, контакта с адресатом.

Гендерная специфика обращений к аудитории

Лингвистический прием обращения к аудитории, содержащий призывы, советы, рекомендации относительно различных областей деятельности, прослеживается в речи интервьюируемых мужчин и женщин и актуализируется посредством императивных и модальных конструкций, употреблением местоимений *we – мы, you – вы*, риторических вопросов. Важно отметить, что как в мужском, так и в женском речевом поведении наиболее частотными языковыми средствами вовлеченности адресата являются модальные конструкции. При этом в речи мужчин включенность аудитории в дискурсивный процесс при помощи таких выражений, как *you can – вы можете; we should – нам следует; you (don't) need – вам необходимо / нет необходимости*, а также императивных конструкций, осуществляется чаще, чем в речи женщин, что сигнализирует о сохранении признаков маскулинности в вербализации призывов, заинтересованности, сопричастности.

В следующем примере канадский режиссер, сценарист, продюсер Джеймс Кэмерон обращается к своим коллегам-режиссерам, демонстрируя открытость и готовность к общению и взаимопомощи посредством использования императивных и модальных конструкций.

I always tell everybody, 'Look, you want to come by? Maybe you can incorporate parts of it into your own creativity'. I'm not trying to sell it. I don't make any money off selling the technology, we just do what we need to do to make our own films. Every once in a while, somebody will come in and go, 'I can use that,' or 'How did you do that?' And to me that's the way it should be. We should be more collegial. We should feed into a body of knowledge¹. – Я всегда говорю всем: «Послушайте, не хотите зайти? Может быть, вы сможете включить что-то в свое собственное творчество». Я не пытаюсь это продать. Я не зарабатываю деньги на продаже технологий, мы просто делаем то, что нам нужно, чтобы снимать наши собственные фильмы. Иногда кто-то приходит и говорит: «Я могу это использовать» или «Как

¹URL: www.indiewire.com/features/interviews/james-cameron-wants-to-share-avatar-tech-with-directors-1235153453/ (дата обращения: 05.11.2025).

вы это сделали?». И для меня так и должно быть. Мы должны быть более сплоченными. Мы должны вместе накапливать знания.

Для женского речевого поведения характерно использование косвенных побуждений, содержащих языковые средства смягчения (*just – только, просто; I think / I believe / I mean – я думаю / полагаю / имею в виду*), снижающих степень категоричности высказывания. Так, в следующем примере представлено обращение к аудитории известной спортсменки, британской профессиональной теннисистки Хизер Уотсон (Heather Watson), в котором она призывает начинающих спортсменов двигаться к поставленной цели, укреплять самооценку.

I would say the most important thing is to enjoy it. And secondly, just keep going – if you have one step back, if you have two steps back, it doesn't matter, because that's part of tennis. I think the biggest part of the battle is just staying there – just continuing and carrying on, no matter how many times you get knocked down, just keep on getting back up². – Я скажу, что самое главное – получать от этого удовольствие. А во-вторых, просто продолжайте двигаться вперед – если у вас есть один шаг назад, если у вас есть два шага назад, это не имеет значения, потому что это часть тенниса. Я думаю, что самое сложное – это просто продолжать и не сдаваться, сколько бы раз вас ни сбивали с ног, просто продолжайте подниматься.

В данном побуждении к действию демонстрируется использование императивов в смягченной форме (*just keep going, just keep on getting back up*), а также языковых средств хеджирования, завуалированного воздействия на адресата (*I would say, I think*), что способствует гармоничному установлению эмоциональной связи с адресатом, характерной для женского речевого поведения.

Таким образом, исследование англоязычного дискурса портретного интервью показало, что основными лингвистическими приемами самопрезентации в мужском и женском речевом поведении являются нарратив успеха / преодоления, апелляция к опыту и профессионализму, а также прямое обращение к аудитории, содержащее призывы к действиям, советы, рекомендации. Занимая важное место в современном информационном поле, дискурс портретного интервью способствует как конструированию образа респондента, восприятию информации, содержащейся в личной истории, так и установлению эмоциональной связи

²URL: www.glamourmagazine.co.uk/article/heather-watson-interview (дата обращения: 05.11.2025).

с аудиторией, вовлеченности в коммуникативный процесс, формированию общественного мнения.

Заключение

Конструирование и контроль собственного имиджа, актуализируемые респондентами в англоязычном дискурсе портретного интервью посредством демонстрации статуса, успешности, апелляции к профессионализму, обращений к аудитории в мужском и женском речевом поведении, указывают на постепенное «размывание» традиционных представлений о моделях дефицитности, различия, доминирования в гендерной лингвистике. Важно подчеркнуть, что гендерное своеобразие использования различных языковых средств в англоязычном дискурсе портретного интервью обусловлено индивидуальными стратегиями его участников, социокультурным и коммуникативным контекстом, включая статус респондента и взаимодействие с интервьюером.

Создание ярких, запоминающихся образов, отражающих идеи, чувства, опыт, осуществляется

мужчинами и женщинами с использованием позитивной эмоционально-оценочной лексики, лексических повторов, синтаксических параллельных конструкций, метафорических выражений с незначительной разницей в количественном отношении. Открытое проявление эмоций мужчинами в современном дискурсе портретного интервью становится всё более приемлемым в рамках презентаций коротких историй, описаний фактов, событий, демонстрирующих профессиональные и личностные качества. Обращения интервьюируемых к аудитории, содержащие комментарии, призывы, советы относительно различных сфер профессиональной деятельности посредством императивов, модальных конструкций, риторических вопросов, способствуют диалогичности, открытости, формированию общественных мнений. Направленность на сотрудничество, установление контакта с аудиторией характерны как для женского, так и для мужского речевого поведения в англоязычном дискурсе портретного интервью, и отражают социокультурные изменения, динамику гендерных представлений о языке и обществе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Галкина Т. В. Гендерная лингвистика и особенности речевого портрета // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2017. № 22-2. С. 22–24.
2. Зиновьева Е. С. Лингвистические средства дискурсивной репрезентации маскулинности и феминности // Филологические науки в МГИМО. 2019. № 4 (20). С. 30–39.
3. Мощева С. В. Создавая гендер (на материале англоязычного массмедийного дискурса) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2019. Т. 16. № 3. С. 40–43.
4. Сахнова Е. Б. Жанр интервью и его модификации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2013. Т. 13. № 4. С. 98–103.
5. Сычева Е. Ю. Преимущества и недостатки интервью в социологическом исследовании / Е. Ю. Сычева, А. И. Богомолова // Экономика. Социология. Право. 2022. № 4 (28). С. 70–77.
6. Николенко Е. А. Типовая структура дискурса интервью // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2008. № 12. С. 61–63.
7. Казакова О. П. Лингвистические ориентиры восприятия и понимания дискурса англоязычного интервью // Вестник Полоцкого государственного университета. 2007. № 5. С. 30–35.
8. Barrot J. The written discourse of interviewing style for a magazine interview // Indonesian Journal of Applied Linguistics. 2012. Vol. 2. № 1. P. 93–103.
9. Солнцева Е. С. К вопросу о свойствах медиадискурса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 8 (141). С. 147–153.
10. Шашкова Е. В. Портретное мировоззренческое интервью: тематические, структурные, функциональные и жанровые особенности // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: сборник научных трудов. Орел: ОГИК, 2024. С. 125–137.
11. Турчанинова А. В. Стратегии трансформации интервью в эпоху мультимедиа // Медиасреда. 2025. № 1. С. 35–39.
12. Шутова А. Г. Интервью-портрет как один из типов диалогической коммуникации / А. Г. Шутова, Р. Н. Назар // Язык и культура: сборник научных трудов. Макеевка: ДНАСиА, 2024. С. 176–181.
13. Ковригина Е. А. Коммуникативная стратегия самопрезентации в дискурсе интернет-интервью: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2010.

14. Жижина М. В. Самопрезентация как психологический механизм формирования имиджа личности // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 55-8. С. 40–44.
15. Воробьева Н. В. Стилистический потенциал самопрезентации медийной личности в интервью // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 7 (875). С. 16–22.
16. Гусейнова И. А. Идеология как фактор перевода: традиции в инновациях / И. А. Гусейнова, А. И. Горожанов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2023. Т. 22. № 3. С. 67–76. DOI 10.15688/jvolsu2.2023.3.6.
17. Fishman P. Conversational insecurity // *Language: Social Psychological Perspectives*. Oxford: Pergamon Press, 1980. P. 127–132.
18. Tannen D. *You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation*. New York: William Morrow, 1990.
19. Hancock A. B. Influence of Communication Partner's Gender on Language / A. B. Hancock, B. A. Rubin // *Journal of Language and Social Psychology*. 2014. Vol. 34. № 1. P. 1–19.
20. Ширяева Т. А. Гендер в зеркале афоризма: сущность, язык, эволюция / Т. А. Ширяева, В. В. Катермина // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 1. С. 114–126.

REFERENCES

1. Galkina, T. V. (2017). Gender linguistics and features of a verbal portrait. Linguistic and rhetorical paradigm: theoretical and applied aspects, 22-2, 22–24. (In Russ.)
2. Zinovieva, E. S. (2019). Linguistic means of discursive representation of masculinity and femininity. *Filologicheskie nauki v MGIMO*, 4(20), 30–39. (In Russ.)
3. Moshcheva, S. V. (2019). Creating a gender (based on English mass media discourse). *Bulletin of the South Ural State University*, 16(3), 40–43. (In Russ.)
4. Sakhnova, E. B. (2013). Genre of Interview and its Modifications. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 13(4), 98–103. (In Russ.)
5. Sycheva, E. Yu., Bogomolova, A. I. (2022). Advantages and disadvantages of interviews in sociological research. *Economics. Sociology. Law*, 4(28), 70–77. (In Russ.)
6. Nikolenko, E. A. (2008). Typical structure of the discourse of the interview. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 12, 61–63. (In Russ.)
7. Kazakova, O. P. (2007). Linguistic Guidelines for Perception and Understanding of the Discourse of an English-Language Interview. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta*, 5, 30–35. (In Russ.)
8. Barrot, J. (2012). The written discourse of interviewing style for a magazine interview. *Indonesian Journal of Applied Linguistics*, 2(1), 93–103.
9. Solntseva, E. S. (2019). Towards the issue of media discourse properties. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 8(141), 147–153. (In Russ.)
10. Shashkova, E. V. (2024). Worldview Portrait in Interview: Thematic, Structural, Functional and Genre Features. Genres and types of text in scientific and media discourse (pp. 125–137): collection of scientific papers. Oryol: OGIK. (In Russ.)
11. Turchaninova, A. V. (2025). Interview Transformation Strategies in the Multimedia Era. *Mediasreda*, 1, 35–39. (In Russ.)
12. Shutova, A. G., Nazar, R. N. (2024). Portrait interview as one of the types of dialogic communication. *Language and culture* (pp. 176–181): collection of scientific papers. Makeevka: DNASIA (In Russ.)
13. Kovrigina, E. A. (2010). *Kommunikativnaya strategiya samoprezentatsii v diskurse internet-intervyu = The communicative strategy of self-presentation in interview discourse: PhD thesis in Philology*. Kemerovo. (In Russ.)
14. Zhizhina, M. V. (2019). Self-presentation as a psychological mechanism for image formation personalities. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 55-8, 40–44. (In Russ.)
15. Vorobyeva, N. V. (2023). Stylistic Potentiality of Celebrity Self Presentation in Interview. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 7(875), 16–22. (In Russ.)
16. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023). Ideology as a Factor of Translation: Traditions in Innovation. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 22(3), 67–76. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.6>. (In Russ.)
17. Fishman, P. (1980). Conversational insecurity. In *Language: Social Psychological Perspectives* (pp. 127–132). Oxford: Pergamon Press.

18. Tannen, D. (1990). *You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation*. New York: William Morrow.
19. Hancock, A. B., Rubin, B. A. (2014). Influence of Communication Partner's Gender on Language. *Journal of Language and Social Psychology*, 34(1), 1–19.
20. Shiryayeva, T. A., Katermina, V. V. (2024). Gender in the mirror of aphorism: essence, language, evolution. *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 1, 114–126. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Авакова Марина Лазаревна

кандидат филологических наук
доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации
Пятигорского государственного университета

Ширяева Татьяна Александровна

доктор филологических наук, профессор
директор Департамента координации научно-исследовательской и инновационно-проектной деятельности в специалитете, магистратуре и аспирантуре
Пятигорского государственного университета
заведующий кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации
Пятигорского государственного университета

Акбаева Файруз Борисовна

кандидат филологических наук, доцент
заведующий кафедрой «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Северо-Кавказской государственной академии

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Avakova Marina Lazarevna

PhD in Philology
Associate Professor at the Department of the English Language and Professional Communication
Pyatigorsk State University

Shiryayeva Tatyana Alexandrovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Head of the Department of Coordination of Research Innovation and Project Activities in the Specialist Master's and Postgraduate Programmes
Head of the Department of the English Language and Professional Communication
Pyatigorsk State University

Akbaeva Fairuz Borisovna

PhD in Philology, Associate Professor
Head of the Department "Linguistics and Cross-Cultural Communication"
North Caucasian State Academy

Статья поступила в редакцию	12.12.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	15.01.2026	
принята к публикации	02.02.2026	

Способы прагматической адаптации при переводе текстов художественного дискурса

А. Д. Бакина

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, Орёл, Россия
heart-anna@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению проблемы прагматической адаптации при переводе текстов художественного дискурса на примере перевода произведения Полы Хокинс «Девушка в поезде», в котором демонстрируются конкретные прагматические стратегии. Цель работы состоит в анализе способов прагматической адаптации и выявлении их особенностей, что способствует развитию теории перевода и практическому совершенствованию профессиональных навыков переводчиков. Особое внимание уделяется методам сохранения прагматического потенциала оригинала, таким как добавление, опущение, генерализация и комментарии. Также анализируются стратегии адаптации, направленные на достижение максимальной понятности и релевантности текста для целевой аудитории, особенно в контексте культурных различий. Итоги исследования подчеркивают важность прагматической адаптации для обеспечения эффективности художественного перевода и сохранения его эстетической и коммуникативной функций.

Ключевые слова: перевод, прагматика перевода, прагматический аспект, прагматическое воздействие, способы прагматической адаптации, переводческие трансформации, художественный дискурс, культурный контекст

Для цитирования: Бакина А. Д. Способы прагматической адаптации при переводе текстов художественного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2 (908). С. 18–25.

Original article

Ways of Pragmatic Adaptation in the Translation of Fiction Texts

Anna D. Bakina

Oryol State University named after I. S. Turgenev, Oryol, Russia
heart-anna@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to studying the problem of pragmatic adaptation when translating texts of fiction discourse on the example of a translation of the work by Paula Hawkins “The Girl on the Train,” which demonstrates specific pragmatic strategies. The goal of the article is to analyze pragmatic adaptation methods and identify their features, which contributes to the development of translation theory and practical improvement of professional skills of translators. Special attention is given to methods of preserving the pragmatic potential of the original, such as adding, omitting, generalizing and commenting. Adaptation strategies aimed at achieving maximum clarity and relevance of the text to the target audience are also analysed, especially in the context of cultural differences. The results of the study emphasize the importance of pragmatic adaptation to ensure the effectiveness of artistic translation and preserve its aesthetic and communicative functions.

Keywords: translation, translation pragmatics, pragmatic aspect, pragmatic impact, pragmatic ways of adaptation, translation transformations, fiction discourse, cultural context

For citation: Bakina, A. D. (2026). Ways of pragmatic adaptation in the translation of fiction texts. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(908), 18–25. (In Russ.)

Введение

В условиях интенсивного межкультурного обмена перевод выступает одним из ключевых инструментов, способствующих обеспечению взаимопонимания между разными странами на культурном и языковом уровне. При передаче информации на другом языке следует учитывать множество факторов, например, контекст, который охватывает определенную культурную среду или авторский замысел, основанный на отсутствующих в языке переводчика реалиях. И именно прагматика перевода посредством экспрессивно-эмоционального воздействия на читателя помогает разрешить трудности, встречающиеся на пути переводчика в данном вопросе.

Актуальность темы исследования обусловлена повышенным интересом исследователей к вопросам перевода иностранных художественных произведений [Рецкер, 2016], особенно в контексте прагматики, которая исследует, как контекст влияет на значение и интерпретацию текста¹ [Сдобников, 2024; Иноземцева, 2022].

Перевод художественного произведения требует не только точности в передаче смыслов, но и глубокого понимания культурных и прагматических аспектов, которые могут существенно влиять на восприятие текста читателями [Евстафиади, 2019].

Задачи исследования: изучение теоретических основ прагматики перевода и основных подходов к адаптации художественного текста; выявление и анализ контекстов из художественного произведения Пола Хокинса с точки зрения прагматической адаптации; анализ результатов исследования прагматики перевода художественного текста.

Исследование характеризуется научной новизной, поскольку впервые на примере художественного произведения П. Хокинса, написанного в жанре современного психологического триллера, исследуются способы прагматической адаптации перевода, позволяющие определить прагматическую интенцию автора и авторский замысел, воплощенные специфическими лексическими, грамматическими и экспрессивными художественными средствами, отсутствующими в переводящем языке или не имеющими точных эквивалентов.

Исследование ценно в теоретическом отношении, поскольку способствует углублению знаний о прагматических аспектах перевода, что может способствовать развитию теории перевода

¹Сдобников В. В. Теория перевода: учебник для студентов лингвистических вузов и фак-тов иностранных языков / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. М. ; Владимир: АСТ : Восток-Запад : ВКТ, 2008; Сдобников В. В. Теория перевода / В. В. Сдобников, К. Е. Калинин, О. В. Петрова. М.: ВКН, 2020.

и пониманию особенностей работы с текстами разных жанров. Практическая ценность работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы переводчиками для более эффективного выполнения переводческих задач, учитывающих специфику жанра и контекста.

Прагматическая адаптация при переводе художественного текста

Прагматика перевода художественного произведения – это сознательное внесение изменений в текст перевода, направленных на обеспечение его адекватного восприятия и интерпретации целевой аудиторией с учетом культурных, социальных и коммуникативных особенностей этой аудитории. В отличие от адаптации, ориентированной на лингвистические или стилистические аспекты, прагматическая адаптация концентрируется на сохранении прагматического эффекта, который оригинальный текст оказывает на своих читателей. Это предполагает учет интенций автора, контекста сообщения, фоновых знаний реципиентов и ожиданий от общения.

Целью прагматической адаптации – не столько дословная передача содержания, сколько обеспечение того, чтобы переводной текст вызывал у читателя те же чувства, мысли и ассоциации, что и оригинал. Это может потребовать отказа от прямого соответствия на уровне слов или фраз в пользу более свободной интерпретации, добавления пояснений, опущения определенных элементов, которые могут быть непонятны или оскорбительны для целевой аудитории, или даже замены одних культурных реалий на другие, более знакомые и близкие.

Например, фразы, содержащие отсылки к специфической культуре, необходимо заменить на эквивалентные выражения, понятные носителям языка перевода [Ровенских, 2023]. Или же, если в оригинальном тексте используется определенный тип юмора, неперебиваемый напрямую, переводчик может адаптировать его, чтобы сохранить комический эффект для целевой аудитории. Прагматическая адаптация требует от переводчика глубокого понимания обеих культур, лингвистической компетенции и способности принимать обоснованные решения о том, какие изменения необходимы для достижения оптимального прагматического воздействия [Kurakina, 2020].

Вслед за М. Б. Раренко², мы рассматриваем прагматику как раздел лингвистики, занимающийся

²Раренко М. Б. и др. Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт) / М. Б. Раренко, Е. О. Опарина, Н. Н. Трошина // Термин. словарь-справочник / отв. ред. канд. филол. наук М. Б. Раренко. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2010.

исследованием взаимоотношений между языковыми выражениями и субъектами, участвующими в коммуникации. При этом процесс восприятия текста сопряжен с формированием субъективного отношения реципиента к полученной информации, включая ее денотативное значение. А. Нойберт подчеркивает важность сохранения методов воздействия (прагматических отношений), требующих изменений в тексте [Нойберт, 1978]. Согласно его теории, адекватным переводом следует считать такой текст, который сохраняет прагматику оригинала. Таким образом, прагматика должна включать в себя стилистические аспекты и противопоставляться грамматике и семантике, через которые она реализуется [Гундырева, 2021].

В. Н. Комиссаров¹ считает, что «прагматический аспект или прагматика – это влияние на ход и результат переводческого процесса необходимости воспроизвести прагматический потенциал оригинала и стремления обеспечить желаемое воздействие на рецептора перевода». Согласно К. В. Кулёмной, «способность текста производить коммуникативный эффект, осуществлять прагматическое воздействие на получателя информации, называется прагматическим аспектом или прагматическим потенциалом (прагматикой) текста» [Кулёмная, 2006, с. 177]. Учитывая вышесказанное, отметим, что текст функционирует как целостная единица (знак), способная влиять на того, кто его воспринимает, реализуя тем самым свой прагматический потенциал. Цель перевода в данном случае – оказать на читателя такое же сильное воздействие, как и оригинальный текст. Для достижения этой цели требуется прагматическая адаптация: внесение изменений, учитывающих культурные, психологические и другие индивидуальные особенности реципиента.

Прагматическая адаптация перевода включает изменения в тексте перевода, направленные на достижение необходимого воздействия на рецептора перевода. Основной причиной обращения к прагматической адаптации в контексте перевода можно считать то, что его получатель принадлежит к иной языковой культуре, и, хотя некоторые ученые считают эквивалентный перевод наиболее приемлемым и соразмерным оригиналу, они также признают, что в этом случае он может восприниматься как неадекватный.

Вслед за Л. Д. Захаровой, под прагматической адаптацией в переводе мы понимаем «целенаправленное использование переводчиком различных приемов для того, чтобы сделать текст

перевода максимально понятным и релевантным для читателя, являющегося представителем иной культурной среды»². Процесс перевода начинается с выяснения коммуникативной интенции автора: что он хотел сказать и зачем. Затем переводчик определяет доминантную функцию текста – его основную цель и то, как он должен восприниматься читателем. Каждый текст имеет такую доминантную функцию, оказывающую определенное воздействие (например, политические тексты стремятся повлиять на аудиторию). Завершающим этапом является анализ коммуникативной направленности текста. Чтобы переводной текст произвел желаемый эффект на читателя, переводчик использует прагматические адаптации – специальные приемы, позволяющие адаптировать текст перевода. Эти изменения, внесенные в текст, помогают донести до читателя перевода те моменты, которые могут быть непонятны из-за культурных или языковых различий. В конечном счете, цель прагматической адаптации – добиться, чтобы переводной текст вызвал у читателя ту же реакцию, что и оригинал у своего читателя [Акаш, 2009].

К способам прагматической адаптации относим следующие:

- 1) добавление (необходимо для того, чтобы сделать явным и передать невысказанный смысл, подразумеваемый в оригинальном тексте);
- 2) опущение (исключение избыточных слов оригинала, значение которых очевидно из контекста или неважно для понимания);
- 3) генерализацию (замену конкретного слова в исходном языке более общим словом в переводящем языке);
- 4) конкретизацию (общее понятие в исходном языке заменяется на более специфическое понятие в языке перевода);
- 5) комментарий (компенсирует смысловые потери, предоставляя дополнительную информацию, не включенную в основной текст) [Смахтина, 2023].

В процессе перевода переводчику необходимо стремиться к сохранению прагматического потенциала оригинального текста или к созданию нового прагматического потенциала, который может быть в различной степени независим от прагматики исходного материала [Ганеева, 2025]. В этом контексте переводчик может выполнять несколько ролей в межкультурной коммуникации: действовать как посредник, обеспечивающий точное соответствие перевода оригиналу, либо

¹Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для институтов и фак-тов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1990. С. 210.

²Захарова Л. Д. Прагматика перевода // Основные понятия переводоведения (отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник. 2010. С. 142

вносить изменения в коммуникативный обмен, адаптируя текст для целевой аудитории.

Таким образом, переводчик оказывает различное влияние на прагматическую соответствие информации. В этом процессе переводчика можно рассматривать как первичного рецептора оригинального текста, обладающего прагматическим восприятием как исходного, так и переведенного текста.

Художественный текст, помимо воздействия на подсознание, требует от читателя как объективного лингвистического анализа, так и субъективного восприятия, позволяющего оценить его эстетическую ценность. Художественный текст как феномен культуры выполняет эстетические функции. Эстетическая информация пронизывает все его уровни, но наиболее ярко проявляется в его языковом оформлении, которое и является главным выразителем его художественных качеств.

Перейдем к анализу конкретных примеров из произведения Пола Хокинса «Девушка в поезде» (*P. Hawkins The Girl on the Train*), выявляя стратегии прагматической адаптации, применяемые переводчиком.

Перевод имен собственных и культурных реалий

Рассмотрим примеры адаптации имен собственных, культурных реалий и пр.

- 1) If I sit in carriage D, which I usually do, and the train stops at this signal, which it almost always does, I have a perfect view into my favourite trackside house: number fifteen¹. – Сидячий вагон эконом-класса – а обычно я езжу именно в нем – останавливается на семафоре в том месте, откуда открывается отличный вид на мой любимый дом – номер пятнадцать².

Переводчик адаптирует структуру предложения, делая его более естественным для русскоязычного читателя. Использование фразы «сидячий вагон эконом-класса» вместо «carriage D» делает текст более понятным, так как читателю объясняется реалия, которая отсутствует в переводящем языке. Отдав предпочтение более развернутому описанию, вместо буквального перевода, переводчик добился полного понимания со стороны рецептора. С точки зрения прагматической адаптации переводчик в этом случае прибегнул к конкретизации и добавлению. Также перевод сохраняет

¹Зд. и далее цитируется оригинальное произведение: *Hawkins P. The Girl on the Train. London: Doubleday, 2015.*

²Зд. и далее приводится перевод В. В. Антонова: *Хокинс П. Девушка в поезде / пер. с англ. В. В. Антонова. М.: АСТ, 2015.*

личное восприятие героини, что позволяет передать эмоциональную связь с домом.

Приведем еще один пример:

- 2) We might have barbecued out back with friends, or gone to the Rose and sat in the beer garden, faces flushing with sun and alcohol as the afternoon went on, weaving home, arm in arm, falling asleep on the sofa. – А могли бы вместе с друзьями жарить мясо на гриле на заднем дворе или направиться в паб «Роуз» и пить пиво в его садике на открытом воздухе.

В этом примере переводчик сохраняет структуру оригинала, однако адаптирует культурные реалии, конкретизируя, что «Роуз» – это непосредственно паб. Употребление «садик на открытом воздухе» помогает передать общую атмосферу и не следовать концепции буквального перевода, вследствие которого может создаться непонимание. Автор перевода использует здесь конкретизацию и опущение.

- 3) Turning slightly towards window, my back to the rest of the carriage, I open one of the little bottles of Chenin Blanc I purchased from the Whistle-stop at Euston. – Я немного поворачиваюсь к окну, чтобы оказаться спиной к попутчикам, и открываю одну из маленьких бутылочек с белым полусухим «Шенен блан», которые купила в магазине на вокзале.

Интересно, что в этом примере переводчик использует генерализацию, расширяя значение и опуская название магазина. Примечательно, что при этом объясняется его местонахождение при помощи добавления. Благодаря этому способу адаптации текст стал более прост к пониманию, а предложение – менее «засоренным».

- 4) No better or worse than a dozen other towns like it, a centre filled with cafés and mobile-phone shops and branches of JD Sports, surrounded by a band of suburbia and beyond that the realm of the multiplex cinema and out-of-town Tesco. – В центре полно кафе, салонов сотовой связи, отделение сети модной спортивной одежды «Джей-Ди спортс», его окружают пригороды с раскинувшимися в них многозальным кино-театром и гипермаркетом «Теско».

Здесь, напротив, переводчик решает, и как сохранить название, и как конкретизировать упомянутое место посредством добавления отделения сети модной спортивной одежды перед названием. Конструкция «no better or worse than a dozen other

towns like it» опущена в финальном варианте на переводящем языке. Это «облегчает» предложение во много раз, что помогает донести изначальную информацию до рецептора без потери контекста.

- 5) He's wearing a silver watch with a large face on his right wrist – it looks expensive, a Breitling maybe. – На правом запястье серебряные часы с большим циферблатом – смотрятся дорого, возможно, швейцарские фирмы «Брайтлинг».

Оригинальное «He's wearing a silver watch» переведено как: «На правом запястье серебряные часы», – что сохраняет основную информацию о предмете, однако в русском варианте фраза построена более описательно.

Добавление «возможно, швейцарские фирмы „Брайтлинг“» вместо более краткого «a Breitling maybe» расширяет информацию, уточняя, что бренд «Брайтлинг» относится к швейцарским часам. Такая адаптация помогает русскоязычному читателю лучше понять престижность марки, если он не знаком с ней.

Прагматическая адаптация эмоциональной окраски

Перейдем ко второй группе, в которой адаптации связаны с передачей эмоционального воздействия исходного текста, и проанализируем следующие примеры.

- 6) Someone's phone is ringing, an incongruously joyful and upbeat song. – Звонит чей-то телефон – для сигнала вызова владелец выбрал веселую и задорную песенку, что кажется мне неуместным.

В данном примере переводчик сохраняет основное значение оригинала, однако добавляет придаточную часть «что кажется мне неуместным». Это дополнение усиливает эмоциональную окраску и передает личное восприятие говорящего. В оригинале отношение героя передается через наречие *incongruously*, что в переводе на русский означает *нелепый, неуместный*. В этом примере переводчик использует эмфатизацию посредством присваивания героине мнения касательно ее окружения и имеющихся в оригинале слов-маркеров.

Более того, оригинальная фраза содержит элемент иронии, который в переводе становится явным благодаря дополнительному комментарию. Таким образом, переводчик использует прагматическую адаптацию для передачи не только содержания, но и эмоционального контекста.

Аналогичный пример можно наблюдать в следующем предложении:

- 7) It's a relief to be back on the 8:04. – Как же приятно снова оказаться в электричке, отправляющейся в 8.04.

Перевод сохраняет основной смысл и усиливает эмоциональную окраску оригинала, но придает ему большую персонализацию, используя конструкцию «как же приятно» с целью передачи чувства облегчения и радости героини. В то же время переводчик применяет конкретизацию, сужая значение предложения до более специфического и актуального в контексте не только произведения в целом, но и локации, в которой пребывает главная героиня.

Следующий пример демонстрирует прагматическую адаптацию, отображающую мнение героини, основанное на ее представлениях о моральных ценностях в обществе:

- 8) It's less acceptable to drink on the train on a Monday, unless you're drinking with company, which I am not. – Пить в поезде в понедельник не очень-то здорово, тем более если делать это в одиночку, а компании у меня нет.

Переводчик адаптирует структуру предложения, делая его более разговорным и естественным для русскоязычного читателя. Фраза «не очень-то здорово» передает атмосферу легкой иронии, которая не так ярко выражена в тексте оригинала. В данном случае предложение на языке перевода показывает отношение героини к этому утверждению. Прагматическая адаптация здесь заключается в добавлении.

- 9) I wish I'd remembered to buy a bottle of water. – Жаль, что забыла купить бутылку воды.

Слово *wish* в оригинале указывает на сильное желание или сожаление, которое в переводе также сохраняется через «жаль». В связи с этим предложение изменяется посредством антонимического перевода: вместо *remembered* в оригинале, мы видим «забыла» в русском варианте.

Перевод адекватно передает эмоциональную окраску и смысл оригинала, осуществляя прагматическую адаптацию через упрощение конструкции и конкретизацию.

Особые примеры прагматической адаптации в романе

В третьей группе мы сталкиваемся с особой прагматической адаптацией. Приведем показательные примеры:

10) TGIF. – Слава Богу, что сегодня пятница.

Здесь переводчик адаптирует аббревиатуру «Thank God it's Friday», которая в английском языке является распространенным выражением, в полноценную фразу на русском языке. Поскольку на русском языке нет аналога данной аббревиатуры, а создание ее вариации на переводящем языке не является целесообразным, поскольку только введет рецептора в замешательство, переводчик модифицировал текст оригинала, расшифровав его. Тем самым он смог сохранить смысл предложения, делая его более понятным для русскоязычного читателя. В качестве способа прагматической адаптации использовали добавление.

11) In the old days we might have driven to Corly Wood with a picnic and the papers, spent all afternoon lying on a blanket in dappled sunlight, drinking wine. – В прежние времена мы, наверное, отправились бы в Корли-Вуд, прихватив с собой все для пикника и газеты, и провели бы там весь день, лежа на одеяле, покрытом солнечными зайчиками, и потягивая вино.

Переводчик адаптирует описание, добавляя детали, которые создают визуальный образ. Фраза «лежать на одеяле, покрытом солнечными зайчиками» придает поэтичность и усиливает атмосферу воспоминаний. Это пример успешной стилистической адаптации, где переводчик использует добавление образных выражений, чтобы передать атмосферу оригинала.

12) I know this house by heart. – Я знаю этот дом как свои пять пальцев.

В приведенном примере переводчик использует устойчивую фразу, адаптируя оригинал в рамках реалий рецептора перевода. Это позволяет сохранить эмоциональную окраску и выразительность фразы. Прагматическая адаптация заключается в том, чтобы сделать выражение более привычным для русскоязычного читателя с помощью добавления.

13) I live in a smart(ish), new(ish) block situated at the point where the commercial heart of the place starts to bleed into the residential outskirts, but it is not my home. – Я живу в приличном (можно сказать) новом (можно сказать) квартале, расположенном там, где артерии от коммерческого сердца города начинают расплзаться в жилые окраины, но это не мой дом.

В этом примере переводчик адаптирует предложение на лексическом и грамматическом уровнях, добавляя написанное в скобках *можно сказать* вместо *smart(ish), new(ish)*.

14) Life is not a paragraph, and death is no parenthesis.

Данный пример интересен тем, что его перевод был вовсе опущен. Если анализировать этот факт с точки зрения получателя перевода, то можно согласиться с тем, что теряется важный стилистический троп, который здесь представлен в виде метафоры. С учетом контекста предложения, а также смысла всего произведения, становится ясно, что героиня остается под впечатлением от увиденного и именно поэтому развивает мысль написанного в голове, приходя к выводу: жизнь не укладывается в абзац, смерть не отсрочится вводным словом.

15) Cathy's a nice person, in a forceful sort of way. She makes you notice her niceness. – Кэти – очень правильная, и это сразу видно. Она не только этого не скрывает, но даже заставляет замечать.

В данном примере происходит замена слова *nice* на *правильная* посредством генерализации значения. Хотя *правильная* может передавать положительное качество, оно не полностью соответствует изначальному значению слова, которое подразумевает доброту и приятность. Это изменение может привести к потере нюансов характера персонажа.

Фраза «forceful sort of way» в оригинале указывает на то, что ее доброта проявляется настойчиво и заметно, однако русский вариант почти не эквивалентен в этом примере. В переводе применено опущение, а это качество представлено конкретизацией «и это сразу видно». Последнее предложение также полностью заменено по смыслу в переводе; задействованы опущение и добавление.

Заключение

Прагматическая адаптация как важный элемент перевода направлена на сохранение и передачу не только лексического содержания, но и эмоциональной нагрузки, культурного контекста и стилистических особенностей оригинала. Анализ показал, что подходы к прагматической адаптации варьируются в зависимости от жанра текста. В художественном переводе акцент делается на сохранение художественной выразительности и эмоциональной окраски, что требует от переводчика высокой степени креативности и интуиции.

Таким образом, прагматическая адаптация является неотъемлемой частью процесса перевода, требующей от переводчика глубокого понимания как исходного, так и целевого культурного контекста. Успешная адаптация способствует более точному и эффективному донесению информации, что в свою очередь усиливает коммуникацию между культурами. Важно отметить, что каждый тип текста

требует индивидуального подхода, основанного на его специфике и целевой аудитории, что подчеркивает многообразие и сложность переводческой деятельности. Несомненно, понимание процессов прагматической адаптации открывает новые горизонты для дальнейших исследований и практики в области перевода, что, безусловно, способствует совершенствованию переводческой деятельности в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода: монография. М.: Аудитория, 2016.
2. Сдобников В. В. Российское переводоведение в XXI веке. Проблемы и перспективы. М.: Флинта, 2024.
3. Иноземцева Н. В. Прагматическая адаптация как эффективный механизм перевода художественного текста (на материале сказки Дианы Уинн Джонс «Хранители Волшебства») / Н. В. Иноземцева, В. А. Майер // Современные исследования социальных проблем. 2022. Т. 14. № 1–3. С. 102–107.
4. Евстафиади О. В. Прагматическая адаптация при передаче речи персонажей в переводе романа Нила Геймана «Neverwhere» на русский язык / О. В. Евстафиади, А. С. Гирченко // Филологические чтения 2019: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Оренбург, 19–20 сентября 2019 года. Оренбург: Агентство Пресса, 2019. С. 177–180.
5. Ровенских М. Д. Преодоление культурных различий при переводе художественного текста через прагматическую адаптацию // Современная наука: вызовы, проблемы, решения – взгляды молодежи: сб. материалов Международной научно-практической конференции, Биробиджан, 17–18 октября 2023 года. Биробиджан: Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема, 2023. С. 549–552.
6. Kurakina N. A. Pragmatic and sociocultural adjustments in translation: rethinking translator's status / N. A. Kurakina, E. V. Kharitonova // Russian Linguistic Bulletin. 2020. № 1 (21). P. 109–113.
7. Нойберт А. Прагматические аспекты перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: сб. статей. М.: Международные отношения, 1978. С. 185–201.
8. Гундырева О. А. Прагматика текста: перевод с иностранного языка как коммуникативное сообщение / О. А. Гундырева, И. В. Лаптева // Дневник науки. 2021. № 6. С. 88–89.
9. Кулёмина К. В. Прагматическое воздействие текста (на примере стихотворения В. В. Маяковского) // Нефтегазовые технологии и экологическая безопасность. Вестник АГТУ. 2006. № 5 (34). С. 177–83.
10. Акаш Б. А. Прагматический аспект перевода // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2009. Вып. 39. С. 28–31.
11. Смахтина В. Р. К вопросу о прагматике перевода библейских фразеологизмов / В. Р. Смахтина, А. Д. Бакина // Филология, лингвистика и лингводидактика: вопросы теории и практики: сб. научн. тр. III Международной научной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения С. В. Красновой, Елец, 06–07 апреля 2023 года. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2023. С. 56–59.
12. Ганеева Э. Р. Генерализация как способ прагматической адаптации в синхронном переводе / Э. Р. Ганеева, А. С. Лузанова // Доклады Башкирского университета. 2025. Т. 10. № 1. С. 37–44.

REFERENCES

1. Retsker, Ya. I. (2016). *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoi teorii perevoda = Translation Theory and Translation Practice. Essays on Linguistic Translation Theory*. Moscow: Auditoriya. (In Russ.)
2. Sdobnikov, V. V. (2024). *Rossijskoe perevodovedenie v XXI veke. Problemy i perspektivy = Russian Translation Studies in the 21st century. Problems and Perspectives*. Moscow: Flinta. (In Russ.)
3. Inozemceva, N. V., Majer, V. A. (2022). *Pragmaticheskaya adaptaciya kak effektivnyj mekhanizm perevoda hudozhestvennogo teksta (na materiale skazki Diany Uinn Dzhons "Hraniteli Volshebstva") = Pragmatic adaptation as an effective translation mechanism in translating fiction (on the material of the fairy tale "Guardians of Magic" by Diane Wynne Jones)*. *Sovremennyye issledovaniya social'nyh problem = Modern Studies of Social Issues*, 14(1–3), 102–107. (In Russ.)

4. Evstafiadi, O. V., Girchenko, A. S. (2019). Pragmaticeskaya adaptatsiya pri peredache rechi personazhej v perevode romana Nila Gejmana "Neverwhere" na russkij yazyk = Pragmatic adaptation in rendering characters' speech in the translation of Neil Gaiman's novel "Neverwhere" into Russian. In Filologicheskie chteniya 2019 (pp. 177–180): proceedings of a scientific and practical conference with international participation. Orenburg, 19–20 sep. 2019. (In Russ.)
5. Rovenskih, M. D. (2023). Preodolenie kul'turnyh razlichij pri perevode hudozhestvennogo teksta cherez pragmaticheskuyu adaptatsiyu = Overcoming cultural differences in translating fiction by means of pragmatic adaptation. In Sovremennaya nauka: vyzovy, problemy, resheniya – vzglyady molodyozhi = Modern Science: Challenges, Problems, Solutions – Views of Young People (pp. 549–552): proceedings of an international scientific and practical conference. Birobidzhan, 17–18 oct. 2023. (In Russ.)
6. Kurakina, N. A., Kharitonova, E. V. (2020). Pragmatic and sociocultural adjustments in translation: rethinking translator's status. Russian Linguistic Bulletin, 1(21), 109–113.
7. Nojbert, A. (1978). Pragmaticeskije aspekty perevoda = Pragmatic Aspects of Translation. The Questions of the Translation Theory in Foreign Linguistics Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)
8. Gundyreva, O. A., Lapteva, I. V. (2021). Text Pragmatics: Translation as a Communicative Message. Dnevnik nauki = Science Diary, 6, 88–89. (In Russ.)
9. Kulyomina, K. V. (2006). Pragmatic influence of the Text (on the material of the poem by V. V. Mayakovskiy). Oil-Gas Technologies and Ecological Safety, Vestnik AGTU, 5(34), 177–183. (In Russ.)
10. Akash, B. A. (2009). Pragmaticeskij aspekt perevoda. Yazyk, soznanie, kommunikatsiya = Pragmatic Aspects of Translation. Language. Cognition. Communication. Moscow: MAKS Press. (In Russ.)
11. Smahtina, V. R. (2023). On the Problem of Translation Pragmatics of Biblicisms. In Filologiya, lingvistika i lingvodidaktika: voprosy teorii i praktiki = Philology, linguistics and linguodidactics: issues of theory and practice (pp. 56–59): The digest of articles of the 3d international conference on the 95th anniversary of S. V. Krasnova's birth. Yelets. 06–07 apr. 2023 (In Russ.)
12. Ganeeva, E. R., Luzanova, A. S. (2025). Generalization as a Means of Pragmatic Adaptation in Simultaneous Translation. The reports of Bashkirsky University, 10(1), 37–44. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бакина Анна Дмитриевна

доктор филологических наук, доцент
заведующий кафедрой английской филологии
Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bakina Anna Dmitrievna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Head of the English Philology Department
Oryol State University named after I. S. Turgenev

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

12.12.2025
15.01.2026
02.02.2026

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Проблемы сохранения авторского стиля в комиксе, основанном на литературном произведении (роман «Родина» Фернандо Арамбуру)

Н. В. Бударина¹, А. А. Альварес Солер²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹nvr996@mail.ru

²anna.alvaessoler@gmail.com

Аннотация. Цель данной работы состоит в исследовании проблем передачи и сохранения авторского стиля литературного произведения в адаптациях в формате комиксов путем использования метода сопоставительного анализа оригинального произведения и его адаптации. Материалом исследования служит роман Фернандо Арамбуру «Родина», а также созданный на его основе одноименный комикс. Основной метод исследования – сопоставительный анализ. В статье особое внимание уделяется вопросам интерпретации авторского замысла, анализируются особенности адаптации текста, психологических портретов персонажей, визуальной стилистики и атмосферы оригинала, а также выявляется совокупность вербальных и невербальных средств, с помощью которых создателю комикса удается сохранить индивидуальный почерк автора первоисточника.

Ключевые слова: авторский стиль, адаптация, комикс, вербальные компоненты, невербальные компоненты

Для цитирования: Бударина Н. В. Проблемы сохранения авторского стиля в комиксе, основанном на литературном произведении (роман «Родина» Фернандо Арамбуру) / Н. В. Бударина, А. А. Альварес Солер // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2 (908). С. 26–34.

Original article

Fernando Aramburu's Novel "Patria": Challenges of Preserving Author's Style in Comic Adaptations of Novels

Nadezhda V. Budarina¹, Anna A. Alvares Soler²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹nvr996@mail.ru

²anna.alvaessoler@gmail.com

Abstract. This study investigates the challenges of conveying and preserving the author's individual style in comic adaptations of novels through a comparative analysis of the original text and its adaptation. Fernando Aramburu's novel *Patria* and its eponymous comic adaptation provide the material to this study. Special attention is paid to the interpretation of the author's intent, the analysis of textual adaptation techniques, the psychological portrayal of characters, and the visual stylistics and atmosphere of the original text. The article also defines the verbal and non-verbal means employed by the comic's creator in order to retain the unique stylistic features of the original source.

Keywords: author's style, adaptation, comics, verbal components, non-verbal components

For citation: Budarina, N. V., Alvares Soler, A. A. (2026). Fernando Aramburu's novel "Patria": challenges of preserving author's style in comic adaptations of novels. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2(908), 26–34. (In Russ.)

Введение

Адаптация литературного произведения в формат комикса представляет собой увлекательный, но одновременно сложный процесс. При переносе истории из одного формата в другой неизбежно возникает ряд проблем, связанных с необходимостью сохранения уникального авторского стиля, с учетом особенностей обоих жанров.

Роман «Родина» испанского писателя Ф. Арамбуру, опубликованный в 2016 году, стал объектом пристального внимания благодаря острому социальному подтексту и мастерству автора в описании человеческих эмоций. В своем романе Арамбуру на примере судеб двух семей описывает двадцатилетний период истории басков, отмеченный активностью террористической организации ЭТА. На фоне социально-политических событий, происходивших в Испании в те годы, автор исследует многообразие человеческих взаимоотношений: между родителями и детьми, мужем и женой, братьями и сестрами, друзьями детства. На основе этого романа впоследствии были выпущены одноименный сериал и комикс.

В статье на примере романа Ф. Арамбуру «Родина» и созданного по его мотивам комикса исследуются проблемы сохранения авторского стиля, возникающие при переносе литературного произведения в комикс. Задачи исследования состоят в том, чтобы на основе анализа текста романа выявить ключевые характеристики авторского стиля Фернандо Арамбуру; путем сопоставления литературного произведения и созданного по его мотивам комикса исследовать возможные потери или искажения при переводе текста в визуальный формат; проанализировать факторы, влияющие на изменение или сохранение авторской модели повествования, и в целом сделать выводы об основных проблемах сохранения авторского стиля при переносе истории из одного формата в другой, а также способах их решения.

Актуальность исследования заключается в том, что в последние десятилетия наблюдается рост интереса к экранизациям и адаптациям литературных произведений в кино, сериалы и комиксы. Это связано с развитием технологий, а также желанием аудитории получать информацию в разных форматах. Комиксы занимают особое место среди подобных адаптаций благодаря своей способности сочетать вербальные и невербальные элементы, что делает их уникальным средством передачи замысла автора. Тем не менее разработчики данных проектов сталкиваются с проблемой необходимости сохранить уникальную авторскую манеру повествования, его языковые особенности

и способы передачи атмосферы произведения в процессе переноса произведения в другой жанр. Вопрос о том, как сохраняется или трансформируется индивидуальный авторский почерк – тонкая и многогранная категория – при переводе литературного произведения в визуально-вербальный нарратив комикса, является важным для литературоведения, семиотики, культурологии и теории адаптации. Исследование наглядно демонстрирует, как вербальные и невербальные средства комикса способны взаимодействовать для сохранения духа оригинала.

Научная новизна статьи состоит в том, что, хотя и существует ряд работ, посвященных экранизации книг, анализ специфических особенностей перехода от текста к графическому изображению в формате комикса пока недостаточно представлен в научной литературе. Данное исследование может внести вклад в понимание механизмов, влияющих на сохранение авторского стиля в процессе переложения литературного произведения в форматы, ориентированные на разную аудиторию и использующие различные средства донесения информации.

Следует особо отметить, что тема сохранения авторского стиля произведения при создании его визуальных адаптаций является предметом глубокого и многостороннего изучения в современной филологической науке, семиотике и теории культуры. Данная проблематика выходит за рамки литературоведческих или искусствоведческих исследований, затрагивая вопросы межсемиотического перевода, интерпретации и функционирования текста в новой медиальной среде.

Эта область активно разрабатывается целым рядом отечественных и зарубежных исследователей, которые подходят к ней с различных методологических позиций. В частности, можно выделить труды О. В. Кареловой, чьи исследования сосредоточены на языке и стиле поэзии. Несмотря на то, что исследователь в первую очередь фокусируется на поэтическом тексте, ее методологические подходы к анализу сложного, многоуровневого понятия «стиль» и «язык» (лексические, синтаксические, фонетические особенности, образность, ритмика), несомненно, имеют большое значение и для понимания стиля прозаического произведения. Работы О. В. Кареловой представляют ценную методологическую основу для вычленения и описания тончайших стилистических элементов (например, метафор, интонаций, психологических подтекстов), которые формируют индивидуальный почерк автора и которые затем требуется распознать и проанализировать при их переводе в визуально-вербальный формат комикса. Понимание того, как язык и стиль создают художественную реальность в одном медиа,

является ключом к анализу их трансформации в другом. В свою очередь, А. М. Мартазанов в своих исследованиях уделяет внимание особенностям композиции прозаических романов и идиостилю автора. Его работы сосредоточены на анализе того, как уникальные структурные элементы произведения (построение сюжета, организация повествования, хронотоп) и авторская манера (лексика, синтаксис, система образов, риторические фигуры) формируют цельное художественное впечатление. В контексте нашей статьи работы А. М. Мартазанова важны тем, что они предоставляют методологическую основу для вычленения и описания тех глубинных компонентов авторского стиля и композиции, которые затем должны быть трансформированы и сохранены при переходе в визуальный формат комикса. Понимание того, как идиостиль проявляется в вербальном тексте, какими «идиостилистическими языковыми единицами» он реализуется, является необходимым предварительным этапом для оценки его сохранения в визуальной адаптации [Горожанов, 2022].

Таким образом, наше исследование органично вписывается в широкий научный контекст, продолжая и дополняя традиции анализа адаптаций, но при этом сфокусировано на специфике комиксов. Это позволяет не только использовать наработки предшественников, но и внести собственный вклад в понимание того, как сложные стилистические и смысловые категории литературного произведения могут быть переведены и сохранены в уникальном смешанном формате графического романа. С этой целью в качестве материала исследования избран знаковый и глубокий роман Ф. Арамбуру «Родина», а также созданный на его основе одноименный комикс. Этот выбор представляется удачным, поскольку «Родина» – произведение с насыщенным психологизмом, сложной структурой повествования и глубоким социальным подтекстом, что делает его адаптацию особенно интересным объектом для анализа проблем передачи авторского стиля.

Основной метод исследования – сопоставительный анализ – является наиболее адекватным для поставленных задач. Он позволяет выявить точки соприкосновения и расхождения между оригиналом и адаптацией на различных уровнях, определить степень их соответствия и эффективность использованных в комиксе средств для воссоздания авторского стиля.

Понятие авторского стиля. Авторский стиль Ф. Арамбуру

Термин «стиль» может использоваться в значении совокупности языковых особенностей и художественных приемов, характерных для творчества

конкретного автора, исторической эпохи или нации. Следует отметить, что стиль возникает в процессе реализации языка в устной или письменной речи, образующей некое связное целое. Любая идея или образ, создаваемый автором, находит свое языковое отражение [Карелова, 2006]. Индивидуальный стиль автора может выражаться в выборе определенных лексических единиц, обладающих, в частности, особой стилистической окраской или создающих игру слов, в использовании повторяющихся символов и художественных приемов, придающих тексту образность.

Кроме того, авторский стиль может включать в себя особенности композиции, такие как общее построение сюжета и переходы между эпизодами, так как автор выстраивает структуру произведения, исходя из собственных ассоциативных связей между его частями [Мартазанов, 2017]. Также необходимо учитывать выбор автором определенных затрагиваемых в произведениях тем, а также то, насколько тщательно проработаны психологические портреты персонажей. Так, например, представленный в произведении внешний облик персонажей в большинстве случаев отражает их внутреннее состояние, характер и чувства [Рябина, 2012].

Жанр произведения тоже оказывает влияние на формирование авторского стиля, так как диктует определенные правила и нормы, которым автор следует при создании произведения. Так, например, жанр романа предполагает такую структуру литературного произведения, которая бы вмещала в себя разворачивающийся на нескольких уровнях конфликт и несколько сюжетных линий, соединенных и организованных между собой определенными узловыми точками. Кроме того, роман предполагает наличие тщательно прописанных персонажей, отражающих наиболее значимые характеристики своей эпохи и превращающиеся таким образом в «героев своего времени» [Глазунова, 2011]. Более того, жанр ориентирован на определенного читателя, на некую целевую аудиторию произведения, которая в большинстве случаев представлена не отдельными персонами, но целыми социальными группами или даже может включать в себя всё общество в целом в определенную историческую эпоху [Манкевич, 2003]. Следовательно, жанр произведения отражает некоторые социальные и культурные реалии своего времени, а также может влиять на выбор средств художественной выразительности, подходящих для достижения поставленных автором целей.

В данном исследовании проблема сохранения авторского стиля рассматривается на примере романа современного испанского писателя Фернандо Арамбуру, который в своих произведениях неоднократно затрагивает острые

социальные и политические вопросы, а также моральные дилеммы. В романе «Родина» он раскрывает сложную, болезненную и до определенного времени табуированную тему, исследуя конфликт в стране Басков и показывая последствия террора и насилия для общества и отдельных людей. Используя исторический контекст как фон для своих сюжетов, Арамбуру уделяет большое внимание внутренним конфликтам своих героев, а также их субъективным точкам зрения. Через их переживания читатель получает возможность увидеть, как внешние события влияют на внутреннюю жизнь человека.

Что касается композиционных решений, индивидуальный стиль Фернандо Арамбуру предполагает нарушение линейной хронологии. Роман читается как совокупность эпизодов, иногда разделенных между собой десятилетиями. При этом каждый эпизод дает всё большее представление о происходящих событиях, так что читатель глубже втягивается в большую историю через проникновение в частные истории. Зачастую автор обрывает эпизод на самом интересном месте, оставляя читателя в неведении относительно исхода очередного поворота сюжета, так что разрешение ситуации может раскрыться лишь спустя несколько страниц, когда читатель уже полностью погружается в новую главу. Некоторые главы представляют собой описание одних и тех же сцен, но с точки зрения разных представленных в них героев. Таким образом, возвращаясь к одним и тем же событиям, автор позволяет читателю лучше понять личные переживания каждого из персонажей романа.

Отдавая дань уважения баскской культуре, а также добиваясь большей достоверности и погружения читателя в атмосферу романа, автор вкладывает в речь персонажей большое количество баскских слов и фраз. В конце романа даже представлен краткий словарь, включающий в себя используемые в тексте выражения на баскском языке.

Кроме того, в романе «Родина» в ряде особенно значимых для сюжетной линии эпизодов повествование от третьего лица в рамках одного и того же абзаца плавно переходит в рассказ от первого лица. Таким образом, у читателя появляется возможность лучше увидеть ситуацию глазами самих героев. Также следует отметить такие языковые решения, как, например, предоставление читателю нескольких синонимов на выбор в моменты высокого эмоционального напряжения в тексте.

Особенности жанра комикса. Проблемы адаптации литературного произведения в комикс

Комикс сегодня представляет собой один из самых популярных жанров массовой культуры.

Он объединяет в себе элементы изобразительно-го искусства и литературы, представляя собой последовательность организованных в одну историю изображений, дополненных короткими текстовыми вставками [Захарова, 2016]. Важной особенностью комиксов является удобная форма подачи информации, облегчающая восприятие, а также тесная взаимосвязь между визуальными элементами и сопровождающими их текстами, представляющими собой единое целое [Грушецкая, 2019].

Жанр комикса предполагает визуальную наглядность: диалоги и комментарии передают слова и мысли персонажей, в то время как изображения визуализируют эмоции, атмосферу и действия героев. Вербальные и невербальные элементы комикса образуют единое смысловое целое, создавая креолизованный текст, который эффективно передает большое количество информации и делает ее легко воспринимаемой читателем. Подобный синкретизм вербального и невербального позволяет визуальной составляющей добавлять дополнительные смыслы, выражать то, что не было достаточно точно передано словами. Тексты и изображения дополняют друг друга, углубляя понимание истории на разных уровнях [Семьян, 2014].

Реплики персонажей, вербальные компоненты комикса, в большинстве случаев размещаются в филактерах – специальных графических элементах, передающих слова или мысли персонажей. Форма филактеров может меняться в зависимости от эмоционально окраски реплики [Степанец, 2020]. Кроме того, в комиксах также может присутствовать речь автора: в данном случае текст размещается вне рамок кадра, над или под ним. Однако не все комиксы содержат комментарии автора – в некоторых, таких как «Родина», они отсутствуют.

Невербальные элементы комикса включает в себя кадры – изображения, помещенные в рамки. Кроме того, необходимо учитывать также размеры кадров, их формы, выбор цвета, то, как именно они размещены на странице, и как между ними обозначены границы. Обычно комикс представляет собой последовательный набор кадров, формирующих историю, что сближает этот жанр с кино [Цыркун, 2013].

С помощью кадров в формате комикса представлены категории времени и пространства. Так, каждый кадр заключает в себе всю необходимую информацию для правильного восприятия событий, представленных автором в данном отрезке времени. Текст в комиксе так же идет не непрерывным потоком, как в литературном произведении, но дробится, распределяется между кадрами таким образом, что читателю для целостного понимания истории необходимо постоянно

сопоставлять между собой изображения и тексты [Широкоступ, 2020]. Контуры и очертания изображений представляют собой важные невербальные элементы комикса и выполняют различные функции. Так, например, прямоугольный формат часто указывает на происходящее в настоящем времени, тогда как волнистые или пунктирные линии могут свидетельствовать о воспоминаниях персонажей о прошлом. Размер кадров обычно зависит от значимости сцены для сюжета или для конкретного персонажа [Цыркун, 2013].

Выбор в пользу той или иной цветовой палитры также играет важную роль. Цвет выполняет как смыслообразующую, так и структурирующую функцию: например, с помощью различных комбинаций синего, серого и других холодных оттенков можно придать сцене таинственность, в то время как красные и оранжевые тона помогают выразить накал страстей. Ряд кадров, выдержанных в схожих оттенках, будут восприниматься как единое смысловое целое, в то время как резкое изменение цветовой гаммы может сигнализировать о смене сюжетного плана [Столярова, 2010]. Так, например, во многих случаях для обозначения настоящего времени создателем комикса используются более яркие и контрастные цвета, а для событий из прошлого – более мягкие и приглушенные тона [Яковлева, 2020].

В большинстве случаев эмоции персонажей в формате комикса следует передавать ярко и выразительно, иногда даже слегка гиперболизированно, так, чтобы любая эмоция была легко узнаваема и воспринимается читателем. В связи с этим изображение эмоций часто упрощается до ряда ключевых черт: например, радость передается с помощью широкой улыбки, а грусть – через низко опущенные уголки рта персонажа [Анищенко, 2018].

Все вышеперечисленные особенности комикса как жанра создают определенные трудности при адаптации в этот формат литературного произведения. Одна из главных проблем состоит в необходимости сжато передать большой объем информации, сохранив при этом ключевые идеи, атмосферу и акценты оригинала. Текст романа обычно многократно превосходит содержательную емкость комикса, и, как следствие, нуждается в сокращении. Отбор автором комикса реплик и эпизодов приводит к тому, что некоторые из них опускаются, и происходит частичная потеря части авторского стиля и сложности сюжета. Так, например, формат комикса, в отличие от литературного произведения, не предполагает использование в нем описательных и повествовательных элементов, а следовательно, создателю комикса приходится жертвовать многими отрывками,

речью автора и часто частью диалогов, оставляя лишь наиболее значимые фрагменты. Кроме того, если в литературном произведении автор может вербально создать полный психологический портрет персонажа, то в комиксе этот портрет следует передавать визуально, довольствуясь лишь минимальным количеством текста [Савич, 2023].

Более того, комикс по мотивам литературного произведения представляет собой новый готовый инфопродукт, а следовательно, возникает вопрос о творческой свободе автора, часто входящей в противоречие с необходимостью так или иначе ориентироваться на первоисточник. Формат графического романа представляет собой взаимодействие литературы и изобразительного искусства, в ходе которого история, изложенная в романе, приобретает новые грани [Юдин, 2017]. Комикс по мотивам романа, таким образом, может отражать собственную точку зрения автора комикса на роман, служить своего рода призмой, через которую читателю предоставляется возможность по-новому взглянуть на оригинальное произведение [Семьян, 2014].

Следует также отметить, что чтение комикса всегда предполагает высокую степень интерактивности, требует активного участия читателя, которому необходимо уметь интерпретировать мысли и чувства персонажей, а также всю последовательность фреймов в целом как единое повествование. Соответственно, последовательность кадров должна быть организована таким образом, чтобы оставаться ясной и доступной для понимания [Антанасиевич, 2016].

Что касается вовлеченности читателей, также нельзя забывать и о том, что литературное произведение и комикс представляют собой два совершенно разных формата, могут быть размещены на разных платформах и нацелены на отличающиеся друг от друга аудитории. Следовательно, они нуждаются в использовании различных по своей сути способов привлечения внимания читателей и создания условий для лучшего восприятия произведения.

Проблемы сохранения авторского стиля при адаптации романа «Родина» Ф. Арамбуру в одноименный комикс

Адаптация романа «Родина» Ф. Арамбуру в комикс, выполненная Тони Фейжулой, демонстрирует как преимущества, так и вызовы перевода литературного нарратива в визуально-текстовый формат. Следует отметить, что роман Арамбуру насыщен внутренними монологами, историческими отсылками и многоплановыми характерами, в то время как в основывающемся на нем комиксе

вынужденно сокращается объем текста. Так, например, создатель комикса полностью жертвует речью автора, фокусируясь на ключевых диалогах и сценах. Кроме того, авторский стиль Ф. Арамбуру предполагает постоянные возвращения к одним и тем же сценам, которые по ходу повествования рассматриваются глазами различных персонажей в разное время, что подчеркивает субъективность памяти и восприятия событий. Однако в формате комикса представляется невозможным многократное повторение одних и тех эпизодов, в связи с чем каждый из них раскрывается читателю только один раз, что приводит к некоторому их упрощению. Тем не менее временные скачки всё же находят свое отражение в комиксе: для этого применяются такие графические приемы, как изменение цветовой гаммы, предполагающее выбор более приглушенных тонов для прошлого и более контрастных – для настоящего, а также дробление страницы на «окна»-воспоминания, что упрощает восприятие нелинейного сюжета в графическом формате.

В романе глубина психологических портретов героев создается через детальные описания их воспоминаний и переживаний, что также представляется затруднительным при переносе истории в текстово-визуальный формат. В комиксе психология персонажей, их характеры и состояния передаются через достаточно скупые реплики, экспрессивные позы и визуальные метафоры: использование теней и определенной цветовой палитры. Так, например, холодные цвета с преобладанием синего ассоциируются с печалью и используются для сцен, сосредоточенных на героине Биттори, в то время как оттенки красного, взятого за основу цветовой палитры героини Мирен, ассоциируются с гневом и революционным настроением. Подобное использование визуальных метафор позволяет сохранить основную идею произведения – исследование распада социальных связей, вины и прощения, – но частично нивелирует нюансы авторского стиля Арамбуру.

Как и Арамбуру, создатель комикса Т. Фейжула не дает никакой личной оценки ни персонажам, ни их действиям. Оба автора избегают разделения героев на «хороших» и «плохих», стремясь раскрыть их во всей их многогранности.

Если в романе напряжение между персонажами раскрывается через внутренние размышления и вербально выраженные конфликты, то Фейжула, учитывая ограниченные возможности использования вербальной составляющей в жанре комикса, акцентирует внимание читателя на мимике, жестах персонажей и композиции кадров. Так, например, сцены молчаливого противостояния

персонажей переданы через крупные планы лиц, игру света и тени, что усиливает драматизм без дополнительных пояснений. Не следует забывать, что подобная визуализация требует от читателя умения считывать невербальные сигналы, что в очередной раз подтверждает интерактивную природу комикса.

В целом, в отличие от романа, комикс требует более активного участия читателя, предоставляя ему возможность самостоятельно выстраивать связи между кадрами, формируя последовательную и логичную историю. Кроме того, зачастую ряд концептов в формате комикса может быть выражен не с помощью вербальной составляющей, но благодаря визуальным метафорам, в связи с чем читатель не должен ограничиваться одним лишь поверхностным прочтением истории: ему необходимо также замечать символизм ряда деталей [Корончик, 2023]. Так, например, образы разрушенных домов могут представлять собой метафору распада разделенного на два лагеря, угнетенного террористической угрозой общества.

Заключение

Таким образом, адаптация романа Фернандо Арамбуру «Родина» в формат комикса успешно транслирует основные темы и идеи через визуальную выразительность, но неизбежно теряет часть литературной сложности. Комикс представляет собой альтернативное прочтение литературного произведения, где, несмотря на сжатие сюжета, ключевые монологи и диалоги остаются нетронутыми. Визуальная составляющая при этом компенсирует лаконичность текста, а читательская интерпретация дополняет авторский замысел.

Важно отметить, что Т. Фейжула не копирует текст Арамбуру, но переосмысляет его через визуальный язык, сохраняя суть авторского стиля оригинального произведения: психологическую глубину персонажей, многообразие представленных в романе взглядов, стремление сконцентрировать внимание читателя не только на самих исторических событиях, но на их непосредственном влиянии на жизни людей. Комикс, таким образом, становится диалогом между литературой и графическим искусством.

Сохранение авторского стиля в таком процессе требует внимательного подхода к каждому аспекту: от передачи атмосферы и настроения до учета всех черт психологических портретов персонажей, а создатель комикса сталкивается с необходимостью визуализировать сложные эмоции и идеи романа, сохраняя при этом уважение к оригинальному тексту.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Горожанов А. И. Стандартизированная процедура получения статистических параметров текста (на материале цикла рассказов Дж. Лондона «Смок Белью. Смок и Малыш») / А. И. Горожанов, И. А. Гусейнова, Д. В. Степанова // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. 2022. № 4 (119). С. 7–13.
2. Карелова О. В. К вопросу изучения индивидуального стиля автора // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2006. Т. 3. № 20. С. 24–29.
3. Мартазанов А. М. Об особенностях композиции прозаических произведений и идиостиле писателя // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9. № 4–1. С. 171–180.
4. Рябинина М. В. Портрет как средство психологической характеристики персонажа в повестях Г. Алексева // Вестник Чувашского университета. 2012. № 4. С. 302–306.
5. Глазунова О. И. Сюжет в структуре художественного текста: принципы отображения и развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2011. № 3. С. 29–41.
6. Манкевич И. А. Жанр как феномен литературных коммуникаций: опыт культурологического прочтения // Вестник Омского университета. 2003. № 4. С. 93–96.
7. Захарова М. В. Комикс как способ передачи смыслового контента в историко-культурном аспекте / М. В. Захарова, Е. М. Тимченко // Культурология и искусствоведение: материалы II Международной научной конференции. Казань, 2016. С. 1–3.
8. Грушецкая Е. Н. Структурные особенности комикса как текста // На перекрестке культур: единство языка, литературы и образования: сб. науч. ст. I Международной научно-практической интернет-конференции. 2019. С. 21–24.
9. Семьян Т. Ф. Поэтика комикса-адаптации «Мастер и Маргарита» Р. Б. Танаева: визуальное vs. вербальное / Т. Ф. Семьян, Л. А. Юдин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2014. Т. 11. № 4. С. 40–44.
10. Степанец М. В. Понятие «Комикс» как тип текста // StudNet. 2020. № 10. С. 248–249.
11. Цыркун Н. А. Комикс и кинематограф: общий генетический код // Артикульт. 2013. № 1 (9). С. 4–10.
12. Широкоступ В. Д. Комикс в коммуникативной практике современного читателя // Пражская русистика: сб. науч. ст. конференции. Прага: Карлов Университет – Педагогический факультет. 2020. С. 131–142.
13. Столярова Л. Г. Анализ структурных элементов комикса // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 383–388.
14. Яковлева В. В. Взаимодействие вербального и невербального в образовательном комиксе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19. № 6. С. 180–189.
15. Анищенко А. В. К вопросу о концептуализации эмоций в немецкоязычном комиксе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 9 (801). С. 69–77.
16. Савич М. Д. Выразительные средства адаптивного комикса и их влияние на современного читателя (на примере романа Дж. Остин «Гордость и предубеждение» и одноименного комикса Н. Хайески) / М. Д. Савич, В. В. Биткинова // Юный ученый. 2023. № 6 (69). С. 6–9.
17. Юдин Л. А. Анализ сборника графических адаптаций рассказов А. Платонова «Цветы на земле» // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 2. С. 29–35.
18. Антанасиевич И. Адаптации русской классики в комиксах королевской Югославии: материалы конференции исследователей комиксов 19–20 мая 2016 года / редкол.: А. И. Кунин, Ю. А. Магера. М.: Российская государственная библиотека для молодежи, 2016. С. 4–14.
19. Корончик В. Г. Характеристика комикса как формы визуальной коммуникации // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 2 (99). С. 553–555.

REFERENCES

1. Gorozhanov, A. I., Guseinova, I. A., Stepanova, D. V. (2022). Standardized procedure for obtaining statistical parameters of a text (on the material of the stories by J. London “Smoke Bellew. Smoke and Shorty”). Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1. Philology, 4(119), 7–13. (In Russ.)
2. Karelova, O. V. (2006). K voprosu izucheniya individual'nogo stilya avtora = On the study of the author's individual style. Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences, 3(20), 24–29. (In Russ.)

3. Martazanov, A. M. (2017). Ob osobennostyakh kompozitsii prozaicheskikh proizvedenii i idiostile pisatelya = On the composition peculiarities of the writer's prose individual style. *Modern Studies of Social Issues*, 9(4–1), 171–180. (In Russ.)
4. Ryabinina, M. V. (2012). Portret kak sredstvo psikhologicheskoi kharakteristiki personazha v povestyakh G. Alekseeva = Image as a means of psychological characteristics of the character in the stories by G. Alexeev. *Bulletin of the Chuvash University*, 4, 302–306. (In Russ.)
5. Glazunova, O. I. (2011). Syuzhet v strukture khudozhestvennogo teksta: printsipy otobrazheniya i razvitiya = Plot in the structure of a literary text: Principles of representation and development. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 3, 29–41. (In Russ.)
6. Mankevich, I. A. (2003). Zhanr kak fenomen literaturnykh kommunikatsii: opyt kul'turologicheskogo prochteniya = Genre as a phenomenon of literary communications: A culturological reading experience. *Herald of Omsk University*, 4, 93–96. (In Russ.)
7. Zakharova, M. V., Timchenko, E. M. (2016). Komiks kak sposob peredachi smyslovogo kontenta v istoriko-kul'turnom aspekte = Comics as a way of conveying semantic content in a historical and cultural aspect. In *Culturology and Art History: proceedings of the II International scientific conference* (pp. 1–3). Kazan. (In Russ.)
8. Grushetskaya, E. N. (2019). Strukturnye osobennosti komiksa kak teksta = Structural peculiarities of the comics. In *At the Crossroads of Cultures: The Unity of Language, Literature, and Education: proceedings of I International scientific and practical Internet conference* (pp. 21–24). (In Russ.)
9. Semyan, T. F., Yudin, L. A. (2014). Poetika komiksa-adaptatsii «Master i Margarita» R. B. Tanaeva: vizual'noe vs. verbal'noe = Poetics of comic adaptation “The Master and Margarita” by R. Tanaev: Visual vs. Verbal. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 11(4), 40–44. (In Russ.)
10. Stepanets, M. V. (2020). Ponyatie «Komiks» kak tip teksta = The concept of “comic” as a type of text. *StudNet*, 10, 248–249. (In Russ.)
11. Tsyrukun, N. A. (2013). Komiks i kinematograf: obshchii geneticheskii kod = Comics and cinema: A common genetic code. *Articult*, 9(1), 4–10. (In Russ.)
12. Shirokostup, V. D. (2020). Komiks v kommunikativnoi praktike sovremennogo chitatatelya = Comics in the communicative practice of the modern reader. In *Collection of scientific articles of the Prague Russian Studies Conference* (pp. 131–142). Prague: Charles University. (In Russ.)
13. Stolyarova, L. G. (2010). Analiz strukturnykh elementov komiksa = Analysis of the structural elements of a comic strip. *Tidings of the Tula State University. Humanities*, 1, 383–388. (In Russ.)
14. Iakovleva, V. V. (2020). Interaction of verbal and non-verbal elements in educational comics. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 19(6), 180–189. (In Russ.)
15. Anishchenko, A. V. (2018). K voprosu o kontseptualizatsii emotsii v nemetskoyazychnom komikse = On the problem of conceptualizing emotions in German comic strips. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 9(801), 69–77. (In Russ.)
16. Savich, M. D., Bitkinova, V. V. (2023). Vyrizitel'nye sredstva adaptivnogo komiksa i ikh vliyanie na sovremennogo chitatatelya (na primere romana Dzh. Ostin «Gordost' i predubezhdenie i odnoimennogo komiksa N. Khaieski) = Expressive means of adaptive comics and their influence on the modern reader. *Young Scientist*, 69(6), 6–9. (In Russ.)
17. Yudin, L. A. (2017). Analiz sbornika graficheskikh adaptatsii rasskazov A. Platonova “Tsvety na zemle” = Analysis of the collection of graphic adaptations of short stories by Andrei Platonov “Flowers on the Earth”. *Humanitarian Vector*, 12(2), 29–35. (In Russ.)
18. Antanasijević, I. (2016). Adaptatsii russkoi klassiki v komiksakh korolevskoi Jugoslavii = Adaptations of Russian classics in comics of royal Yugoslavia. In A. I. Kunin & Yu. A. Magera (Eds.), *Conference of Comics Researchers* (pp. 4–14). Moscow: The Russian State Library for Young Adults. (In Russ.)
19. Koronchik, V. G. (2023). Characteristics of comics as a form of visual communication. *The World of Science, Culture, Education*, 99(2), 553–555. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бударина Надежда Владимировна

аспирант и преподаватель

кафедры испанского языка и перевода

переводческого факультета

Московский государственный лингвистический университет

Альварес Солер Анна Александровна

кандидат филологических наук, доцент
заведующая кафедрой испанского языка и перевода
переводческого факультета
Московский государственный лингвистический университет

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Budarina Nadezhda Vladimirovna

PhD Student
Lecturer at the Department of Spanish Language
Faculty of Translation and Interpretation
Moscow State Linguistic University

Alvares Soler Anna Alexandrovna

PhD in Philology, Associate Professor
Head of the Department of the Spanish Language and Translation
Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	12.12.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	18.01.2026	
принята к публикации	02.02.2026	

Методика составления современных онлайн-словарей: участие пользователей в подготовке контента

Е. М. Григорьева

*Ивановский государственный университет, Иваново, Россия
greekat@yandex.ru*

Аннотация. Целью работы является исследование особенностей участия пользователя XXI века в создании англоязычных онлайн-словарей различных типов. В статье рассматриваются такие теоретические вопросы, как понятие перспективы пользователя, категории адресата, окулография и др. В ходе исследования использовались следующие методы: теоретико-лингвистический анализ предметной литературы, метод лексикографического анализа, метод классификации. Материалом исследования послужили онлайн-словари английского языка: The Oxford English Dictionary, Merriam-Webster Dictionary, Cambridge Dictionary Online, Urban Dictionary, Thesaurus. Plus. English Thesaurus Dictionary. В заключительной части работы дается оценка участия пользователя в создании современных словарей английского языка и рассматривается перспектива подобной деятельности.

Ключевые слова: адресат, волонтерская лексикография, потребности пользователя, окулография, анализ файлов журнала, мегаструктура, макроструктура, микроструктура

Для цитирования: Григорьева Е. М. Методика составления современных онлайн-словарей: участие пользователей в подготовке контента // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2 (908). С. 35–43.

Original article

Methodology of Compiling Modern Online Dictionaries: User Participation in the Preparation of Content

Ekaterina M. Grigoryeva

*Ivanovo State University, Ivanovo, Russia
greekat@yandex.ru*

Abstract. The aim of the paper is to study the characteristics of the XXIst-century user participation in the creation of various types of English online dictionaries. The article examines theoretical issues such as user perspective, addressee categories, eye tracking and others. The following methods were used: theoretical and linguistic analysis of specific literature, dictionary criticism and classification method. The research material includes the following online English dictionaries: The Oxford English Dictionary, Merriam-Webster Dictionary, Cambridge Dictionary Online, Urban Dictionary, Thesaurus. Plus. English Thesaurus Dictionary. User participation in the creation of modern English dictionaries is assessed and the perspectives of this activity are discussed in the final article part.

Keywords: addressee, volunteer lexicography, user demands, eye tracking, log file analysis, megastructure, macrostructure, microstructure

For citation: Grigoryeva, E. M. (2026). Methodology of Compiling Modern Online Dictionaries: User Participation in the Preparation of Content. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(908), 35–43. (In Russ.)

Введение

Лексикография XXI века – это активно развивающаяся область языкознания. Появляются новые типы словарей, популярностью пользуются онлайн-справочники и мобильные словарные приложения. Отдельное место принадлежит достижениям корпусной лингвистики, а также возможностям использования данных лингвистических корпусов в лексикографической практике. Появляются словарные порталы, представляющие собой единую базу справочников по определенной области, собранную воедино.

В данной работе необходимо решить ряд задач:

- 1) провести обзор теоретической литературы по проблемам изучения перспективы пользователя, окулографии, анализу файлов журнала, типам участия пользователя в создании словарей и др.;
- 2) проанализировать особенности каждого типа участия пользователя в разработке справочников на материале ряда словарных изданий;
- 3) определить перспективы участия пользователя в создании и редактировании словарных материалов. В работе используются следующие методы: теоретико-лингвистический анализ предметной литературы, метод лексикографического анализа, метод классификации.

Актуальность исследования определяется следующими факторами. Традиционно авторами словарей являются профессиональные лексикографы и специалисты в области лингвистики и отдельных предметных областей, а процесс составления справочников следует определенным канонам и правилам. Однако в настоящее время происходят изменения в рамках устоявшейся лексикографической картины. Ведущее место в процессе создания словарей отводится учету потребностей адресата, который становится не просто пользователем словаря, но в определенном смысле соавтором лексикографа, принимая участие в процессе составления и редактирования онлайн-изданий. В проведенном комплексном исследовании типов участия пользователя в создании онлайн-словарей выявлены положительные стороны и недостатки подобного участия, определены задачи по проектированию новых словарей и редактированию существующих изданий с учетом мнения потенциального адресата, а также его потребностей.

Новизна исследования состоит в проведении анализа типов участия пользователя XXI века (согласно классификации зарубежных исследователей А.Абель и К.М.Мейер [Meyer, 2018]) в создании

современных онлайн-словарей, а также оценке вклада пользователя в разработку справочников различных типов. Практическая ценность работы состоит в возможности использования полученных данных в процессе создания новых словарей, а также редактировании имеющихся изданий. Полученные сведения можно использовать для качественной оценки участия пользователя XXI века в создании словарей, а также с точки зрения развития волонтерской и партнерской лексикографии для получения положительных результатов взаимодействия лексикографа и пользователя в процессе планирования, разработки и совершенствования словарных изданий. Кроме того, полученные выводы могут быть использованы в лекционных курсах и в рамках проведения практических занятий по лексикографии, лексикологии, корпусной лингвистике для студентов, магистров и аспирантов.

Материалом исследования послужили англоязычные онлайн-словари различных типов, среди них справочники для общих целей: *The Oxford English Dictionary*¹, *Merriam-Webster Dictionary*², *Cambridge Dictionary Online*³, а также издания для специальных целей: *Urban Dictionary*⁴, *Thesaurus. Plus. English Thesaurus Dictionary*⁵.

Перспектива пользователя. Окулография и анализ файлов журнала как перспективные формы проведения лексикографических исследований

В лексикографии существует понятие «перспектива пользователя» (user perspective), которое представляет собой подход, рассматривающий лексикографию с точки зрения пользователя. Необходимо учитывать такие факторы, как статус пользователей, их предыдущий опыт и образование, знакомство с доступными справочными изданиями и стратегиями поиска, необходимыми для успешного обращения к ним, а также то, может ли целенаправленное обучение развивать и улучшать навыки работы с информацией⁶.

¹The Oxford English Dictionary. URL: www.oed.com/?tl=true (дата обращения: 15.10.2025).

²Merriam-Webster Dictionary. URL: www.merriam-webster.com/ (дата обращения: 18.10.2025).

³Cambridge Dictionary Online. URL: dictionary.cambridge.org/ (дата обращения: 14.10.2025).

⁴Urban Dictionary. URL: www.urbandictionary.com/ (дата обращения: 17.10.2025).

⁵Thesaurus. Plus. English Thesaurus Dictionary. URL: thesaurus.plus/ (дата обращения: 15.10.2025).

⁶Hartmann R. R. K, James G. Dictionary of Lexicography. London and New York: Routledge, 2002.

Для того чтобы сформировать портрет типичного адресата словаря, необходимо понимать, какие группы пользователей обращаются к справочникам. Б. Т. С. Аткинс и М. Ранделл в своем исследовании выделяют три основные категории адресата:

- взрослые, маленькие дети и дети постарше;
- носители языка или изучающие язык;
- обычные пользователи или специалисты [Atkins, 2008].

К. Варантола разделяет пользователей словарей на следующие группы: изучающие язык (language learners), непрофессионалы (non-professional users) и профессионалы (professional users) [Varantola, 2002].

По мнению Г. Бежуа, пользователи словарей должны обладать рядом умений: лингвистические, металингвистические, лексикографические и прагматические. Адресату следует знать письменные системы, базовые синтаксические модели, а также лексику, которая может быть представлена в том или ином типе словаря. К металингвистическим умениям относится способность разделить дискурс на лексические единицы.

Пользователи словарей также должны обладать общими знаниями, для того чтобы понимать дефиниции. Им необходимо знать использование канонических форм или лемм, формулировки определений, использование типографской техники, аббревиатур и т. д. [Béjoint, 2010].

Как было сказано ранее, сегодня составители словарей понимают, что учет мнения аудитории – важный аспект при создании справочника. Для выявления потребностей пользователей используются различные технологии, среди которых анализ файлов журнала, а также окулография. Рассмотрим данные понятия.

Журнал (или лог-файл) – это компьютерный файл, содержащий запись всех действий, которые были выполнены на компьютере, веб-сайте и др.¹

Анализ файлов журнала представляет собой сбор данных о поиске, осуществляемом пользователями в Сети, когда они занимаются привычными делами. Преимуществом данного типа исследования является тот факт, что это ненавязчивая процедура, как и другие формы наблюдения. Следует отметить, что такое исследование ограничивается анализом категорий слов, которые ищут пользователи [Nesi, 2022].

С помощью файлов журнала можно отслеживать каждое использование словаря, в зависимости от возможностей поиска. Анализ файлов журнала позволяет получить данные о том, какие леммы ищут пользователи, а к каким словам нет

¹Cambridge Dictionary Online. URL: dictionary.cambridge.org/dictionary/english/log-file (дата обращения: 27.10.2025).

обращений, какие лексические единицы используются для осуществления поиска и др. Подобное исследование позволяет получить данные об использовании семантического, грамматического или коллокационного элементов [Bergenholtz, 2017].

Окулография (айтрекинг) представляет исследование движений глаз, преимущественно, саккад и фиксаций [Attardo, 2023].

С помощью подобного исследования можно определить, когда и в течение какого времени участник смотрит на определенное место на стимуле. Наиболее часто используемые системы отслеживания глаз представляют визуальный стимул на экране компьютера и отслеживают взгляд участников на экране, пока те находятся перед ним. Для исследования использования словарей эти стационарные системы отслеживания глаз являются хорошим выбором. Следует отметить, что отслеживание движения глаз – это онлайн-измерение, т. е. момент времени сбора данных близок к периоду, когда происходит соответствующий когнитивный процесс [Müller-Spitzer, 2018].

Таким образом, технологии анализа файлов журнала и окулографии являются актуальными в процессе исследования использования аудиторией онлайн-словарей: становится возможным узнать, какую информацию в справочниках ищут пользователи, а какие данные становятся менее значимыми, на чем они концентрируют свое внимание чаще, с какой частотой происходит обращения к материалам того или иного издания. Такие факты впоследствии можно использовать в процессе редактирования существующих онлайн-изданий или разработке новых справочников.

Типы участия пользователей в составлении словарей

Привлечение к составлению словарей пользователей является основой волонтерской лексикографии, которая активно развивается и во многом определяет текущее состояние английской национальной лексикографии [Карпова, 2020].

Волонтерская лексикография зародилась еще в XIX веке в процессе составления Большого оксфордского словаря. Была учреждена читательская программа (Reading Programme), в которой участвовали обычные пользователи. Благодаря волонтерам было собрано около пяти миллионов цитат, которые стали неотъемлемой частью словаря Большого оксфордского словаря².

²Карпова О. М. Английская лексикография: учебное пособие для студентов филол. фак-тов высших учебных заведений. М.: Академия, 2010.

В центре данной работы находится исследование участия пользователей в создании современных англоязычных онлайн-словарей. К. М. Мейер и А. Абель выделяют три варианта участия аудитории в создании справочников:

- прямое участие (direct user participation);
- не прямое участие (indirect user participation);
- дополнительное участие (accessory user participation).

Рассмотрим отдельно каждый из представленных типов участия.

Прямое участие подразумевает вклад пользователя, напрямую влияющий на содержание справочника. Подобная форма включает как исправление ошибок, так и написание словарных статей. Например, Wikipedia является ресурсом, создаваемым аудиторией. Обычный пользователь может внести в издание материалы без их предварительной проверки лексикографом. Другим примером прямого участия является добавление аудиторией материалов в словарь *Merriam-Webster Open Dictionary*. Данные сведения проходят проверку лексикографа перед включением в справочник [Meuer, 2018].

Непрямое участие пользователя подразумевает предложения, исправления, а также дополнительные материалы. В отличие от прямого типа участия, пользователи не могут напрямую изменить содержание словаря. У аудитории есть возможность внести предложения по исправлению ошибок в словарном материале. Также становится возможным предложить иллюстративные примеры для включения в словарную статью. Например, словарь *The Oxford English Dictionary* содержит форму обратной связи для пользователя. Кроме того, выбор аудиторией лексических единиц и добавление их в авторские списки лексики становится типом непрямого участия. В данном случае можно говорить об анализе файлов журнала [там же].

Одной из форм *дополнительного участия* является комментирование публикаций в словарных блогах, что впоследствии служит стимулом для обмена мнениями между издателями и пользователями. Например, *Wordnik* позволяет пользователям напрямую комментировать словарные статьи [там же].

Далее рассмотрим конкретные примеры участия пользователей в создании словарей, опираясь на представленную классификацию.

Прямое участие пользователей в составлении словарей

Первым типом участия пользователей согласно классификации К. М. Мейер и А. Абель является

прямое участие. Одним из примеров такого участия становится вклад пользователя в разработку онлайн-словаря *Urban Dictionary*. Данный словарь создается с 1999 года. Это одноязычный справочник, в котором зарегистрированы сленговые единицы. Таким образом, по охвату лексики в словнике это словарь для специальных целей.

Макроструктура организована таким образом, что поиск лексических единиц осуществляется либо по алфавиту, либо в рамках поисковой строки.

Словарные статьи включают входную единицу, дефиницию, произносительную помету в форме аудиофайла, иллюстративный пример с указанием источника и года публикации (см. рис. 1)¹:

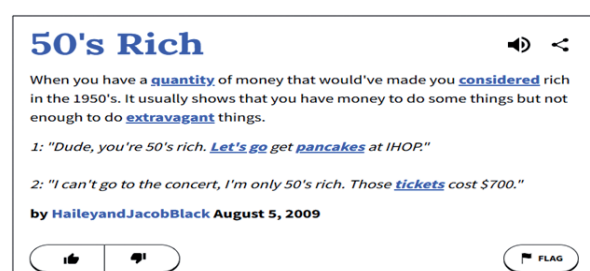

Рис. 1. Словарная статья из справочника *Urban Dictionary*

Основной особенностью данного справочника становится тот факт, что в его разработке принимают участие обычные пользователи. Таким образом, любой человек может стать автором словаря, добавив сленговую единицу, которая впоследствии будет неотъемлемым элементом издания. Для этого ему необходимо заполнить отдельную форму на сайте издания, добавив туда лексему, дефиницию и иллюстративный пример (см. рис. 2)²:

Рис. 2. Форма для пользователя, словарь *Urban Dictionary*

В данной ситуации пользователи активно вовлекаются в процесс дополнения и редактирования справочника. Происходит постепенное

¹URL: www.urbandictionary.com/define.php?term=s+rich (дата обращения: 27.10.2025).

²URL: my.urbandictionary.com/add.php (дата обращения: 27.10.2025).

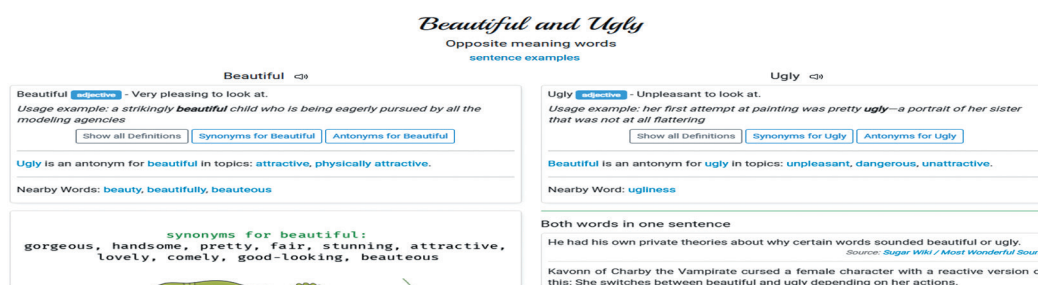

Рис. 3. Примеры словарных статей, словарь *Thesaurus.Plus. English Thesaurus Dictionary*

пополнение банка зафиксированных лексических единиц в здании, что является несомненным плюсом. Однако в подобной системе есть и некоторые минусы. Материалы, добавляемые в структуру словаря, не проверяются лексикографами на предмет правильности данных. В связи с этим в онлайн-справочник может попасть информация, которая содержит ошибки и является ложной. Поэтому пользователям, решающим принять участие в редактировании материалов любого словарного издания, необходимо быть уверенными в точности добавляемой информации и в случае возникающих сомнений перепроверять данные перед добавлением в словарь.

Непрямое участие аудитории в разработке словарей

Далее перейдем к *непрямому участию аудитории* в разработке словарей.

Справочник *Thesaurus.Plus. English Thesaurus Dictionary* – это онлайн-издание синонимов и антонимов. Пользователь может набрать в поисковой строке необходимую лексическую единицу, к которой он ищет синонимы и антонимы. К искомой лексеме появляются списки синонимов и антонимов. К каждому слову также дается произносительная помета в форме звукового файла. Кроме того, нажав на специальный символ, расположенный рядом с лексемой, пользователь получает подробную словарную статью, включающую дефиниции, примеры, пометы (например, грамматическая: указание частеречной принадлежности слова). Отдельно приводится таблица однокоренных слов и список примеров, в которых зафиксированы представленные синонимы и антонимы (см. рис. 3)¹.

В разработке материалов данного издания могут принимать участие обычные пользователи: для этого необходимо заполнить специальную

¹URL: pages.oup.com/ol/cus/1646173949115570121/submit-words-and-evidence-to-the-oed (дата обращения: 28.10.2025).

форму по добавлению синонимов / антонимов в словарь, которая представлена на сайте. Следует подчеркнуть, что прежде чем быть включенными в структуру словаря, сведения, добавляемые пользователями, проходят предварительную проверку лексикографами, что обеспечивает надежность подобных данных (см. рис. 4)².

The Oxford English Dictionary является историческим словарем английского языка. Объем словника составляет более 500 тыс. слов. Данный справочник представляет собой интерес для пользователя, интересующегося исследованием языка в диахроническом аспекте. Поиск лексических единиц возможно осуществлять по словарю либо в историческом тезаурусе. На сайте издания также представлена информация по следующим категориям: *word stories* (рассказы об этимологии и семантическом развитии лексических единиц), *word lists* (списки слов, возникшие в разные временные периоды, топонимы, лексика, связанная с климатическими изменениями и др.), *World Englishes* (информация о вариантах английского языка), *History of English* (сведения об истории английского языка и периодах его становления, развития и современного состояния). Мегаструктура словаря также включает такой раздел, как слово дня, который обновляется каждый день.

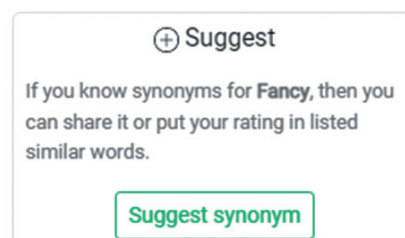

Рис. 4. Форма для пользователя по добавлению синонимов

²URL: thesaurus.plus/synonyms/fancy (дата обращения: 28.10.2025)

Рис. 5. Форма для пользователя словаря *The Oxford English Dictionary*

Пользователи издания могут внести вклад в разработку исторического справочника издательства Оксфорд. На сайте словаря представлена форма по добавлению сведений в издание, таких как новое слово или значение и информация о происхождении лексемы (см. рис. 5)¹.

Сегодня среди аудитории, обращающейся к справочным ресурсам, популярной становится следующая опция, предоставляемая многими онлайн-изданиями: это создание учетной записи на сайте словаря. Не исключением становится и справочник *Merriam-Webster Dictionary*. Это авторитетное издание, объем словника которого содержит более 300 тыс. лексем. Поиск слов возможно осуществлять в разделах словарь и тезаурус. Мегаструктура включает широкий ряд различных разделов, таких как игры, слово дня, грамматика и употребление, видео, подкасты и др. Особенностью издания является тот факт, что зарегистрировавшийся пользователь имеет возможность добавлять понравившиеся лексемы в собственные списки по различным тематическим группам, которые он может сохранить и впоследствии обращаться к лексемам из этих списков по мере необходимости.

¹URL: pages.oup.com/ol/cus/1646173949115570121/submit-words-and-evidence-to-the-oed (дата обращения: 28.10.2025).

На наш взгляд, предоставление аудитории возможности сохранять сведения из словаря является положительной чертой не только для пользователя, но и для составителей издания. Создатели справочника могут использовать эти данные для понимания того, к каким словарным статьям адресат обращается чаще всего, а к каким статьям количество обращений носит ограниченный характер. Путем получения подобной информации авторы могут внести определенные коррективы в содержание словарных статей. Соответственно, составители получают данные об интересах пользователя путем наблюдения за его действиями в процессе использования лексикографического ресурса, что в науке получает наименование «анализ файлов журнала» – еще один тип непрямого участия пользователей в разработке словарей.

Дополнительное участие пользователей в разработке справочников

Третий тип участия пользователей в создании словарей получает наименование *дополнительное*. Словарь *Cambridge Dictionary Online* является авторитетным учебным изданием для изучающих английский язык, который использует аудитория на разных этапах изучения английского языка. Справочник представляет собой ценный ресурс для пользователя. Его мегаструктура включает такие разделы, как непосредственно сам словарь, грамматику, тезаурус, игры и другие. Издание предоставляет подробные словарные статьи, включающие входную единицу, дефиницию, пример употребления, графическое изображение, развитый аппарат добавочных семантико-функциональных характеристик (например, грамматическая, стилистическая или произносительная помета). Отличительной характеристикой справочника становится отдельный раздел *New Words*, в который составители добавляют новые слова, пока не вошедшие в основной словник. Аудитории предоставляется возможность сделать выбор путем участия в голосовании относительно того, следует ли добавлять лексическую единицу в словарь. Пользователь может посмотреть результаты голосования, поучаствовать в обсуждении и «поставить реакцию» (см. рис. 6)².

На наш взгляд, предоставление аудитории возможности принять участие в голосовании относительно включения лексемы в основной словник имеет как положительные стороны, так и может вызвать определенные опасения. К плюсам можно отнести учет мнения пользователей справочника, которые являются непосредственной аудиторией,

²URL: dictionaryblog.cambridge.org/2025/06/09/new-words-9-june-2025-2/ (дата обращения: 28.10.2025)

Should invisible string theory be added to the dictionary?

- Yes! I've heard/read this term a lot.
- Definitely not!
- Let's wait and see. Maybe people will start using it.

VOTE

View Results
Crowdsignal.com

Рис. 6. Форма голосования в словаре Cambridge Dictionary Online

обращающейся для решения конкретных потребностей к материалам издания. Однако не все пользователи являются компетентными в вопросе того, следует ли вносить в словник словаря ту или иную лексему. На наш взгляд, основное решение о включении входной единицы в макроструктуру должно приниматься квалифицированными специалистами, но при этом с учетом мнения пользователя.

Составители словаря *Thesaurus.Plus. English Thesaurus Dictionary*, о котором ранее уже шла речь, предоставляют пользователю возможность оценить зарегистрированные словарные статьи. «Поставить реакцию» становится средством, позволяющим понять потребности аудитории. На наш взгляд, в случае, когда такая оценка является обоснованной, ее можно использовать в процессе дальнейшей организации словарного материала (см. рис. 7)¹.

Overextravagant synonyms

What is another word for Overextravagant?

☐	☐	fancy	☐	☐
☐	☐	overmuch	☐	☐
☐	☐	extravagant	☐	☐
☐	☐	baroque	☐	☐

Рис. 7. Форма голосования за лексему

¹URL: thesaurus.plus/synonyms/overextravagant (дата обращения: 28.10.2025).

Заключение

Таким образом, сегодня обычные пользователи могут выступить соавторами лексикографов. Учет потребностей аудитории выходит на первый план в процессе планирования и составления лексикографических ресурсов. Для определения нужд пользователей используются достижения цифрового общества, в том числе окулография и анализ файлов журнала.

В лексикографии выделяют несколько типов вклада пользователя в словарную деятельность: прямое, не прямое и дополнительное участие. Особенностью прямого типа участия является непосредственное добавление материалов в структуру словаря. В определенных случаях перед включением в словник данные сведения проверяются лексикографами, как, например, в ситуации со справочником *Merriam-Webster Open Dictionary*. Однако в отдельных ситуациях материалы добавляются в словарь пользователем в исходном виде, без предварительной проверки специалистами, что наблюдается на примере *Urban Dictionary*. На наш взгляд, для того чтобы словарь оставался надежным изданием, включение экспертной проверки материалов, добавляемых аудиторией, является необходимым.

Непрямой тип участия подразумевает заполнение аудиторией определенной формы обратной связи, внесение предложений по корректровке представленных данных и другое. Многие онлайн-словари предоставляют пользователям возможность добавлять лексемы в авторские списки и использовать их в процессе деятельности. С помощью исследования файлов журнала лексикографы проводят анализ таких списков. Справочник *Thesaurus.Plus. English Thesaurus Dictionary* включает форму для пользователя по добавлению в словарь синонимов и антонимов. Заполненные формы проходят проверку лексикографами, что обеспечивает корректность данных.

Дополнительное участие – это комментарии, добавляемые пользователями к словарным материалам. Составители словарей дают ответы на эти комментарии, которые могут стать толчком для диалога между пользователем и лексикографом. Подобное участие может включать обмен репликами между пользователями, что также оценивается лексикографами и впоследствии используется при редактировании изданий. Реакции пользователя являются еще одной формой дополнительного участия аудитории в создании и редактировании словарей. Например, *Cambridge Dictionary Online* предоставляет аудитории возможность оставлять комментарии и организовывать дискуссию по

поводу включения в макроструктуру новых лексических единиц.

Несомненно, сегодня волонтерская лексикография набирает активные обороты и находится в авангарде лексикографической практики. Проведенный анализ участия пользователей в создании современных англоязычных онлайн-справочников демонстрирует широкий диапазон возможностей для обычного пользователя стать соавторами лексикографов. Однако, для того чтобы справочники

продолжали оставаться надежными и авторитетными изданиями, профессиональному лексикографическому сообществу нужно проводить предварительную проверку словарных материалов, добавляемых пользователями. В этом случае сотрудничество лексикографов и обычных пользователей станет одним из ключевых способов не только в рамках работы по совершенствованию уже имеющихся изданий, но также и в процессе создания новых словарных проектов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Meyer Ch. M. User participation in the Internet era / Ch. M. Meyer, A. Abel // *The Routledge Handbook of Lexicography* / ed. by P.A. Fuertes-Olivera. London and New York: Routledge, 2018. P. 735–753.
2. Atkins B. T. S. *The Oxford Guide to Practical Lexicography* / B. T. S. Atkins, M. Rundell. Oxford: Oxford University Press, 2008.
3. Varantola K. Use and Usability of Dictionaries: Common Sense and Context Sensibility? // *Lexicography and natural language processing. A festschrift in honour of B.T.S. Atkins* / ed. by M.-H. Corréard. Grenoble: Euralex, 2002. P. 30–44.
4. Béjoint H. *The Lexicography of English from Origins to Present*. Oxford: Oxford University Press, 2010.
5. Nesi H. Researching users and uses of dictionaries // *The Bloomsbury Handbook of Lexicography* / ed. by H. Jackson. London ; New York ; Oxford ; New Delhi ; Sydney: Bloomsbury Academic, 2022. P. 43–56.
6. Bergenholtz H. Log Files as a Tool for Improving Internet Dictionaries / H. Bergenholtz, M. Johnsen // *Hermes, Journal of Linguistics*. 2017. № 34. P. 117–141.
7. Attardo S. *Eye Tracking in Linguistics* / S. Attardo, L. Pickering. London ; New York ; Oxford ; New Delhi ; Sydney: Bloomsbury Academic, 2023.
8. Müller-Spitzer C., Koplenig A., Wolfer S. Dictionary usage research in the Internet era / C. Müller-Spitzer, A. Koplenig, S. Wolfer // *The Routledge Handbook of Lexicography* / ed. by P.A. Fuertes-Olivera. London and New York: Routledge, 2018. P. 715–734.
9. Карпова О. М. Волонтерская лексикография (на материале толково-энциклопедического словаря “Florence in the Works of World Famous People”) // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика»*. 2020. № 1. С. 29–34.

REFERENCES

1. Meyer, Ch. M., Abel, A. (2018). User participation in the Internet era. In Fuertes-Olivera, P.A. (Ed.), *The Routledge Handbook of Lexicography* (pp. 735–753). London and New York: Routledge.
2. Atkins, B. T. S., Rundell, M. (2008). *The Oxford Guide to Practical Lexicography*. Oxford: Oxford University Press.
3. Varantola, K. (2002). Use and Usability of Dictionaries: Common Sense and Context Sensibility? In Corréard, M.-H. (Ed.), *Lexicography and natural language processing. A festschrift in honour of B. T. S. Atkins* (pp. 30–44). Grenoble: Euralex.
4. Béjoint, H. (2010). *The Lexicography of English from Origins to Present*. Oxford: Oxford University Press.
5. Nesi, H. (2022). Researching users and uses of dictionaries. In Jackson, H. (Ed.), *The Bloomsbury Handbook of Lexicography* (pp. 43–56). London ; New York ; Oxford ; New Delhi ; Sydney: Bloomsbury Academic.
6. Bergenholtz, H., Johnsen, M. (2017). Log Files as a Tool for Improving Internet Dictionaries. *Hermes. Journal of Linguistics*, 34, 117–141.
7. Attardo, S., Pickering, L. (2023). *Eye Tracking in Linguistics*. London ; New York ; Oxford ; New Delhi ; Sydney: Bloomsbury Academic.
8. Müller-Spitzer, C., Koplenig, A., Wolfer, S. (2018). Dictionary usage research in the Internet era. In Fuertes-Olivera, P.A. (Ed.), *The Routledge Handbook of Lexicography* (pp. 715–734). London and New York: Routledge.
9. Karpova, O. M. (2020). Volunteer lexicography (with special reference to explanatory-encyclopedic dictionary “Florence in the Works of World Famous People”). *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 1, 29–34. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Григорьева Екатерина Михайловна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры зарубежной филологии
Ивановского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Grigoryeva Ekaterina Mikhailovna

PhD in Philology, Associate Professor
Associate Professor of Foreign Philology Department
Ivanovo State University

Статья поступила в редакцию	12.12.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	15.01.2026	
принята к публикации	02.02.2026	

Научная статья
УДК 81'33

Разработка автоматизированной информационной системы «IT-TermAnalyzer»: концепция информационного обеспечения и алгоритмическая модель

М. А. Жданович

Белорусский государственный университет иностранных языков, Минск, Республика Беларусь, zma@tut.by

Аннотация. Цель исследования – презентация архитектуры автоматизированной информационной системы «IT-TermAnalyzer» по работе с терминологией сферы информационных технологий. В ходе работы применяются метод лексикографического моделирования, проектирования баз данных, алгоритмический метод проектирования и описательный метод. В качестве материала исследования выступает лингвистическая база данных, сформированная в результате проведенных ранее корпусного анализа специальных текстов сферы информационных технологий, компонентного анализа значений терминов и понятийного моделирования терминологии. В результате разработаны структура информационного обеспечения и алгоритмическая модель АИС, которая является инструментом автоматизированной систематизации терминологии информационных технологий.

Ключевые слова: автоматизированная информационная система, информационные технологии, терминология, систематизация, модель предметной области, база данных, информационное обеспечение, алгоритмическая модель

Для цитирования: Жданович М. А. Разработка автоматизированной информационной системы «IT-TermAnalyzer»: концепция информационного обеспечения и алгоритмическая модель // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2 (908). С. 44–52.

Original article

Development of the «IT-TermAnalyzer» Automated Information System: the Concept of Information Support and Algorithmic Model

Marya A. Zhdanovich

*Belarusian State University of Foreign Languages, Minsk, Republic of Belarus
zma@tut.by*

Abstract. The purpose of the study is to demonstrate the architecture of the automated information system «IT-TermAnalyzer» for working with terminology in the domain of information technology. The method of lexicographic modeling, database design, algorithmic design method and descriptive method are used during the study. The research material is a linguistic database formed as a result of previous corpus analysis of special texts in the field of information technology, component analysis of the terms meanings and conceptual modeling of terminology. As a result, the information support structure and the algorithmic model of AIS have been developed, which is a tool for automated systematization of information technology terminology.

Keywords: automated information system, information technology, terminology, systematization, domain model, database, information support, algorithmic model

For citation: Zhdanovich, M. A. (2026). Development of the «IT-TermAnalyzer» automated information system: the concept of information support and algorithmic model. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(908), 44–52. (In Russ.)

Введение

Современная информационно-коммуникационная среда характеризуется стремительным развитием терминологических систем, прежде всего в сфере информационных технологий (ИТ). Высокая динамичность данной предметной области, обусловленная появлением новых технологий, инструментов, методов, оборудования, требующих номинации, формирует устойчивую необходимость систематизации терминологии для обеспечения эффективной профессиональной коммуникации. Наиболее результативным подходом к такой систематизации является построение различных типов моделей, в частности, категориального моделирования [Кантышева, 2011; Ковязина, 2006; Шевцова, 2014], позволяющего представить терминосистему в виде родовидовых структур и иерархий различной степени обобщенности; логико-понятийного моделирования [Ковязина, 2006; Табанаква, 2001], ориентированного на выделение понятийных полей и установление семантических отношений между терминами (гиперо-гипонимические, синонимические, антонимические и ассоциативные отношения); содержательного моделирования, направленного на идентификацию научных и технических терминов; понятийного моделирования [Шевцова, 2014], обеспечивающего классификацию межотраслевых, отраслевых и узкоспециальных терминов; когнитивного моделирования [Синявская, 2015; Тихонова, 2010], в рамках которого терминология рассматривается как результат профессиональной познавательной деятельности и формируется концептуальная модель предметной области; тезаурусного, или идеографического моделирования [Быкова, 2006; Ведерникова, 2013; Прошина, 2008], позволяющего анализировать терминологию от понятия к термину и устанавливать различные типы семантических отношений; лексикографического моделирования [Жучкова, 2008; Ковязина, 2006; Софронова, 2013], направленного на разработку структуры лексикографических продуктов.

На наш взгляд, наиболее эффективным инструментом систематизации терминов являются терминографические продукты, создаваемые на основе лексикографического моделирования, поскольку они позволяют интегрировать возможности различных типов моделей. При этом следует отметить, что традиционные печатные терминографические источники оказываются недостаточно совместимыми с современными информационными системами и не обеспечивают своевременную фиксацию стремительных изменений в сфере ИТ.

В таких условиях особую актуальность приобретает разработка автоматизированных информационных систем (АИС), обеспечивающих возможность не только поиска релевантной информации, но и проведения лингвистического анализа данных [Горожанов, 2025]. АИС становятся ключевым инструментом для систематизации, хранения, актуализации и репрезентации терминологических данных.

В рамках настоящего исследования ставятся следующие задачи:

- провести проектирование архитектуры АИС;
- разработать концепцию информационного обеспечения;
- построить принципиальные алгоритмы функционирования АИС;
- определить функциональные возможности ключевых модулей АИС.

В ходе решения этих задач применялись методы лексикографического моделирования, проектирования баз данных [Горожанов, 2022], алгоритмический метод проектирования и метод описания архитектуры программного обеспечения [Горожанов, 2024].

Новизна работы заключается в том, что впервые представлено описание архитектуры разрабатываемой АИС «IT-TermAnalyzer», предназначенной для комплексной обработки терминологии предметной области ИТ и ее систематизации с целью повышения эффективности профессиональной коммуникации.

Практическая значимость исследования состоит в том, что в отличие от традиционных терминографических продуктов, предлагаемая система обеспечивает установление концептуальных взаимосвязей между терминами и позволяет определить их место в терминологическом пространстве предметной области ИТ.

Информационное обеспечение

С лингвистической точки зрения наиболее значимым компонентом любой АИС является информационное обеспечение, которое включает всю содержащуюся в ней информацию, способы ее организации, а также форму ее представления. Эффективность работы любой АИС в значительной мере определяется принципами организации хранения данных. Разрабатываемая нами АИС реализует многоуровневую архитектуру хранения данных, отражающую сложную природу термина.

В результате проведенных ранее исследований была разработана лингвистическая база данных, состоящая из следующих блоков, необходимых для создания АИС:

1) 897 однословных терминов, отобранных методом сплошной выборки из корпуса «теоретических» текстов и извлеченных методом семантико-статистического анализа из корпуса «практических» текстов. Данные термины прошли верификацию по лингвистическим, частотным и предметным критериям;

2) вербальная фиксация понятийного содержания однословных терминов, т. е. формулировка на естественном языке необходимых и достаточных признаков понятийного содержания терминов [Шелов, 2003]. Вербальная фиксация была получена на основе дефиниционного анализа извлеченных однословных терминов. Было проанализировано 6319 дефиниций терминов из специальных словарей предметной области ИТ и стандарта «Information Technology – Vocabulary»¹;

3) 755 понятийных компонентов, установленных на основе анализа вербальной фиксации понятийного содержания терминов;

4) понятийная модель предметной области ИТ как способ систематизации отобранных терминов. Данная модель разработана на основе установленных парадигматических отношений между понятийными компонентами и включает 38 систематизирующих понятий, образующих кластеры. Каждый кластер является единицей более высокого порядка, которая объединяет понятийные компоненты, а также термины, в содержании которых зафиксированы данные компоненты [Степанова, 2020; Жданович, 2023; Жданович, 2024];

5) 8031 терминологическое словосочетание, которое включает отобранные ранее однословные термины, извлеченное в результате проведения корпусного исследования современных научно-технических текстов предметной области ИТ и стандарта². При отборе терминологических словосочетаний учитывались критерий семантической отнесенности к предметной области, критерий семантической целостности и логико-интуитивный критерий, согласно которому словосочетание должно соотноситься с единым, хотя и расчлененным понятием [Левенкова, 2016].

Представленная лингвистическая база данных послужила основой для разработки информационного обеспечения системы АИС «IT-TermAnalyzer». Структура информационного обеспечения включает 6 баз данных (БД), каждая из которых отвечает за определенный аспект терминологической информации.

БД 1 «Однословные термины» представляет собой центральный компонент информационного обеспечения разрабатываемой АИС и выполняет функцию лексического ядра всей терминологической системы, так как содержит верифицированные однословные термины предметной области ИТ. Каждый термин рассматривается как носитель понятийного содержания, описывающего предметную область ИТ, и связан с элементами других баз данных для построения более сложных лексико-семантических структур.

Создание **БД 2 «Лингвистические атрибуты терминов»** обосновано необходимостью многоаспектного и комплексного описания терминов. В данном исследовании речь идет о лингвистическом и нормативном описании однословных терминов, которое будет представлено в виде словарной статьи следующими зонами:

- частеречная принадлежность как вид грамматической информации о термине, определяющей его синтаксическую роль и сочетаемость;
- нормативный статус, отражающий признание термина в профессиональной среде (если термин был зафиксирован в стандарте «Information Technology – Vocabulary», он помечается тегом Stand.);
- переводной эквивалент, который представляет собой терминологически корректный аналог в русском языке, верифицированный по авторитетным лексикографическим источникам;
- лексико-семантические связи, т. е. синонимы и антонимы, зафиксированные в проанализированных лексикографических источниках. Их отражение в словарной статье является аргументированным, так как соответствует принципу системности терминологии и повышает точность понимания терминов.

Таким образом, в БД 2 содержится информация, необходимая для создания детальной словарной статьи для каждого однословного термина как единицы языка.

Создание **БД 3 «Понятийные компоненты»** обосновывается одним из базовых положений терминологии, которое гласит, что термин – это не просто лексическая единица, а языковое обозначение понятия некоторой предметной области [Лейчик, 2022]. Следовательно, полноценное терминологическое описание термина требует анализа внутреннего содержания терминов, т. е. анализа системы понятийных компонентов, которые составляют понятие, выраженное данным термином. Наряду с однословными терминами понятийные

¹Information technology. Vocabulary: ISO/IEC 2382:2015(en) URL: www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso-iec:2382:ed-1:v2:en (дата обращения: 29.08.2025).

²Там же.

компоненты являются систематизирующим элементом информационного обеспечения АИС.

Особое значение имеет наличие в БД 3 вербальной фиксации понятийного содержания терминов, которая включает в себя формулировку необходимых и достаточных признаков понятийного содержания терминов. При этом следует отметить, что вербальная фиксация отобрана из семи специализированных лексикографических источников, следовательно, была получена объективная, достоверная, исчерпывающая информация о понятийном содержании терминов, исключающая внесение в БД случайных неточностей или устаревших данных. В дальнейшем вербальная фиксация может послужить основой для автоматического определения понятийного содержания новых терминологических единиц, а также их места в терминологии предметной области ИТ.

БД 4 «Иерархический индекс кластеров и понятийных компонентов» представляет собой архитектурный компонент АИС «IT-TermAnalyzer», отражающий онтологический уровень описания терминологии предметной области ИТ. В ней содержатся иерархические схемы кластеров, объединяющие понятийные компоненты посредством родовых, партитивных и ассоциативных связей и образующие понятийную модель сферы ИТ. Каждому кластеру и каждому понятийному компоненту присвоен уникальный индекс, который позволяет однозначно идентифицировать элемент системы и организовать навигацию по терминологическому пространству предметной области ИТ. Главной функцией БД 4 является визуализация отношений между понятийными компонентами и автоматизированное выстраивание понятийной модели всей предметной области ИТ, т. е. визуализация системности терминологии данной области. С помощью БД 4 обеспечивается навигация по понятийной модели предметной области ИТ как от общего к частному, т. е. от понятийной модели к термину, так и от частного к общему, т. е. от термина к понятийной модели.

БД 5 «Весовая матрица кластеров» служит для количественной оценки и структурной развитости кластеров и включает весовые коэффициенты кластеров, обозначающие количество входящих в их состав понятийных компонентов. Высокий коэффициент кластеров (например, кластеров *hardware, data / information, to alter / to change, structure*) свидетельствует о том, что они обладают понятийной полнотой и глубиной описания, а также являются ядром сферы ИТ. Данные коэффициенты будут использоваться для упорядочивания кластеров при визуализации понятийной модели предметной области ИТ.

Создание **БД 6 «Терминологические словосочетания»** необходимо для расширения охвата терминологического инвентаря предметной области ИТ, так как в специальном языке отмечается преобладание многословных конструкций над однословными терминами. Например, в ходе анализ стандарта предметной области ИТ «Information Technology – Vocabulary» выявлено 72 % терминологических словосочетаний и только 28 % однословных терминов. Отсутствие многословных терминов привело бы к существенному сокращению репрезентативности и снижению эффективности разрабатываемой АИС. Поскольку каждое словосочетание связано с соответствующими однословными терминами, оно может быть проанализировано через призму понятийных компонентов, входящих в состав данных однословных единиц.

Структура информационного обеспечения АИС «IT-TermAnalyzer», представленная шестью базами данных, позволяет описать различные уровни терминологии предметной области ИТ. Каждая база данных отвечает за отдельный аспект природы термина, и их совокупность позволяет перейти от пассивного хранения данных к их активному моделированию и структурированию. На наш взгляд, полученные базы данных образуют достаточное информационное обеспечение для создания АИС «IT-TermAnalyzer», основной функцией которой является систематизация терминологии предметной области ИТ и визуализация данной системности. Взаимосвязь разработанных баз данных представлена на рисунке 1.

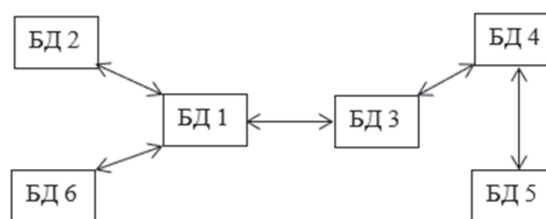

Рис. 1. Взаимосвязь разработанных баз данных

Алгоритмическое обеспечение

Разрабатываемая АИС «IT-TermAnalyzer» представляет собой терминографический продукт, который выполняет целый комплекс взаимосвязанных функций, направленных на обеспечение поддержки терминологической деятельности специалистов в сфере ИТ. Дальнейшее описание возможностей АИС и алгоритмического обеспечения будут представлены в зависимости от выполняемой функции,

Рис. 2. Принципиальный алгоритм работы АИС в режиме доступа на терминологическом уровне

а именно, анализ термина, анализ понятийного пространства предметной области ИТ и анализ текста. Данные виды анализа позволяют систематизировать терминологию предметной области ИТ на терминологическом, иерархическом и текстовом уровнях соответственно. Каждый уровень представляет собой отдельный режим доступа к разрабатываемой АИС.

Модуль анализа термина, или режим доступа на терминологическом уровне. Одним из ключевых компонентов АИС «IT-TermAnalyzer», как и большинства терминографических продуктов, является термин. С помощью разрабатываемой АИС пользователь может получить целостное и многоуровневое описание термина, охватывающее его грамматические, лексико-семантические, парадигматические и синтагматические характеристики, а также определить его место в терминосистеме предметной области ИТ. В АИС «IT-TermAnalyzer» представление термина осуществляется в соответствии с тремя блоками информации:

- 1) словарная статья;
- 2) понятийное облако;
- 3) терминологическое облако.

Словарная статья предлагает пользователю следующую информацию о термине: варианты написания, часть речи, синонимы / антонимы при их наличии, нормативный статус, русский эквивалент, понятийные компоненты с их вербальной фиксацией, иерархические цепочки от понятийных компонентов к кластерам, терминологические словосочетания.

Понятийное облако термина является графическим представлением, в котором отображаются

понятийные компоненты, образующие понятийное содержание термина, и указывается связь понятийных компонентов с кластерами. Такой способ визуализации дает пользователю представление о термине как об элементе системной структуры знаний, а именно, предметной области ИТ.

Терминологическое облако является средством визуализации системности терминологии на уровне отдельных терминов, так как содержит все термины, имеющие общие понятийные компоненты. При этом предусмотрена возможность визуализировать, какие термины связаны одним компонентом, а какие – несколькими.

С учетом вышеизложенной информации был разработан принципиальный алгоритм работы АИС, осуществляемой в режиме доступа на терминологическом уровне (см. рис. 2).

Следует указать, что представленный модуль анализа термина выступает не только самостоятельным сценарием взаимодействия, но и центральным механизмом, обеспечивающим методологическую и функциональную целостность АИС «IT-TermAnalyzer».

Модуль анализа понятийного пространства предметной области реализует режим доступа к терминологической информации на иерархическом уровне. Основой модуля служит понятийная модель предметной области ИТ, состоящая из сети взаимосвязанных понятийных компонентов и кластеров. Данная модель предназначена для решения следующих задач в процессе осуществления терминологической работы:

- 1) визуализация иерархической структуры, т. е. системности терминологии предметной области ИТ;
- 2) навигация по понятийному пространству предметной области ИТ;
- 3) визуализация понятийной полноты кластеров;
- 4) анализ терминологии предметной области ИТ от общего (понятийной модели) к частному (термину).

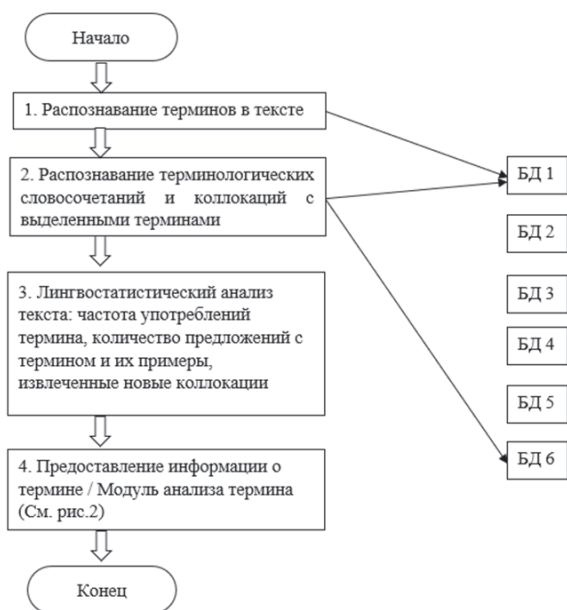
Таким образом, модуль анализа понятийного пространства обеспечивает системный взгляд на терминологию ИТ, так как позволяет пользователю АИС определить место термина в системе профессионального понятийного пространства.

Разработанный принципиальный алгоритм работы АИС «IT-TermAnalyzer», осуществляемой в режиме доступа на иерархическом уровне, представлен на рисунке 3.

Модуль анализа текста реализует режим доступа к терминологической информации на текстовом уровне. Функцией данного модуля АИС «IT-TermAnalyzer» является создание

Рис. 3. Принципиальный алгоритм работы АИС в режиме доступа на иерархическом уровне

Рис. 4. Принципиальный алгоритм работы АИС в режиме доступа на текстовом уровне

терминологического пространства текста посредством его лингвостатистического анализа. Режим доступа на текстовом уровне предназначен для автоматического извлечения однословных и многословных терминов из необработанных текстовых данных, а также идентификации и систематизации извлеченных терминов. Особое внимание уделяется контекстному анализу, так как АИС обнаруживает термины в естественной среде

функционирования. Следовательно, с помощью данного модуля можно провести анализ контекстной реализации терминов и определить их функциональную роль в профессиональной коммуникации.

На основе выделенных терминов АИС проводит лингвостатистический анализ текста, включающий фиксацию частотности терминов и количества предложений текста, в которых они встретились. Полученные данные служат основой для определения терминологичности текста и оценки терминологической значимости извлеченных лексических единиц.

Кроме того, пользователь имеет возможность самостоятельно верифицировать новые терминологические коллокации, выявленные АИС в ходе автоматического анализа текста, и добавить их в отдельную базу данных. Такой подход обеспечивает сочетание быстрой автоматической обработки текста и экспертной оценки.

На рисунке 4 представлен принципиальный алгоритм работы АИС «IT-TermAnalyzer», осуществляемой в режиме доступа на текстовом уровне.

Таким образом, разработанное алгоритмическое обеспечение АИС «IT-TermAnalyzer» представляет собой формализованную логическую основу для согласованного функционирования всех компонентов информационного обеспечения. Представленные алгоритмы, реализующие три режима доступа – на терминологическом, иерархическом и текстовом уровнях, – не только отражают ключевые сценарии взаимодействия пользователя с терминологической системой, но и обеспечивают методологическое единство лингвистического и онтологического уровней описания. Разработанная АИС позволяет автоматизировать рутинные операции по обработке терминов, а также поддерживать интеллектуальную навигацию по структуре знаний предметной области ИТ, что является необходимым условием для эффективной систематизации и визуализации современной терминологии.

Заключение

В результате проведенного исследования была разработана архитектура АИС «IT-TermAnalyzer», предназначенная для осуществления комплексной поддержки терминологической работы в динамичной предметной области ИТ. Представленная АИС реализует многоуровневое описание термина, включая его понятийное содержание и положение в понятийном пространстве сферы ИТ.

С точки зрения лингвистики и методологии ключевым результатом исследования стала

разработка архитектуры информационного обеспечения, состоящего из шести взаимосвязанных баз данных, каждая из которых отвечает за отдельный аспект описания терминологии предметной области ИТ. На основе полученных баз данных были реализованы три модуля, или три режима доступа: на терминологическом (анализ термина), иерархическом (анализ понятийного пространства предметной области) и текстовом (анализ специального текста) уровнях.

Значимость АИС «IT-TermAnalyzer» заключается в возможности ее применения для решения широкого круга задач в ходе терминологической деятельности, а именно: систематизация терминологии, обеспечение точности специального перевода, разработка отраслевых терминографических продуктов, обучение специалистов и т. д.

Таким образом, разработанная АИС обладает терминологической полнотой и практической

применимостью в условиях профессиональной коммуникации. Благодаря интеграции лингвистического, понятийного и системного уровней описания АИС является эффективным цифровым терминологическим инструментом. На наш взгляд, данная система может послужить примером для организации и систематизации терминологии других предметных областей.

Разрабатываемая АИС в перспективе может быть усовершенствована посредством подключения модулей автоматического определения места термина в терминосистеме на основе его дефиниции и автоматизированного пополнения базы данных новыми терминами. Также представленная архитектура может быть расширена посредством подключения дополнительных языков перевода и инструментов, совершенствующих визуализацию терминологических и понятийных облаков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кантышева Н. Г. Моделирование терминосистемы «экологический аудит» и ее описание в систематизирующем глоссарии: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2011.
2. Ковязина М. А. Функциональная модель двуязычного экологического словаря-тезауруса: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2006.
3. Шевцова А. Ю. Моделирование нормативного двуязычного словаря-тезауруса терминов авиационной экологии: дис. ... канд. филол. наук: Тюмень, 2014.
4. Табанакова В. Д. Идеографическое описание научной терминологии в специальных словарях: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2001.
5. Синявская С. П. Когнитивное моделирование англоязычной терминосистемы «Endocrinology»: дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2015.
6. Тихонова И. Б. Когнитивное моделирование профессиональной терминосистемы: на материале английской терминологии нефтепереработки»: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2010.
7. Быкова С. Е. Тезаурусное моделирование юридической терминологии: На материале французского языка в сопоставлении с русским: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.
8. Ведерникова Ю. В. Тезаурусное моделирование английской терминологии когнитивной лингвистики: дис. ... канд. филол. наук. Тольятти, 2013.
9. Прошина А. А. Моделирование двуязычного словаря-тезауруса по экономике: дис. ... канд. филол. Екатеринбург, 2008.
10. Жучкова Е. В. Моделирование отраслевой словарной типологии: (на материале словарей по психологии в русском и английском языках): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008.
11. Софронова Т. М. Лексикографическое моделирование русской и английской терминологической терминологии: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2013.
12. Горожанов А. И. Онлайн-ресурс лингвистических характеристик произведения художественной литературы: ключевые параметры и технология разработки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 1. С. 128–134. DOI 10.30853/phil20250019. EDN WWCZEL.
13. Горожанов А. И. Экспериментальное моделирование базы данных сбалансированного лингвистического корпуса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 10. С. 3382–3386. DOI 10.30853/phil20220563. EDN JHBAVG.
14. Горожанов А. И. Архитектура сбалансированного лингвистического корпуса, полученного автоматическим путем (опыт Московского государственного лингвистического университета) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 11 (892). С. 24–30. EDN BCSCXQ.
15. Шелов С. Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2003.

16. Степанова Д. В. Особенности выделения ключевых слов из научно-технических текстов предметной области «Информационные технологии» / Д. В. Степанова, М. А. Жданович // Вестник Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1. Филология. 2020. № 6 (109). С. 98–105.
17. Жданович М. А. Компонентный анализ по словарным дефинициям как этап систематизации терминологии (на материале предметной области «Информационные технологии») // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1. Филология. 2023. № 1 (122). С. 80–88.
18. Жданович М. А. Формирование лингвистической базы данных компьютерного терминологического словаря предметной области «Информационные технологии» // «Человек – Язык – Компьютер. Исследователи будущего»: сб. материалов научно-практической (заочной) конференции с международным участием. 2024. С. 90–95.
19. Левенкова А. Ю. Структурно-функциональная модель терминологического словосочетания солнечной энергетики и ее лексикографическое описание: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2016.
20. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: URSS : Либроком, 2022.

REFERENCES

1. Kantysheva, N. G. (2011). Modelirovanie terminosistemy «ekologicheskii audit» i ee opisanie v sistematiziruyushchem glossarii = Modeling the terminology system «Environmental Audit» and its description in a systematizing glossary: PhD thesis in Philology. Tyumen. (In Russ.)
2. Kovyazina, M. A. (2006). Funktsional'naya model' dvuyazychnogo ekologicheskogo slovarya-tezaurusa = Functional model of a bilingual ecological thesaurus dictionary: PhD thesis in Philology. Tyumen. (In Russ.)
3. Shevtsova, A. Yu. (2014). Modelirovanie normativnogo dvuyazychnogo slovarya-tezaurusa terminov aviatsionnoi ekologii = Modeling a normative bilingual thesaurus dictionary of aviation ecology terms: PhD thesis in Philology. Tyumen. (In Russ.)
4. Tabanakova, V. D. (2001). Ideograficheskoe opisanie nauchnoi terminologii v spetsial'nykh slovaryakh = Ideographic description of scientific terminology in specialized dictionaries: abstract of Senior Doctoral thesis in Philology. Saint Petersburg. (In Russ.)
5. Sinyavskaya, S. P. (2015). Kognitivnoe modelirovanie angloyazychnoi terminosistemy «Endocrinology» = Cognitive modeling of the English-language terminology system «Endocrinology»: PhD thesis in Philology. Saint Petersburg. (In Russ.)
6. Tikhonova, I. B. (2010). Kognitivnoe modelirovanie professional'noi terminosistemy: na materiale angliiskoi terminologii neftepererabotki = Cognitive modeling of a professional terminology system: based on English oil refining terminology: PhD thesis in Philology. Omsk. (In Russ.)
7. Bykova, S. Y. (2006). Tezaurusnoe modelirovanie yuridicheskoi terminologii: Na materiale frantsuzskogo yazyka v sopostavlenii s russkim = Thesaurus modeling of legal terminology: Based on the French language in comparison with Russian: PhD thesis in Philology. Yekaterinburg. (In Russ.)
8. Vedernikova, Yu. V. (2013). Tezaurusnoe modelirovanie angliiskoi terminologii kognitivnoi lingvistiki = Thesaurus modeling of English terminology in cognitive linguistics: PhD thesis in Philology. Tolyatti. (In Russ.)
9. Proshina, A. A. (2008). Modelirovanie dvuyazychnogo slovarya-tezaurusa po ekonomike = Modeling a bilingual thesaurus dictionary on economics: PhD thesis in Philology. Yekaterinburg. (In Russ.)
10. Zhuchkova, E. V. (2008). Modelirovanie otraslevoi slovarnoi tipologii: (na materiale slovari po psikhologii v russkom i angliiskom yazykakh) = Modeling an industry-specific vocabulary typology: (based on Russian and English dictionaries on psychology): PhD thesis in Philology. Yekaterinburg. (In Russ.)
11. Sofronova, T. M. (2013). Leksikograficheskoe modelirovanie russkoi i angliiskoi pirologicheskoi terminologii = Lexicographic modeling of Russian and English pyrological terminology: PhD thesis in Philology. Krasnoyarsk. (In Russ.)
12. Gorozhanov, A. I. (2025). Online resource of linguistic features in a fictional work: key parameters and development methodologies. *Philology. Theory & Practice*, 18(1), 128–134. DOI 10.30853/phil20250019. (In Russ.)
13. Gorozhanov, A. I. (2022). Experimental database modelling of a balanced linguistic corpus. *Philology. Theory & Practice*, 15(10), 3382–3386. DOI 10.30853/phil20220563. (In Russ.)
14. Gorozhanov, A. I. (2024). Architecture of a balanced linguistic corpus built automatically (experience of Moscow State Linguistic University). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 11(892), 24–30. (In Russ.)
15. Shelov, S. D. (2003). Termin. Terminologichnost'. Terminologicheskie opredeleniya = Term. Termhood. Terminological definitions. Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.)

16. Stepanova, D. V., Zhdanovich, M. A. (2020). Extraction of Keywords From Texts of the Subject Area «Information Technology». Vestnik of Minsk State Linguistic University. Series: Philology, 6(109), 98–105. (In Russ.)
17. Zhdanovich, M. A. (2023). Component Analysis of Dictionary Definitions as a Part of Terminology Systematization Process (Based on the «Information Technology Domain»). Vestnik of Minsk State Linguistic University. Series: Philology, 1(122), 80–88. (In Russ.)
18. Zhdanovich, M. A. (2024). Formation of a Linguistic Computer Terminological Dictionary Database in the Subject Field «Information Technology». In Chelovek – Yazyk – Komp'yuter. Issledovateli budushchego (pp. 90–95): conference proceedings. Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russ.)
19. Levenkova, A. Yu. (2016). Strukturno-funktsional'naya model' terminologicheskogo slovosochetaniya solnechnoi energetiki i ee leksikograficheskoe opisanie = Structural and functional model of the terminological phrase of solar energy and its lexicographic description: abstract of PhD thesis in Philology. Tyumen. (In Russ.)
20. Leitchik, V. M. (2022). Terminovedenie: predmet, metody, struktura = Terminology: subject, methods, structure. Moscow: URSS : Librokom. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жданович Марья Артуровна

старший преподаватель

кафедры теории и практики перевода

Белорусского государственного университета иностранных языков

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhdanovich Marya Arturovna

Senior Lecturer

Translation and Interpreting Theory and Practice Department

Belarusian State University of Foreign Languages

Статья поступила в редакцию	12.12.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	15.01.2026	
принята к публикации	02.02.2026	

Лексико-стилистические средства формирования представлений о лидерах Австрийской партии свободы (на примере Йорга Хайдера и Герберта Кикля)

А. А. Клиновская¹, В. В. Стрельцова²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹anna-klinov2@yandex.ru

²strelzova2013@yandex.ru

Аннотация: Цель исследования заключается в сравнении способов и лексико-стилистических средств формирования имиджа лидеров Австрийской партии свободы Й. Хайдера и Г. Кикля. Применены методы критического дискурс-анализа, лингвистического, контекстного анализа. В качестве материала использовались высказывания Й. Хайдера и Г. Кикля, а также статьи о них в немецко-язычном медиадискурсе. Выявлены наиболее частотные концепты, формирующие риторiku Й. Хайдера и Г. Кикля и составившие основу их политических программ, а также метафорические модели и аллюзии, формирующие представления о политиках в СМИ и способствующие возникновению устойчивых ассоциаций у читательской аудитории.

Ключевые слова: Австрийская партия свободы, популизм, имидж, стратегия, манипулятивная тактика, концептуальная метафора, аллюзия

Для цитирования: Клиновская А. А. Лексико-стилистические средства формирования представлений о лидерах Австрийской партии свободы (на примере Йорга Хайдера и Герберта Кикля) / А. А. Клиновская, В. В. Стрельцова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2 (908). С. 53–60.

Original article

Lexical and Stylistic Means of Image Making of the Leaders of the Freedom Party of Austria (at the example of Jörg Haider and Herbert Kickl)

Anna A. Klinovskaya¹, Valentina V. Streltsova²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹anna-klinov2@yandex.ru

²strelzova2013@yandex.ru

Abstract. This study aims at comparing the methods and lexical and stylistic means of constructing the images of Jörg Haider and Herbert Kickl, the leaders of the Freedom Party of Austria (FPA). The methods applied in this study include critical discourse analysis, linguistic analysis, and contextual analysis. Statements by Jörg Haider and Herbert Kickl, as well as articles about them in German-language media discourse, served as the material. As a result, the analysis identified the most frequent concepts that shape the rhetoric of Jörg Haider and Herbert Kickl and form the basis for their political platforms, as well as metaphorical frames and allusions that impact the perception of the politicians in the media and result in lasting associations among the readership.

Keywords: Freedom Party of Austria, populism, image, strategy, manipulative tactics, conceptual metaphor, allusion

For citation: Klinovskaya, A. A., Streltsova, V. V. (2026). Lexical and stylistic means of image making of the leaders of the Freedom Party of Austria (at the example of Jörg Haider and Herbert Kickl). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(908), 53–60. (In Russ.).

Введение

Австрийская партия свободы (АПС) (*нем.* Freiheitliche Partei Österreichs, FPÖ) традиционно подвергается критике со стороны австрийских и зарубежных СМИ в связи политической программой и риторикой своих руководителей, которая часто воспринимается как провокационная, не соответствующая политическим настроениям в Европейском союзе и в ряде случаев – нормам политической корректности. История существования партии начинается в 1949 году. Сегодня партия в очередной раз переживает политический взлет. Парламентские выборы 2024 года принесли победу партии, выступающей за ограничение миграционной политики, дистанцирование от политики Европейского Союза, традиционные семейные ценности.

Нарратив правого популизма, сочетающий немецкий национализм с австрийским патриотизмом, делающий акцент на самых актуальных социальных проблемах, в частности, на миграционной политике и ее экономическом, социальном, религиозном аспектах и поддержке ксенофобии, стал визитной карточкой этой партии. Й. Хайдер и Г. Кикль являются наиболее успешными политиками правопопулистского направления в Австрии. В связи с этим возникла необходимость исследования средств создания представлений об этих политических фигурах в СМИ.

Новизна исследования состоит в анализе (авто)имиджа, создаваемого в СМИ, самых известных представителей популистского движения в Австрии, что позволяет представить феномен правопопулистского политика в немецкоязычном медиадискурсе. Исследование построено на решении следующих задач: определение концептов, в том числе концептуальных метафор, составляющих дискурс политиков АПС, а также дискурс СМИ об этих политиках; определение прагматического потенциала аллюзии как эффективного средства генерации дополнительных смыслов; сравнение автоимиджа и имиджа политика в СМИ.

Материал исследования составили микроконтексты из австрийских и немецких средств массовой информации: «News», «Der Standard» (DS), «Neue Kronenzeitung» (NKZ), «Tagesschau» (TS), «Die Presse» (DP), фельетоны известного австрийского журналиста Г. Неннинга для СМИ Австрии и ФРГ, а также предвыборная программа АПС (PP). При работе над исследованием применялись методы критического дискурс-анализа, лингвистического, контекстного анализа.

Актуальность исследования определяется неуклонно возрастающим интересом лингвистов к проблеме языкового воздействия в медийном

дискурсе. Так, Н. Н. Болдырев и Т. Н. Ефименко, исследуя воздействующий потенциал медиатекста, рассматривают его в контексте взаимодействия языка и мышления и отмечают, что «воздействующая специфика медиатекста обусловлена его определенной концептуально-языковой структурой» [Болдырев, 2025, с. 5].

Е. Г. Беляевская, проводя анализ британских качественных СМИ, подчеркивает, что прежде всего политический медиадискурс воздействует на общественное мнение: «...в медийном сообщении помимо собственно информации о фактах и событиях, которые необходимо донести до читателя, можно выделить ту индивидуальную когнитивную программу, которой следует автор, для того, чтобы оказать максимальное воздействие на получателя информации и сделать предлагаемую точку зрения максимально обоснованной. Эта программа (метадискурс) включает в себя авторский отбор информации и языковых средств ее вербализации, авторское выделение в описываемых событиях наиболее важных моментов и авторскую оценку, в результате чего в дискурсе формируется авторское видение предмета сообщения с учетом авторской модели адресата» [Беляевская, 2017, с. 121–122]. Таким образом, осуществлению воздействия способствуют формирование повестки дня, использование оценочной лексики и стилистических приемов, обращение к аллюзиям и ассоциациям.

На примере немецкого современного политического дискурса проблемы воздействия в СМИ изучаются, например, И. А. Гусейновой и А. И. Горожановым. Исследуя функционирование анτισлов в политическом дискурсе ФПГ, авторы приходят к выводу о том, что эти не зафиксированные в лексикографических источниках единицы формируют негативную повестку дня [Guseynova, 2024]. Для изучения вербального отражения авторского видения ситуации и способов расстановки акцентов необходимо обратиться и к анализу деонимических номинаций, возникающих посредством словосложения, конверсии, деривации [Голикова, 2025; Чигашева, 2017].

В продолжение исследований воздействующего потенциала политического медиадискурса далее будут рассмотрены лингвистические средства формирования имиджа австрийских политиков Й. Хайдера и Г. Кикля.

Лексико-стилистические средства формирования представлений о Й. Хайдере в медиадискурсе

Популярность и особенности имиджа Й. Хайдера, руководившего партией в 1986–2018 годы

и сегодняшнего лидера АПС Герберта Кикля (возглавляет АПС с 2021 года), при которых партии удалось одержать серьезную победу на выборах, обусловлена их обращением к традиционным ценностям, позиционированием интересов Австрии как первостепенных в связи с концепцией нейтралитета, критическим отношением к политике, ориентированной на решение мировых проблем в ущерб интересам Австрии.

В качестве предмета исследования нами были выбраны концептуальные метафоры и аллюзии, деонимизация как особый случай словотворчества в публицистике. Анализ функционирования вышеперечисленных феноменов в медиадискурсе позволяет установить особенности конструирования социальных отношений в общественном пространстве Австрии. Исследования, посвященные формированию (авто)имиджа Й. Хайдера в СМИ, подтверждают использование одного и того же набора метафор на протяжении всей его политической карьеры: войны, спортивного соперничества, карточной игры, антропоморфной метафоры [Лапшина, 2006]. Особенно следует обратить внимание на метафоры, традиционно используемые в политике (патерналистская метафора, или метафора пастыря) [Peil, 1983], обладающие дискурсивной продуктивностью, и метафоры, вызывающие ассоциации с дискурсом Третьего Рейха. Й. Хайдер часто представлен в медиадискурсе как харизматичный политик, делающий ставку на подчинение своему авторитету. Журналисты иронично называют его «наставником», «главой семейства»:

Jörg Haider war für Heinz-Christian Strache **Lehrmeister**... und politischer **Übervater** (DS).

Для характеристики этого политика также часто используется метафора театра в связи с его способностью улавливать настроения избирателей и подстраивать свою программу в соответствии с их ожиданиями: «Er schlüpft in jedes Kostüm» (NKZ). Метафора катастрофических природных явлений находит применение как в высказываниях самого политика, так и в реакции СМИ на действия возглавляемой им партии и имеет амбивалентный характер: успех партии по всей стране сравнивается в СМИ с лавиной, которая погребла под собой всю Австрию, и рассматривается как губительное для страны явление. При этом сам Й. Хайдер не раз заявлял, что остановить рост популярности его партии так же невозможно, как и остановить несущую лавину. Цветовая метафора свойственна немецкоязычному медиадискурсу и используется для актуализации двойного смысла: так, победа партии Й. Хайдера преподносится СМИ как *braunes Wunder*,

что представляет собой замену прилагательного во фразеологизме *sein blaues Wunder erleben* (столкнуться с неприятным сюрпризом). Цветовой компонент *braun* (коричневый) подразумевает отсылку к идеологии национал-социализма.

Постоянная тематизация Й. Хайдером политики занятости в Третьем Рейхе позволила СМИ употребить по отношению к нему стигматизирующую метафору «Hitlers geistiger Ziehsohn (Stiefsohn)» (NKZ), которую можно перевести как «приемный сын», «идеологический пасынок Гитлера», имплицитную преемственность взглядов и одобрение Й. Хайдером политики Гитлера. Общеизвестны провокационные заявления Й. Хайдера, содержащие зооморфную метафору, что в определенных контекстах вызывает ассоциации с дискурсом Третьего Рейха, нарушает нормы так называемого языкового такта, к которым относится табуизация целого ряда номинаций¹. В качестве примера можно привести случаи использования метафоры природных вредителей (*Schädlinge*), вредных насекомых (*Ungeziefer*) в высказываниях Й. Хайдера:

Nicht die Freiheitlichen sind die Schädlinge der Demokratie. Wir sind das Schädlingsbekämpfungsmittel (DP). – Не мы вредители демократии. Мы средство для борьбы с вредителями².

Программное сочинение Й. Хайдера, где он излагает взгляды на будущее Австрии, так называемую Третью республику, имеет название «Die Freiheit, die ich meine». Несложно понять аллюзию на политическую поэму М. фон Шенкендорфа (1783–1817) «Freiheit, die ich meine»:

Freiheit, die ich meine,
Die mein Herz erfüllt...
Freiheit, holdes Wesen,
Gläubig, kühn und zart,
Hast ja lang erlesen
Dir die deutsche Art.

Также общеизвестна фраза Й. Хайдера «Österreich zuerst, das ist meine Formel für Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft» (DS) («Австрия в первую очередь, это моя формула для прошлого, настоящего и будущего»), произнесенная им во время кампании за проведение народной инициативы (*Volksbegehren*) по вопросам ограничения миграции под лозунгом «Österreich zuerst»). Й. Хайдер прославился в том числе высказываниями, структурно напоминающими

¹Seidel E., Seidel-Slotty I. Sprachwandel im Dritten Reich. Eine kritische Untersuchung faschistischer Einflüsse. Halle (Saale):VEB Verlag Sprache und Literatur, 1961.

²Зд. и далее перевод наш. – А. К., В. С.

политические лозунги, обладающие рядом исторических ассоциаций. Так, строка стихотворения – «Am deutschen Wesen mag die Welt genesen» («Благодаря немецкому нраву выздоровеет мир») – использовалась в том числе и кайзером Вильгельмом II и интерпретировалась как утверждение немецкого превосходства. В свою очередь Й. Хайдер, считающий своей малой родиной Каринтию, озаглавил одну из своих книг с программными политическими заявлениями «Am Kärnter Wesen soll die Republik genesen» (букв. 'Благодаря каринтийскому нраву выздоровеет республика').

С процессом метонимизации связано возникновение деонимизированных феноменов. Деонимизация с аллюзивной функцией позволяет предположить возникновение целого комплекса коннотаций в связи с именем собственным Й. Хайдера, часто воспроизводимых в период с 1999 по 2000 год: *Verhaiderung*, *Der demokratische und österreichische Erziehungsprozess der Umhaiderung Haiders ist noch nicht beendet*, *Enthaiderung Österreichs*¹.

Приведенные примеры демонстрируют, как с помощью словообразовательных элементов, в данном случае приставок с различной семантикой, создается окказионализм, имеющий в качестве корня имя собственное (-haider), приобретающее черты имени нарицательного со значением «идентификация с идеологией правого популизма и национализма». Приставка *ver-* используется в окказионализме *Verhaiderung* в значении «покрывания, пропитывания чем-либо», в данном случае определенной идеологией; приставка *um-* (*Umhaiderung*) придает окказионализму значение видоизменения; приставка *ent-* придает отглагольному существительному слову значение «удаления от чего-либо»².

В дискурсе СМИ о Й. Хайдере и его партии также постоянно используются модификации пословиц. Так, СМИ рассматривают санкции против Австрии как предупреждение более влиятельному партнеру по Евросоюзу, Германии, в высказывании «Der Sack ist Österreich, der Esel ist Deutschland», что является отсылкой к пословице «Den Sack schlägt man, den Esel meint man».

Лексико-стилистические средства формирования представлений о Г. Кикле в медиадискурсе

В ходе предвыборной кампании 2024 года в немецкоязычных средствах массовой информации

¹Nenning G. Nenning schreibt für Österreich. Berlin: Ueberreuter. 2003. С. 54.

²Словарь словообразовательных элементов немецкого языка = Wortbildende Elemente der deutschen Sprache / А. Н. Зуев, И. Д. Молчанова, Р. З. [и др.] ; под ред. М. Д. Степановой. 2. изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2000.

используются традиционные в предвыборном дискурсе концептуальные метафоры социального взаимодействия из сферы: войны (*rhetorisch abrüsten*), гонок (*ein bisschen Tempo herausnehmen, um dann mit umso mehr Kraft wieder durchzustarten; ins Rennen schicken*), футбола (*Freundschaftsspiel – Europawahl, Testlauf vor der Nationalratswahl*), метафора карточной игры (*sich nicht von den Gegnern in die Karten schauen lassen*). Особенно широко в исследованном материале представлена метафора «политика – это азартная игра». Например, отказываясь назвать имя возможного кандидата на пост федерального президента от АПС, председатель партии Г. Кикль использует развернутую карточную метафору:

Diesmal werden **die Karten** ganz **neu gemischt** und ich glaube, wir werden **einen Joker ausspielen** (TS).

В целях предвыборной агитации традиционно используется цветовая символика. Например, обращаясь к сторонникам, Г. Кикль так описывал предстоящую победу на выборах Австрийской партии свободы:

Spannen wir gemeinsam den **rot-weiß-roten** Bogen und nehmen wir gemeinsam unser Ziel ins Visier. Und dann schießen wir den blauen Pfeil der Freiheit ab. Dieser **blaue Pfeil der Freiheit**, der wird am 29. September aber mitten **ins Schwarze hineintreffen** (TS).

Используя развернутую метафору, политик уверяет избирателей, что «голубая стрела свободы», пущенная из «красно-бело-красного лука», попадет в день выборов прямо в цель. Помимо голубого цвета (символ АПС) и цветов национального флага Австрии (красно-бело-красного) в приведенной цитате присутствует черный цвет, входящий в состав фразеологизма *ins Schwarze hineintreffen* (*попасть в цель*). Поскольку черный цвет символизирует главного противника на парламентских выборах (Австрийскую народную партию), можно говорить о двойной актуализации: стрела не только попадет в цель, но и поразит соперника.

Применительно к Австрийской партии свободы в ходе предвыборной борьбы 2024 года и после ее победы на выборах в немецкоязычных средствах массовой информации используются такие определения, как *Russland-freundlich*, *antidemokratisch*, *rechtsnational*, *extrem recht*, *rechtsextremistisch*, *rechtsradikal*, *rechtspopulistisch*, *rechtsaußen*. По отношению к председателю партии и кандидату на пост главы правительства от АПС Г. Киклю используются преимущественно такие

негативно-оценочные перифразы, как: *der «Pseudo-Patriot», der Volkskanzler, der EU-Gegner, der erklärte Putin-Freund, der Rechtspopulist, der Provokateur vom rechten Rand, der feigste Parteiobmann Österreichs*. Иногда акцент делается на биографии политика, как, например, в перифразах *der gebürtige Kärntner, der ehemalige Philosophiestudent, der Langstreckenläufer und Kletterer*.

Обращают на себя внимание высокая частотность и словообразовательная продуктивность лексемы *Volk*, которая используется Г. Киклем как самостоятельно, так и в составе сложных слов (*Volkskanzler, Volkskanzlerschaft, Volkskultur*). Лексема *Volk* также выступает доминантой синонимического ряда *das Volk, die Bevölkerung, die Menschen, die Leute, die Familie Österreich*. Например, следующий контекст содержит ни к чему не обязывающее обещание самого общего характера – обеспечить людям, австрийскому населению хорошую жизнь, если они проголосуют на парламентских выборах за Австрийскую партию свободы:

Aber ich habe der **österreichischen Bevölkerung** das Versprechen abgegeben, dass wir alles tun werden, **den Menschen gute Jahre zu bringen**. Und das geht am allerbesten von der Spitze der Regierung aus (*News*).

Концептуальная метафора «народ – это семья» является основополагающей в выступлениях Кикля. При этом инструментализируется ценностный концепт «семья»:

Diese **Familie Österreich** soll aufblühen und ihr volles Potenzial entfalten können. Und der Ort, an dem sie das tut, das ist die **Festung Österreich**, die **Festung Freiheit** (*TS*).

Кандидат на пост главы правительства заверяет, что он хочет стать «народным канцлером» (*Volkskanzler*), выходцем из народа, который «не хотел бы управлять через голову народа»:

Ein **Volkskanzler**, der aus dem **Volk** kommt und nicht über das **Volk** drüber regieren möchte (*TS*).

Слово *Volkskanzler* идеологически маркировано: оно использовалось национал-социалистами по отношению к А. Гитлеру.

В средствах массовой информации Кикля также называют *völkischer Kanzler*. Следует отметить, что прилагательное *völkisch* (*народный, национальный*) несет в себе идеологическую коннотацию и связано с расистской идеологией национал-социализма. Ср. *Universalduden*:

nationalsoz. In der rassistischen Ideologie des Nationalsozialismus ~ein Volk als vermeintliche Rasse betreffend, zum Volk als vermeintliche Rasse gehörend.

Параллели с национал-социалистами и сравнение Г. Кикля с А. Гитлером служат стратегии демонизации кандидата.

Спектр лексем с отрицательной коннотацией, которые используют журналисты и представители других политических партий по отношению к Г. Киклю и его партии, охватывает широкий круг номинаций: *der Querulant, für Alarm sorgen, eine im höchsten Grade beunruhigende Perspektive, ein Problem für Österreich, eine Irritation in Europa, eine große Gefahr für Europa insgesamt, der Alptraum, das Sicherheitsrisiko, eine Gefahr für die Demokratie*.

Пытаясь представить, какой будет Австрия, если к власти придет «народный канцлер» Кикль, оппоненты предостерегают избирателей от того, что ценности современного общества, такие как демократия, свобода слова, гуманизм, верховенство закона и безопасность, окажутся под угрозой. Примечательно, что те же ценностные концепты – безопасность, свобода и демократия – положены в основу аргументации самого Кикля, причем он уверен в том, что приход к власти АПС – это гарант свободы, безопасности и демократии в Австрии. Предвыборная программа партии начинается следующим обращением Г. Кикля к избирателям:

Als Volkskanzler werde ich vom ersten Tag an alles tun, um den Österreichern ihre **Freiheit** zurückzugeben. Und damit **Wohlstand, Sicherheit** und **Lebensfreude!**

Кикль позиционирует себя и своих соратников как приверженцев прямой демократии и защитников «нормальных» общественных устоев. При этом он использует экспрессивные метафоры («промывание мозгов», «культ радуги») и негативно окрашенные лексемы («сумасшествие», «безумие»):

Wir sind für die **direkte Demokratie**, für die **echte Normalität** und gegen diese **linke Gehirnwäsche**, diesen **Regenbogenkult**, diesen **Genderwahnsinn**, diesen **Woke-** und **Cancle-culture-Irrsinn**.

По мнению Кикля, безопасность связана с прекращением приема беженцев и возвращением мигрантов на родину («**Remigration**» und **null Asylanträge**). Слово **Remigration** было подхвачено немецкой партией АдГ. В немецкоязычных СМИ критикуется употребление этого слова, но

представители правопопулистских партий в Австрии и Германии стремятся к его дисфемизации.

Представление о безопасности и защищенности как о прекращении «миграционного потока» находит отражение в сквозной метафоре «крепость Австрия», которая является основополагающей для предвыборной партийной программы АПС в 2024 году. Эта метафора поддерживается и при помощи визуального семиотического кода¹, как, например, на рисунке 1:

Рис. 1. Крепость Австрия

Лозунг «*Festung Österreich. Festung der Freiheit*», служащий названием предвыборной программы АПС, объединяет в себе сразу две ценности – защищенность и свободу.

Обосновывая свои позиции во внешней политике, Кикль апеллирует к таким связанным со свободой традиционным ценностям, как патриотизм и суверенитет Австрии. Политик, например, подчеркивает, что его заботит, в первую очередь, ситуация в Австрии, а не глобальные всемирные проблемы:

Kickl ... verspricht den Menschen, *sich um Österreich zu kümmern*, statt um die großen Probleme dieser Welt, was die Menge mit tosendem Applaus belohnt (TS).

Отдельно следует отметить ценностный концепт «нейтралитет», имеющий для Австрии большое значение. В соответствии с Федеральным конституционным законом о нейтралитете Австрии, принятым 26 октября 1955 года, Австрия не должна вступать в военные союзы и допускать размещение на своей территории военных баз других государств. Согласно проведенному в Австрии в феврале 2024 года опросу общественного мнения, 74 % опрошенных считают, что Австрия должна и дальше придерживаться нейтралитета².

¹URL: www.fbi-politikschule.at/fileadmin/user_upload/www.fbi-politikschule.at/blauess_oesterreich/Wahlprogramme/2024_NRW_Wahlprogramm.pdf (дата обращения: 02.10.2025).

²Нейтралитет vs. NATO-Beitritt in Österreich 2024. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1096513/umfrage/neutralitaet-vs-nato-beitritt-in-oesterreich/> (дата обращения: 02.10.2025).

Оппоненты Г. Кикля из других политических партий и журналисты пытаются разоблачить его манипулятивную тактику поляризации социальных групп:

In Österreich polarisiert kaum ein Politiker so wie Herbert Kickl.

„*Wir gegen die*“ – auf diese Parole schwören sich die Menschen ein. Feindbild sind die *Medien, Ausländer* und alles, was in den Augen der FPÖ „*woke*“ ist (TS).

Однако, судя по результатам социологических опросов, тактика поляризации социальных групп и обращения к «абсолютно нормальным людям» приносит свои плоды:

Dass wir es etwa in Sachen *Regenbogenkult, Wokeismus* und so weiter mit einer Art *gesellschaftszerstörender Geistesseuche* zu tun haben, die sich zur Tarnung als *Fortschritt* ausgibt. Ich finde es gut, dass es jetzt eine Gegenbewegung gibt, wo sich die *Mitte der Gesellschaft*, die ganz *normalen Leute*, die dieses Land am Leben erhalten, auch dagegen wehren, dass ihnen irgendetwas vorgesetzt wird, mit dem sie nichts anfangen können. Das gilt ganz besonders für den gesamten *Asylbereich* (News).

Г. Кикль в данном контексте использует по отношению к социальным явлениям метафору болезни («разрушительная для общества духовная чума»). Одновременно «прогресс» в речах политика становится ругательным словом.

Выступая против культурного разнообразия (*Multikulti*) и современного искусства, Кикль заявляет, что Австрия должна стремиться к «гомогенности» (*Homogenität*). В разделе предвыборной программы под заголовком «Гомогенность» кандидат на пост федерального канцлера заявляет о том, что противоположностью многообразия является не простота, а единство:

Das Gegenteil von *Vielfalt* ist nicht *Einfalt*, sondern die *Einheit*. Die Österreicher sollen in einer ideellen und emotionalen *Einheit* verbunden sein und *unsere Heimat gemeinsam voranbringen* (PP).

Таким образом, миграционная политика Австрии, продиктованная Евросоюзом, с точки зрения Австрийской партии свободы, нарушает целостность австрийского общества и противоречит желанию австрийцев:

Unter der ... von den Österreichern aber zu keinem Zeitpunkt gewünschten „*Multikulti*“-Gesellschaft leidet die *Homogenität* (PP).

Заключение

На основании проведенного исследования мы пришли к выводу, что правопопулистский дискурс политиков Й. Хайдера и Г. Кикля (АПС) обнаруживает схожие черты: использование номинаций и метафоры, обладающих историческими коннотациями, что нарушает принципы языкового такта и создает обоим председателям АПС скандальную репутацию.

Для создания представлений о политиках в медиадискурсе используются ряд концептуальных метафор, являющихся традиционными для

этого дискурса (метафоры театра, спортивного состязания, войны), цветовая метафорика с целью двойной актуализации. Кроме того, установлено использование аллюзий на прецедентные тексты, значимые в первую очередь для немецкой лингвокультурной общности, что создает возможность для генерации новых смыслов. Перспективными для дальнейшего исследования представляются процессы функционирования окказионализмов, возникших в процессе деонимизации, и дисфемизации исторически коннотированной лексики в нарративе правого популизма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Болдырев Н. Н. Воздействующий потенциал медиатекста: когнитивный подход / Н. Н. Болдырев, Т. Н. Ефименко // Вопросы когнитивной лингвистики. 2025. № 3. С. 5–18.
2. Беляевская Е. Г. Стратегии формирования скрытых смыслов в медиадискурсе (на материале британской прессы) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 6 (777). С. 109–122.
3. Guseynova I. A. Un-Words as a Factor of Ideologization in the Modern German Political Discourse / I. A. Guseynova, A. I. Gorozhanov. Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. 2024. Vol. 23. № 4. P. 84–95. DOI 10.15688/jvolsu2.2024.4.7. EDN XMNCZX.
4. Голикова Т. А. Концептуальная модель антропонимической трансформации как динамичного лингвокреативного механизма современного политического дискурса // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2025. № 1. С. 90–98.
5. Чигашева М. А. Лексические новообразования в немецком политическом медиа-дискурсе // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 2. С. 186–191. EDN YORKLN.
6. Лапшина В. В. Метафора как средство конструирования имиджа политика (на материале австрийских печатных СМИ): дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
7. Peil D. Untersuchungen zur Staats- und Herrschaftsmetaphorik in literarischen Zeugnissen von Antike bis zur Gegenwart. München: Wilhelm Fink Verlag, 1983.

REFERENCES

1. Boldyrev, N. N., Efimenko, T. N. (2025). Influence-effecting potential of media texts: cognitive approach. Issues of Cognitive Linguistics, 3, 5–18. (In Russ.)
2. Beljaevskaja, E. G. (2017). Strategies of inducing hidden senses in mediadiscourse (based on the British press). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(777), 109–122. (In Russ.)
3. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2024). Un-Words as a Factor of Ideologization in the Modern German Political Discourse. Science Journal of Volgograd State University. Linguistics, 23(4), 84–95. DOI 10.15688/jvolsu2.2024.4.7.
4. Golikova, T. A. (2025). Conceptual Model of Anthroponymic Transformation as a Dynamic Linguocreative Mechanism of Modern Political Discourse. Vestnik of the Russian New University. Series: Chelovek v sovremennom mire, 1, 90–98. (In Russ.)
5. Chigasheva, M. A. (2017). Formation of New Lexical Units in German Political Media Discourse. Vestnik of Tver State University. Series: Philology, 2, 186–191. EDN YORKLN. (In Russ.)
6. Lapshina V. V. (2006). Metaphor as a means of constructing the image of a politician (based on the material of the Austrian print media): PhD thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
7. Peil D. (1983). Untersuchungen zur Staats- und Herrschaftsmetaphorik in literarischen Zeugnissen von Antike bis zur Gegenwart. München: Wilhelm Fink Verlag.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Клиновская Анна Анатольевна

кандидат филологических наук
доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

Стрельцова Валентина Викторовна

кандидат филологических наук
доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Klinovskaya Anna Anatolievna

PhD in Philology
Associate Professor at the Department of German Lexicology and Stylistics
Faculty of German Language
Moscow State Linguistic University

Streltsova Valentina Viktorovna

PhD in Philology
Associate Professor at the Department of German Lexicology and Stylistics
Faculty of German Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	12.12.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	17.01.2026	
принята к публикации	05.02.2026	

Фонетический портрет персонажа (на материале французского телеспектакля М. Камолетти «Служанка Анна»)

Е. А. Коголова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
koelena05@mail.ru*

Аннотация. Цель исследования – выявить фонетическую специфику говорящего на сегментном и супrasegmentном уровнях, которая будет служить маркером социального статуса, эмоционального состояния, проявления характера. Основными методами экспериментально-фонетического исследования являются фонетическое портретирование (перцептивный и аудиторский анализы) и последующая лингвистическая интерпретация полученных данных. В ходе анализа аутентичного материала пьесы М. Камолетти «Служанка Анна» рассмотрены выпадение звуков, ассимиляция, реализация связываний различного типа, изучены частотность дополнительного ударения, характер пауз, варьирование интонации. Результаты работы важны для формирования целостного представления о личности, корректировки речевого поведения и для создания яркого образа персонажа.

Ключевые слова: социофонетика, фоностилистика, фонетический портрет, сегментные характеристики, супrasegmentные характеристики, перцептивный анализ, аудиторский анализ, французский язык

Для цитирования: Коголова Е. А. Фонетический портрет персонажа (на материале французского телеспектакля М. Камолетти «Служанка Анна») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2 (908). С. 61–68.

Original article

Phonetic Portrait of a Character (based on the French TV Play by M. Camoletti “La Bonne Anna”)

Elena A. Kogalova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
koelena05@mail.ru*

Abstract. The purpose of the study is to identify the phonetic specificity of the speaker at the segmental and suprasegmental levels, that will serve as a marker of social status, emotional state and character manifestations. The main methods of experimental phonetic research are phonetic portrait (perceptual and auditor analysis) and subsequent linguistic interpretation of the obtained data. During the analysis of the authentic material of M. Camoletti's play “La bonne Anna,” the loss of sounds, assimilation and the realization of various types of connections were considered, as well as the frequency of additional stress, the nature of pauses and the variation of intonation. The results of the study are important for forming a holistic view of personality, the correction of speech behaviour as well as for the creation of a vivid image of the character.

Keywords: sociophonetics, phonostylistics, phonetic portrait, segmental characteristics, suprasegmental characteristics, perceptual analysis, auditor analysis, French language

For citation: Kogalova, E. A. (2026). Phonetic portrait of a character (based on the French TV play by M. Camoletti “La bonne Anna.” Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(908), 61–68. (In Russ.)

Введение

Современные исследования, рассматривающие произносительные характеристики речи действующих лиц, их интонационные и тембровые нюансы, формирующие индивидуальность каждого персонажа, ориентированы на расширение междисциплинарных связей между лингвистикой и театральным искусством.

Изучение речи в театральных постановках представляет значительный интерес для ученых, так как такой тип дискурса, будучи специфическим типом коммуникации, направленным на воздействие на зрителя, позволяет понять, как достигается коммуникативная цель и как фонетическое оформление речи помогает создать выразительный, уникальный образ.

Актуальность данного исследования определяется несколькими факторами, в частности:

- наблюдается растущий интерес к изучению индивида через фонетическое оформление его речи и выявление интенций адресата, его характера, социального происхождения, уровня образования, эмоционального состояния, настроения, что связано с новыми подходами к анализу языковой личности, взаимосвязи речевого и фонетического портретов, изучению причин речевого поведения с учетом различных характеристик личности (возрастных, гендерных, социальных, психологических, этнокультурных, лингвистических) [Бабушкина, 2012; Попова, 2021];
- усиливается потребность во всестороннем и глубоком анализе эволюции произношения в контексте развития языка с точки зрения фоностилистической организации звучащего текста, что подчеркивается комплексными исследованиями анализа речи говорящего [Rittaud-Hutinet, 1990; Léon, 1999; Blanche-Benveniste, 2004].

Исследование имеет теоретическую значимость, так как способствует более глубокому пониманию природы фонетического портрета как инструмента анализа для раскрытия глубины характера персонажа, а также обогащает лингвистические знания о связи языка, личности и социума, в целом уточняя и дополняя существующие теории о создании и интерпретации фонетического портрета индивида. Практическая ценность исследования заключается в том, что полученные данные могут быть использованы для выявления тенденций в фонетической системе современного французского языка, а также для уточнения взаимосвязи между проявлением параметров сегментного и супrasegmentного уровней и передачей образа персонажа, его статуса и эмоционального состояния.

Существующие научные работы в данной области ограничиваются в основном русскоязычным и англоязычным материалом исследования политического, масс-медиа и кинодискурса [Айрапетян, 2016] и заостряют внимание на отдельных фонетических явлениях, а не на комплексе параметров [Труфанова, 2004], в связи с чем данное исследование представляется новым и перспективным.

Материалом экспериментального анализа послужила пьеса М. Камолетти «Служанка Анна» («La bonne Anna»)¹, общей длительностью звучания 90 минут. Данная постановка – визитная карточка театра Комеди Франсез (Comédie Française), речь персонажей пьесы представляет целый спектр фонетических характеристик, которые являются маркерами социального и эмоционального состояния говорящего и раскрывают яркие образы.

Задачи настоящей работы следующие:

- выявить наиболее выразительные фонетические характеристики главного действующего лица телеспектакля – служанки Анны;
- провести корреляцию между выявленными фонетическими особенностями и чертами характера персонажа, его действиями, поведением, внутренним миром, социальным статусом;
- составить целостный фонетический портрет героини.

Для решения первой задачи применялся перцептивный метод анализа, что существенно важно, так как первичный слуховой анализ позволяет различать, классифицировать и оценивать те или иные явления для дальнейшей обработки.

Вторая задача решалась при помощи аудиторского метода исследования, в ходе которого анализируемый материал был предъявлен носителям языка.

В ходе решения третьей задачи мы обратились к методу лингвистической интерпретации данных, полученных в результате проведенных перцептивного и аудиторского анализов.

Фонетический портрет

Изучение портрета говорящего через описание фонетических особенностей речи человека остается важной задачей лингвистических исследований.

Первое впечатление о собеседнике, конечно, условное, но его речь может уже рассказать о неких особенностях и чертах его характера. То, как человек говорит, его манера общения, жесты, мимика составляют комплексный фонетический портрет, оказывающий воздействие на коммуниканта.

¹URL: m.vkvideo.ru/video-116640754_456239507?from=search (дата обращения: 11.11.2025).

Это влияние и восприятие может быть как положительным, так и отрицательным и складывается в частности из индивидуальных характеристик качества голоса говорящего, его эмоционального состояния, а также нормативности речи [Китайгородская, 1995; Бабушкина, 2012].

Еще в середине 60-х годов XX века М. В. Панов изучал фонетические портреты различных деятелей, основываясь на социальных характеристиках (возрасте, профессии, принадлежности к социальной прослойке) [Панов, 1990]. Эти портреты были направлены на описание индивидуальной манеры произношения конкретного человека, но в совокупности по ним можно судить и об отличительных чертах речи той или иной общественной среды.

Фонетические характеристики речи говорящего являются отражением его личностных характеристик, заключенных в его речевом портрете и включающих различные аспекты индивидуума – возрастные, гендерные, психологические, социальные, лингвистические [Бабушкина, 2012; Айрапетян, 2016; Попова, 2021].

Говоря о фонетическом портрете, не стоит забывать и об общей культуре устной речи: важно знать, в каких условиях может быть употреблена та или иная речевая форма, чтобы было оказано соответствующее воздействие на адресата и, таким образом, обеспечивался бы наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач [Введенская, 2012]. Сегментный и просодический уровни языка активно принимают участие в вербальной коммуникации, по отличительным чертам на этих уровнях можно многое сказать о собеседнике [Иванова-Лукиянова, 1998]. При этом следует соблюдать в произношении единообразие, так как фонематические ошибки будут явно нарушать смысл, но и фонетические ошибки также могут отвлекать от содержания высказывания. Цель коммуникации – это достижение взаимопонимания, и фонетическая составляющая несет в этом плане значительную нагрузку, так как говорящему необходимо найти наиболее эффективную форму общения, чтобы быть правильно воспринятым и понятым.

Стили произношения и их основные характеристики

Следуя за классификацией, предложенной французским лингвистом П. Леоном, укажем кратко некоторые специфические черты трех стилей произношения – высокого (*recherché*), нейтрального (*moyen*) и разговорного (*familier*) [Léon, 1999].

Высокому стилю произношения свойственны два момента – необходимость в ясности произношения и в достаточной экспрессивности. На

сегментном уровне отмечается четкое произнесение всех звуков, как в ударной, так и безударной позиции, сохранение оппозиций гласных двойного тембра, усиление согласных, отсутствие выпадения звуков и, соответственно, ассимиляции, сохранение связываний любого типа. Просодический уровень характеризуется достаточно нейтральной интонацией, с одной стороны, и в то же время возможной заменой одних интонационных контуров на противоположные, с другой – делает речь более яркой и запоминающейся. Наличие логического дополнительного ударения, стилистических и экспрессивных пауз, размеренного темпа речи присущи этому формальному стилю.

Нейтральный произносительный стиль имеет также достаточно ясное произношение, но в большей степени это относится к сильной позиции, то есть ударному слогу. Гласные двойного тембра имеют тенденцию к нейтрализации звука, допускаются выпадения гласных и согласных звуков в незначительном количестве, появляются ассимиляции, отмечается отсутствие факультативного связывания. Интонация не выходит за рамки стандартных интонаций незавершенности и завершенности, к логическим ударениям добавляются эмоциональные, появляются в небольшом количестве паузы колебания, темп речи становится более разнообразным в зависимости от информации [Malmberg, 2000].

Разговорный стиль произношения характеризуется краткостью и экспрессивностью. Краткость выражается прежде всего на сегментном уровне, через большое количество выпадений гласных и согласных звуков и даже целых слогов, что ведет к чрезмерной гармонизации и ассимиляции звуков, а также отсутствию факультативных и даже обязательных связываний. Такое количество эллипсисов связано и с большой скоростью речи [Rittaud-Hutinet, 1990]. В этом стиле отмечается экспрессивная интонационная составляющая при множестве дополнительных ударений эмоционального характера. Хезитационные паузы преобладают над стилистическими, и их типы достаточно разнообразны (заполняющие элементы, удлинение конечного звука, повтор слогов, частей слов и целых слов, ложные начала, самоперебивы и исправления) [Blanche-Benveniste, 2004].

Фонетическое исследование: цель, методы, экспериментальный корпус

Целью проводимого экспериментально-фонетического исследования было выявить сегментные и супraseгментные особенности звучащей речи главного персонажа телеспектакля и на основании наиболее ярких характеристик составить его фонетический портрет.

Основным методом обработки экспериментального материала стал перцептивный метод, дополненный аудиторским анализом, в котором принимали участие носители-франкофоны – преподаватели французского языка (n=3). Благодаря соединению этих методов и осуществлению лингвистической интерпретации полученных результатов были реализованы задачи исследования.

Экспериментальный корпус представлен пьесой М. Камолетти «Служанка Анна» («La bonne Anna»), поставленной Ж. Фольгоа на сцене театра *Комеди Франсез* (Comédie Française).

Этот спектакль – типичная комедия положений с динамичным смешным сюжетом и неожиданными поворотами событий. Постановка смотрится на одном дыхании благодаря игре актеров, которые смогли воплотить на сцене пять совершенно разных образов.

Действие происходит в середине XX века. Главный персонаж Анна (в исполнении Марты Меркадьё – Marthe Mercadier) – немолодая служанка скромного происхождения, простоватая на вид, однако совсем неглупая, с бурной фантазией, помогающей ей сохранить семью, в которой она работает. У Анны очень необычный внешний вид, а свою речь она сопровождает таким разнообразием мимики и жестов, которые зачастую говорят больше, чем лексическое оформление.

Хозяин Анны Бернар (Анри Гибе – Henri Guynet) – умный и талантливый мужчина, но свои организаторские способности тратит только на то, чтобы провести время с любовницей в своем доме. Он отправляет жену навестить родителей, сообщая ей, в свою очередь, что будет по делам в отъезде.

Жаклин (Иоланда Фоллио – Yolande Folliot), супруга Бернара, эффектная француженка, решает пригласить к себе домой милого друга Робера, думая, что муж в командировке.

Робер (Патрик Гиллемин – Patrick Guillemin), любовник Жаклин, не очень решителен, все время переживает, что пришел к ней, а не повел ее к себе.

Брижит (Кати Кригель – Kathie Kriegel) – колоритная, но глуповатая блондинка, подруга Бернара, желающая во что бы то ни стало заполучить его в мужья.

Результаты исследования

Анна – самый яркий персонаж пьесы, ее речь играет важную роль в раскрытии внутреннего мира, а индивидуальные черты проявляются в особенностях произношения и интонации.

С фонетической точки зрения речь Анны можно отнести к разговорному стилю произношения, что отражается:

- в частотности эллипсиса гласных и согласных звуков (*l(e) moment d'aller s(e) coucher, quand on a soif on boit c(e) qu'on aime, dans la cham(bre) d(e) vot(re) soeur, v(ou)s avez rencontré votre ami d'enfance dans vot(re) mag(a)sin, dans celui des aut(res), comme l'aut(re) est parti, v(ou)s avez pris l(e) vôt(re), alo(rs) j(e) vais voi(r), v(ous) déb(a)rrassez, c'(est) fait, m(ais) enfin, (e)xact, v(o)i là, v(ous) m'avez dit, p(eu)t-êt(re), c'(est) comme ça, s(i) v(ous) voulez, b(i)en, on (n')a pas beaucoup parlé, je regardais m(on)sieur*), что свидетельствует как о быстром темпе речи, так и о том, что героиня нервничает, так как ей постоянно приходится выдумывать различные истории, чтобы они казались правдоподобными;

- в непроизнесении большого количества [ə] беглого, что часто ведет к ассимиляции (*j(e) sais, j(e) commence, j(e) (ne) connais plus personne, elle est partie tout d(e) suite, j(e) fais, j(e) comprends, on voulait s(e) débarrasser de moi*) или геминации (*i(l) (n')y a pas d(e) danger, avec vot(re) dame, un coup d(e) téléphone*), что говорит о том, что Анна всегда торопится озвучить свои мысли, чтобы выпутаться из той или иной неловкой ситуации;

- в удлинении конечных гласных звуков как следствие пауз колебания, когда героине требуется время обдумать, придумать и сформулировать мысль (*mais non pour les vendre dans le sien, ah c'est vous, elle est géniale, la chambre à coucher, il faut aller pour les acheter, elle est partie après, à cause de la décoration, mais oui, à vous, toute la maison partirait avec*);

- в нечеткости произнесения оппозиций гласных звуков и, соответственно, наличии гармонизации (*j'ai connu, communication, j'ai déjà donné*);

- в отсутствии факультативного и обязательного связывания (*il sera plus # à l'aise, elle est # allée au magasin, je vais # y aller, de plus # en plus vous # attendez*), что можно связать с ее низким социальным происхождением или отсутствием образования.

На просодическом уровне очень частотны эмоциональные дополнительные ударения (*elle me rappelle "terriblement ma mère, il va être "furieux, je suis "contente, "absolument, "impossible*) – это один из ярких способов передачи эмоциональной окраски; любые эмоции героини сопровождаются реализацией такого ударения, но также ее речь отличают и логические дополнительные ударения, когда она хочет быть убедительной, а также по мере возможностей повлиять на ход событий:

j'ai "compris, il faut être "idiote pour sauter dans le train, si elle "apprenait que je laisse "entrer une "étrangère "ici la nuit, "tout le quartier en parle, La "voisine c'est la locataire du "dessus, "lui c'est le locataire du "dessous, je ne "proteste pas.

Таблица 1

Сегментные характеристики речи Анны

Аудитор	Фонетические явления			
	Выпадение звуков	Гармонизация	Ассимиляция	Отсутствие связывания
1	+++	++	++	++
2	+++	+	+++	++
3	++	+	++	+

Таблица 2

Супraseгментные характеристики речи Анны

Аудитор	Просодические явления		
	Разнообразная интонация	Реализация пауз колебания	Наличие дополнительного ударения
1	+++	++	+++
2	+++	+++	+++
3	+++	+	+++

Часто дополнительные ударения сопровождаются замедлением темпа речи, а также скандированием слов:

Je – suis – sa – "tech – ni – cienne – "d'es – pace;
La – soeur – de – mon – "pa – tron;
"Com – plète – ment –

или произнесением фразы с паузацией между ритмическими группами:

Ah oui, | j'ai "compris | comme l'autre | est "parti | vous avez "renoncé | à "aller | à la "Ferté | pour revenir | "ici | avec "celui-là; Mais si "madame | est encore "mademoiselle | "alors | qu'est-ce qui se "passe | avec "votre dame?; "Ça | c'est "l'amant | d'une "femme | "mariée.

Хезитационным паузам свойственно не только удлинение конечных гласных звуков, но и заполнение слогами слов, а также односложными грамматическими словами и заполняющими словами (*bah, voilà, et bien, alors, donc, bon*), что дает возможность персонажу продумать логику высказывания.

Интонационный рисунок речи Анны разнообразен, но превалируют интонации импликации, и, соответственно, нюансы воспринимаются собеседниками по-разному, что создает еще и комический эффект:

Ah c'est vous? Bah pourquoi pas? Mais elle est géniale!
Ah, c'est bien ce que j'ai pensé! C'est mieux comme ça, sinon ça risque à me donner des idées.

Многие фразы произносятся либо с пониженной интонацией (на уровне «0»), либо с завышенной (на уровне «5»):

Quel peintre?↓ Ah, le peintre!↑ Quel plombier?↓ Ah, le plombier!↑ Encore!↑ C'est bien vous!↑ Du tout!↑ Des idées fausses,↓ sûrement!↓ On répond pas!↑ Ah non!↑ On va pas commencer le déménagement à cette heure-ci.↑

Анна умеет менять тембр голоса в зависимости от того, с кем она говорит и что придумывает: то она произносит мягко, плавно, спокойно и вежливо, то становится более резкой и требовательной – эта фонетическая характеристика показывает ее нам как замечательную актрису.

Перцептивный анализ экспериментального материала сопровождался аудиторским методом исследования, в котором приняли участие преподаватели – носители французского языка ($n = 3$).

В таблицах ниже представлены наиболее яркие явления на сегментном и просодическом уровнях при помощи шкалы измерения¹ (от незначительного количества встречаемых феноменов до наибольшего их проявления в речи персонажа), которые отметили аудиторы (см. табл. 1–2).

Аудиторы связали определенные фонетические особенности с чертами характера персонажа, его поведением, внутренним миром (см. табл. 3, с. 65).

¹ + незначительное количество; ++ среднее количество; +++ большое количество

Взаимосвязь проявления характера и поведения с фонетическими явлениями

Фонетические характеристики	Отражение характера, поведения
Эллипсис звуков	<ul style="list-style-type: none"> • торопливость • нервозность • простота в общении • любит много поговорить
Ассимиляция	<ul style="list-style-type: none"> • беспечность
Удлинение конечной гласной	<ul style="list-style-type: none"> • чувственность • ирония
Реализация пауз колебания	<ul style="list-style-type: none"> • удивление
Заполнения пауз повторяющимися элементами	<ul style="list-style-type: none"> • богатая фантазия
Краткие стилистические паузы	<ul style="list-style-type: none"> • быстрая адаптация к ситуации
Употребление дополнительного эмоционального ударения	<ul style="list-style-type: none"> • эмоциональность
Употребление дополнительного логического ударения	<ul style="list-style-type: none"> • уверенность в себе • решимость
Реализация интонации импликации	<ul style="list-style-type: none"> • хитрость
Реализация противоположных интонаций	<ul style="list-style-type: none"> • чувство юмора
Повышение тона	<ul style="list-style-type: none"> • надуманное восхищение чем-либо
Замедление темпа речи	<ul style="list-style-type: none"> • доброта • рассудительность
Быстрая смена интонационных контуров и темпа речи	<ul style="list-style-type: none"> • актерское мастерство

Таким образом, можно утверждать, что фонетические характеристики речи анализируемого персонажа являются отражением его внутреннего мира. Они указывают на низкое социальное положение Анны, а также происхождение (она не имеет образования и происходит из простой деревенской семьи). Ее речь неформальна, она отличается простотой, естественностью и относится к разговорному стилю произношения. Анна любит поговорить, у нее много идей и мыслей, которые надо высказать за минимальное количество времени, поэтому торопясь, она опускает многие звуки.

Анна представлена энергичной и эмоциональной героиней, в то же время она постоянно находится в напряжении, не зная, что можно ожидать от следующей встречи с остальными участниками действия, но старается сохранять спокойствие в сложных ситуациях. В моменты эмоционального напряжения ее речь становится более быстрой и нервной, что подчеркивает внутренние переживания, а изменение интонационных контуров отражает ее реакции. Анна не боится показывать свои чувства – радость, удивление, сарказм, гнев, подозрение. Она быстро приспосабливается к ситуации, чтобы помочь своим хозяевам. Разнообразие жестов и мимики делает этого персонажа особенно запоминающимся.

Заключение

Особенности произношения и интонации могут служить маркерами социального статуса,

национальной принадлежности или психологического состояния.

Различные элементы – произношение, интонационные модели, тембр, паузация, ритм – помогают зрителю лучше понять внутренний мир персонажа и его роль в том или ином художественном произведении. Это важные инструменты, используемые актерами для создания образа действующего лица, отражения переживаний и реакций.

Исследование фонетической стороны речи выявляет произносительные тенденции в языке, а также способствует более глубокому анализу авторского стиля и языковых особенностей эпохи, добавляет новые грани к пониманию произведения.

Настоящий анализ помог определить уникальные черты речи главного героя, установить связь между фонетикой и социальным статусом, понять, как фонетические феномены раскрывают особенности его характера и поведения.

Полученные результаты дополняют современные социолингвистические и фоностилистические исследования в целом и во французском языке, в частности.

Перспектива подобных исследований видится как в анализе изменений в произношении в контексте эпохи и, соответственно, передаче конкретного образа через его фонетические характеристики, так и в возможной разработке рекомендаций для актерской игры, так как большое значение в области актерского мастерства имеет развитие навыков использования голоса для создания уникального образа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бабушкина Е. А. Речевой портрет личности: фонетические характеристики // Вестник Бурятского Государственного Университета. Языкознание и литературоведение. 2012. Вып. 11. С. 7–11.
2. Попова М. В. Влияние иноязычного акцента на формирование социального портрета говорящего (экспериментально-фонетическое исследование на материале русского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук. М., 2021.
3. Rittaud-Hutinet Ch. Pour une approche stylistique de l'oral en français. P.: Hachette, 1990.
4. Léon P.-R. Précis de phonostylistique: Parole et expressivité. P.: Nathan Université, 1999.
5. Blanche-Benveniste C. Approches de la langue parlée en français. P.: Ophrys, 2004.
6. Айрапетян А. Г. Фонетические средства как часть социокультурного портрета говорящего / А. Г. Айрапетян, А. А. Гордеева // Молодой ученый. 2016. Вып. 7 (111). С. 1122–1126.
7. Труфанова В. Я. Речевой портрет говорящего на фоне интонационной системы языка // Вопросы русского языкознания. Вып. XI. Аспекты изучения звучащей речи: сб. науч. ст. к юбилею Елены Андреевны Брызгуновой. 2004. С. 197–213.
8. Китайгородская М. В. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. М.: Просвещение, 1995.
9. Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М.: Наука, 1990.
10. Введенская Л. А. Риторика и культура речи / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова. Ростов-на-Дону: Феникс, 2012.
11. Иванова-Лукиянова Г. Н. Культура устной речи: интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм. М.: Флинта : Наука, 1998.
12. Malmberg B. La phonétique. P.: Presses Universitaires de France, 2000.

REFERENCES

1. Babushkina, E. A. (2012). Speech portrait: phonetic characteristics. Bulletin of Buryat State University. Linguistics and literary studies, 11, 7–11. (In Russ.)
2. Léon, P.-R. (1999). Précis de phonostylistique: Parole et expressivité. P.: Nathan Université.
3. Popova, M.V. (2021). The influence of a foreign accent on the formation of a speaker's social portrait (experimental phonetic study of Russian and German languages): PhD thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
4. Rittaud-Hutinet, Ch. (1990). Pour une approche stylistique de l'oral en français. P.: Hachette.
5. Blanche-Benveniste, C. (2004). Approches de la langue parlée en français. P.: Ophrys.
6. Airapetyan, A.G., Gordeeva, A.A. (2016). Foneticheskie sredstva kak chast sotsiokulturnogo portreta govoryashchego = Phonetic means as part of the speaker's sociocultural portrait. Molodoj uchenyj, 7(111), 1122–1126. (In Russ.)
7. Trufanova, V.Ja. (2004). Rechevoj portret govoryashchego na fone intonacionnoj sistemy jazyka = Speaker's speech portrait in the context of the language's intonation system. Voprosy russkogo jazykoznanija. Aspekty izuchenija zvuchashhej rechi, XI, 197–213. (In Russ.)
8. Kitaigorodskaya, M. V., Rozanova, N. N. (1995). Russkii rechevoj portret. Fonokhrestomatiya = Russian speech portrait. Moscow: Prosveshhenie. (In Russ.)
9. Panov, M. V. (1990). Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII-XX vv. = History of Russian Literary Pronunciation in the XVIII–XX centuries. Moscow: Nauka. (In Russ.)
10. Vvedenskaya, L. A., Pavlova, L. G. (2012). Ritorika i kultura rechi = Rhetoric and speech culture. Rostov-na-Donu: Feniks. (In Russ.)
11. Ivanova-Lukyanova, G. N. (1998). Kultura ustnoi rechi: intonatsiya, pauzirovanie, logicheskoe udarenie, temp, ritm = Oral speech culture: intonation, pause, logical stress, tempo, rhythm. Moscow: Flinta : Nauka. (In Russ.)
12. Malmberg, B. (2000). La phonétique. P.: Presses Universitaires de France.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Когалова Елена Александровна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка
факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kogalova Elena Alexandrovna

PhD in Philology, Associate Professor

Associate Professor at the Department of Phonetics and Grammar of the French Language

Faculty of the French Language

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	12.12.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	17.01.2026	
принята к публикации	05.02.2026	

Фразеологические единицы как носители культурной информации (на материале англоязычных журналов «Esquire», «The Atlantic», «Scientific American», «Time»)

Ю. Г. Кузнецова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
kuznetsova444@yandex.ru

Аннотация. Статья рассматривает фразеологические единицы как носителей культурной информации в англоязычной журналистике на материале журналов «The Atlantic», «Time», «Scientific American», «Esquire». В работе описаны корпус и процедура отбора, изучены семантические сцены («third rail», «elephant in the room», «canary in the coal mine», «holy grail», «piece of the pie», «raise the bar»), их жанровая закрепленность и вариативность. Особое внимание уделено межжанровой циркуляции и деривации формул. Цель – выявить типовые культурные сценарии и задать рекомендации по эквивалентной передаче смысла. Применены сплошная выборка, компонентный и прагматический анализ, сопоставление частот и жанров. В заключении представлены результаты типологизации, различия между изданиями и набор практических переводческих решений.

Ключевые слова: фразеологизм, культурная семиотика, англоязычная журналистика, политическая метафора, прагматика, переводческая эквивалентность

Для цитирования: Кузнецова Ю. Г. Фразеологические единицы как носители культурной информации (на материале англоязычных журналов «Esquire», «The Atlantic», «Scientific American», «Time») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2 (908). С. 69–75.

Original article

Phraseological Units as Cultural Information Carriers (based on the English-language magazines “Esquire”, “The Atlantic”, “Scientific American”, “Time”)

Yulia G. Kuznetsova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
kuznetsova444@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to phraseological units as cultural information carriers in English-language journalism based on the material of “The Atlantic,” “Time,” “Scientific American,” “Esquire” magazines. The paper describes the corpus and the selection procedure, studies semantic scenes (“third rail”, “elephant in the room”, “canary in the coal mine”, “holy grail”, “piece of the pie”, “raise the bar”), their genre fixation and variability. Particular attention is paid to intergenre circulation and derivation of formulas. The goal is to identify typical cultural scenarios and provide recommendations for equivalent transfer of meaning. Continuous sampling, component and pragmatic analysis, comparison of frequencies and genres are used. The conclusion describes the results of typology, differences between publications and a set of practical translation solutions.

Keywords: phraseological unit, cultural semiotics, English-language journalism, political metaphor, pragmatics, translation equivalence

For citation: Kuznetsova, Y. G. (2026). Phraseological units as cultural information carriers (based on the English-language magazines “Esquire,” “The Atlantic,” “Scientific American,” “Time”). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2(908), 68–74. (In Russ.)

Введение

Фразеологические формулы в современной журналистике служат короткими «сценами», сжимающими сложные темы до легко распознаваемых образов. Публицистика англоязычных журналов опирается на такие сцены при обсуждении политики, науки, экономики, культуры, задавая читателю путь интерпретации без громоздкой терминологии. Научное описание этого механизма требует увязки источников образности с жанром и функцией высказывания, сопоставления между изданиями и проверки переводческой переносимости.

Актуальность настоящего исследования определяется возросшим в последние годы интересом к медиадискурсу как каналу конструирования коллективных интерпретаций политических, научных и социально-культурных сюжетов через устойчивые образы.

Теоретико-методическая база формировалась из профильных исследований. Е. В. Абазовик, А. В. Лядова анализируют функционирование фразеологии в научном регистре образования – положения использованы для разграничения терминосферы и публицистической образности [Абазовик, 2016].

Ц. Ван дает рамку для корреляционного описания типологических связей, что применено при увязке домена-донора и жанра [Ван, 2021].

Л. Л. Григорьева, А. О. Панфилова, А. А. Гильманова рассматривают безэквивалентную фразеологию; на основании этих выводов сформулированы критерии переводческой глоссы [Григорьева, 2023].

А. Б. Кабанова, А. Ю. Кишенова трактуют фразеологизмы как источник культурно-национальной информации – положения использованы при выделении культурных сценариев [Кабанова, 2020].

О. В. Ковенева описывает коннотацию и ее роль в переводе; подход применен для оценки эмоциональной «надстройки» формул типа *raise the bar* и *holy grail* [Ковенева, 2008].

О. П. Минаева изучает функционирование фразеологии в массмедиа; выводы легли в основу жанрового разнесения коротких репортажных вставок и колонок мнений [Минаева, 2022].

Ю. В. Петрунина, А. А. Дроздова, М. Г. Михайлова рассматривают социокультурную нагрузку

фразеологизмов; на базе их модели описана передача общественных установок через формулы распределения и табу [Петрунина, 2021].

А. Г. Шильнов, Д. Миллер, П. Дж. Митчелл, В. М. Смокотин сопоставляют учебные наборы с аутентичными источниками; их результаты использованы для пояснения различий между учебной нормой и живой журналистской практикой [Шильнов, 2020].

Актуальность исследования поддерживается и тем, что редакторская и переводческая практика регулярно сталкивается с идиомами, которые задают рамку восприятия, но редко описываются в систематизированном виде. Перспективным представляется развитие типологии таких фразеологических единиц с опорой на корпус журнальной публицистики и ее переводов, которая создаст базу для прикладных решений в медиалингвистике и переводоведении. Перспективным направлением видится расширение сопоставления за пределы выбранных журналов с вовлечением новых площадок и смешанных жанровых форм цифровой журналистики.

Последние годы принесли методические сдвиги: исследовательские корпуса расширяются за счет онлайн-архивов, закрепилось прагмасемантическое профилирование, развивается переводоведческое описание идиом с учетом жанра. Эти практики открывают доступ к сопоставлению журналистских площадок и к картированию доменов-доноров образности – политики, науки, индустриальной истории, повседневных метафор еды и спорта.

При этом отечественная литература о фразеологии медиа редко сводит воедино жанровое распределение сцен, динамику дериваций и переводные риски на материале конкретных журналов. Исследования нередко фиксируют единичные примеры, тогда как межжурнальные сравнения и оценка переносимости смысла в русскоязычный текст описаны точечно. Недостает карт, показывающих, какие сцены устойчиво задают повестку и где возникают семантические потери при калькировании.

Предлагаемая работа закрывает указанные лакуны: представлена репрезентативная выборка по четырем изданиям, выполнено профилирование функций по жанрам, составлена типология сцен и их производных, сформулированы рабочие

правила перевода с разграничением кальки и глоссы. Такой набор шагов дает читателю проверяемую схему анализа, пригодную для редакторской практики, учебных материалов и дальнейших сопоставлений с иными медийными полями.

В исследовании поставлены задачи:

- описать корпус и процедуру отбора, зафиксировать временные рамки и тематические поля четырех журналов;
- построить типологию культурных доменов-доноров и их прагматических функций с учетом жанровой позиции и вариативности формы;
- вывести переводческие рекомендации с разграничением кальки и глоссы, ориентируясь на устойчивость модели и риски семантических потерь.

Новизна исследования связана с объединением межжанрового сопоставления и прагматического описания функций формул в конкретных изданиях; дополнительно предложены критерии переводческой стратегии для русскоязычного академического и медийного текста. Новизна выражена в сопоставлении доменов-доноров образности и их прагматических функций в разных изданиях с уточнением переводческих решений для русскоязычной научно-публицистической среды.

Материалы и методы

Под корпусом в работе понимается специально сформированный авторский массив журнальных текстов в электронном виде, извлеченных из онлайн-архивов и организованных по единым лингвистическим параметрам. Массив структурирован по принципам корпусной лингвистики: каждый текст снабжен разметкой по дате публикации, рубрике, жанру, тематическому блоку, а также по наличию и типу фразеологических формул. Такое понимание термина «корпус» соотносится не с конкретной программной платформой, а с исследовательским массивом, построенным по стабильным правилам отбора и разметки.

Материал корпуса:

- «The Atlantic» (политическая публицистика, 2010–2025),
- «Time» (социально-политические тексты, 1997–2024),
- «Scientific American» (научная журналистика, 2003–2020),
- «Esquire» (культура и политика, 2014–2024).

Отбор проводился по сплошному чтению тематических разделов с фиксацией устойчивых выражений, их локального окружения, жанровой позиции, дериваций и цитат.

Методологическая процедура включает: сплошную выборку по четырем журналам; компонентный и семантический анализ опорной сцены фразеологизма; прагматическое профилирование функции (сигнал табу, маркировка скрываемой темы, раннее предупреждение, гиперболизация научной цели, распределение благ, ужесточение стандарта); межжанровое сопоставление внутри каждого издания; сравнение частоты и дериваций; проверку переводческой переносимости с разграничением кальки и краткой глоссы. Применены сравнительный метод, анализ источников, элементы корпусного поиска по внутренним навигационным средствам сайтов журналов, тематическое кодирование примеров.

Результаты и обсуждение

Выборка сформирована из публицистики англоязычных журналов, где обнаружены устойчивые выражения, выполняющие функцию носителей культурной информации:

- «The Atlantic» (политическая публицистика, 2010–2025),
- «Time» (социально-политические тексты, 1997–2024),
- «Scientific American» (научная журналистика, 2003–2020),
- «Esquire» (культура и политика, 2014–2024).

Для анализа зафиксированы типовые формулы, их тематические источники, прагматика и вариативность формы.

Формулы политического табу маркируются электротехнической метафорой *third rail*. В «The Atlantic» выражение описывает темы, к которым нежелательно прикасаться:

This automatic spending by so-called entitlement programs eludes the discipline of being regularly voted on, dwarfs old-fashioned pork in magnitude, and is so hard to restrain that it's often called the "third rail" of politics¹ («социальное обеспечение ... часто называют «третьим рельсом» политики).

Публикация связывает устойчивость формулы с высокой электоральной ценой обсуждения пенсий, что придает выражению статус маркера коллективных границ допустимого. Фиксация наблюдается в разных годах и жанрах, включая обзор новостей 2025 года и аналитический очерк 2016 года, что подтверждает стабильность модели.

¹Rauch J. How American Politics Went Insane // The Atlantic. 2016. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/07/how-american-politics-went-insane/485570/> (дата обращения: 01.09.2025).

Журнальная риторика регулярно материализует «непроизнесенное» через зоометафору *the elephant in the room*. В политических обзорах и репортажах «Time» и «The Atlantic» формула используется для выставления на первый план того, о чем собеседники уклоняются говорить:

Race is the elephant in the room of the 2008 campaign¹.

Dabi described debt – both a country's existing national debt and climate finance taking the form of new debt – as the elephant in the room at COP².

Семантика прозрачно считывается русским читателем через кальку «слон в комнате», это обеспечивает переводческую эквивалентность при сохранении прагматики намека и давления факта. Вариативность формы поддерживает игру с ожиданиями, например: *the elephant not in the room* в репортаже о дебатах, либо перефраз *philosophical elephant in the room* в религиозно-политической колонке.

Экологическая и риск-коммуникация в «Time» и «The Atlantic» опирается на историко-профессиональную метафору раннего предупреждения *canary in the coal mine*. В хронике 2018–2024 годов формула применена как сигнальный ярлык для ранних симптомов – от дезинформации и климатических угроз до политических трендов:

It may be comforting to believe that 2020 was a black swan, the kind of year we're unlikely to see again in our lifetime. More likely, it was a canary in the coal mine, an early warning that we've entered the age of extremes. Our political leaders should be equipped for the challenge³.

Длина формулы, стабильная композиция и узнаваемая культурная сцена (шахта, птица-детектор) обеспечивают мгновенную интерпретацию без дополнительных пояснений.

Научная журналистика предпочитает религиозно-культурный образ цели, недостижимой либо предельно ценной, – *holy grail*. В «Scientific American» формула задает тон публикациям разного профиля – от интервью теоретиков физики:

The Holy Grail for many of today's theoretical physicists is a complete quantum mechanical theory of gravity – useful for understanding the behavior of black holes, big bangs, and whole universes⁴.

до новостей биомедицины:

Auditory neuroscientists considered finding the protein at the heart of the transduction process the field's "holy grail"⁵.

и палеонтологии:

This is one of those 'holy grail' discoveries that we've long needed to answer a list of questions about early pterosaur biology⁶.

В каждом случае наблюдается одинаковая риторическая функция – гиперболизация значимости открытия и ориентация читателя на сверхзадачу науки; культурная память об артуровском мифе стабилизирует эмоциональный эффект.

Экономическая и социальная проблематика в «Esquire» и «Time» регулярно кодируется пищевой метафорой распределения благ *piece of the pie*. Формула обслуживает дискурсы справедливости и доступа к ресурсам:

...all they had to do was promise the masses a piece of the pie, and they themselves could have the whole world⁷.

Our society will also have to make some changes on the front side, taking on the massive firms some of these guys control using antitrust statutes and building their workers' ability to take a bigger piece of the pie through union membership and, ideally, worker presence on corporate boards⁸.

⁴Minkel J.R. Strung Out on the Universe: Interview with Raphael Bousso // Scientific American. 2003. URL: <https://www.scientificamerican.com/article/strung-out-on-the-univers/> (дата обращения: 01.09.2025).

⁵Denworth L. A 40-Year Quest Uncovers Hearing's "Holy Grail" Protein // Scientific American. 2018. URL: <https://www.scientificamerican.com/article/a-40-year-quest-uncovers-hearings-holy-grail-protein/> (дата обращения: 30.08.2025).

⁶Pickrell J. Footprint Find Could Be a "Holy Grail" of Pterosaur Research // Scientific American. 2020. URL: <https://www.scientificamerican.com/article/footprint-find-could-be-a-holy-grail-of-pterosaur-research/> (дата обращения: 03.09.2025).

⁷Holmes J. Biden's State of the Union – and His Economic Policy – Have Echoed the Only Good Things Trump Said in 2016 // Esquire. 2023. URL: <https://www.esquire.com/news-politics/a42800337/biden-state-of-the-union-trump-economics/> (дата обращения: 01.09.2025).

⁸Holmes J. America's Oligarchs Are Operating in Financial Disneyland // Esquire. 2021. URL: <https://www.esquire.com/news-politics/a36660515/super-rich-taxes-jeff-bezos-warren-bueffet-propublica-report/> (дата обращения: 29.08.2025).

¹Grunwald M. For Obama, Race Remains Elephant in the Room // Time. 2008. URL: <https://time.com/archive/6913386/for-obama-race-remains-elephant-in-the-room/> (дата обращения: 02.09.2025).

²Schlanger Z. Climate Diplomacy's \$300 Billion Failure, 2024. URL: <https://www.theatlantic.com/science/archive/2024/11/cop-climate-baku-outcome-finance/680789/> (дата обращения: 30.08.2025).

³Klinenberg E. You Really Are Better Now Than You Were Four Years Ago // Time. 2024. URL: <https://time.com/6959714/covid-19-pandemic-2020-election/> (дата обращения: 03.09.2025).

How sad that women still must sit across desks from men who hold the keys to the kingdom, begging for a bigger piece of the pie¹.

Устойчивая сцена «общего пирога» воспроизводит американскую установку на справедливое участие в процветании, где предметная область – налоги, труд, культурные индустрии.

Нормативная эскалация требований маркируется спортивно-измерительной формулой *raise the bar*. В «Time» выражение употребляется как оценка ужесточения стандартов – от медицинского образования до военной политики и корпоративной филантропии:

I think that's the most efficient thing to do. I think that way, essentially, you raise the bar².

Requiring a declaration of war – as the founders intended – would push the nation toward fully resourcing a conflict. That would raise the bar, resulting in fewer wars with better outcomes³.

In Philadelphia this week Colin Powell and his congregation of Presidents are embarked on a well-publicized effort to turn corporate responsibility into a duty. His summit on volunteerism will raise the bar for what passes as a socially responsible corporation⁴.

Метонимическая «планка» переводится без потери коннотаций и часто закрепляет позицию автора как призыв к повышению критериев [Ковенева, 2008].

Парадигма устойчивых выражений допускает продуктивную деривацию и каламбуры без разрушения опорной сцены. В заголовочной позиции у «Esquire» встречается вариативность, где добавочное действие «показать дверь» накладывает интенцию «вытеснения» скрываемой темы, сохраняя базовую схему «нежелательного присутствия»:

Fetterman's Debate Performance Showed the Door to the Elephant in the Room⁵.

¹Westenfeld A. We're Long Overdue For a Best Picture Winner Like Little Women // Esquire. 2020. URL: <https://www.esquire.com/entertainment/movies/a30705046/little-women-should-win-best-picture-oscar-academy-awards-2020/> (дата обращения: 02.09.2025).

²Blue L. Better Bedside Manners // Time. URL: <https://time.com/archive/6932160/better-bedside-manners/> (дата обращения: 01.09.2025).

³Thompson M. Why the U.S. Military Isn't Winning // Time. 2015. URL: <https://time.com/4058520/american-military-losing-wars/> (дата обращения: 03.09.2025).

⁴Kadlec D. The New World of Giving // Time. 1997. URL: <https://time.com/archive/6730728/the-new-world-of-giving/> (дата обращения: 01.09.2025).

⁵Pierce C. P. Fetterman's Debate Performance Showed the Door to the Elephant in the Room // Esquire. 2022. URL: <https://www.esquire.com/news-politics/politics/a41780485/fetterman-oz-debate/> (дата обращения: 30.08.2025).

Аналогично «Time» разыгрывает метку партии в инвертированной формуле – для рамки политического комментария:

We were going to be engaged in telling stories to spark conversations that we simply must be having. The idea was to address the red elephant in the room⁶.

Эти преобразования работают благодаря высокой частоте исходной модели и ее культурной закреплённости.

В научно-популярном регистре фиксируется устойчивое совмещение формул с техническими терминами, что смягчает сложность темы и снижает когнитивный барьер: *holy grail of a unified theory*⁷ в материале о квантовой гравитации соседствует с обсуждением *It from Qubit*, задавая читателю эмоциональный вектор «поиска, достойного рыцаря», при этом поддерживая научную корректность. Перенос сакральной матрицы в рациональную область повышает внимание к проекту и формирует ожидание «финала квеста».

Для переводческого решения полезны метаязыковые справки из *Reader's Digest*, где систематизированы происхождения базовых идиом. Материал о спортивных выражениях конденсирует культурный источник американской разговорной формулы (бейсбол, бокс, бег), что поддерживает адекватный выбор эквивалентов при переносе в русскую научно-публицистическую среду. Обзоры происхождений *let the cat out of the bag* и *dime a dozen* уточняют семантические границы: первое – неумышленного раскрытия секрета, второе – обесцененной избыточности; оба часто используются в журналистике как готовые смысловые «ярлыки» [Григорьева, 2023; Шильнов, 2020].

Сводная типология по тематическим источникам показывает устойчивые домены-доноры: политика и власть (*third rail, elephant in the room*), индустриальные риски и экология (*canary in the coal mine*), наука и познание (*holy grail*), распределение ресурсов и социальная справедливость (*piece of the pie*), нормативная конкуренция (*raise the bar*). Эти домены репрезентируют базовые культурные сценарии американского общественного дискурса – табу, скрытая повестка, раннее предупреждение, поисковая сверхцель, дележ благ, повышение требований – и служат опознавателями жанра, идеологической установки и целевой аудитории.

⁶Jayakumar K. Why Telling Difficult Stories Is So Important // Time. 2016. URL: <https://time.com/4433303/why-telling-difficult-stories-is-so-important/> (дата обращения: 02.09.2025)

⁷Moskowitz C. Tangled Up in Spacetime // Scientific American. 2017. URL: <https://www.scientificamerican.com/article/tangled-up-in-spacetime1/> (дата обращения: 01.09.2025).

На материале «Esquire» обнаружена высокая дискурсивная «переиспользуемость» пищевой метафоры: она переносится из экономики в культурную критику и обратно, при этом сохраняет параметры адресности (кто делит пирог, кто стоит у «ключей от царства») и эмоциональный тон (ирония, возмущение, мотивация). Такой перенос формирует интертекстуальные мосты между политикой, индустриями развлечений и трудовыми отношениями.

Корреляция идиомы и жанровой позиции заметна и в выборке «Time»: короткая репортажная вставка использует формулы типа *canary in the coal mine* как быстрые «сигнальные лампы», тогда как авторские колонки тяготеют к дидактике (*raise the bar*) или к драматизации морального выбора (*elephant in the room* в текстах о личной утрате), тем самым настраивая путь интерпретации без перегрузки терминами [Ван, 2021].

В результате сопоставления вырисовывается стабильный механизм культурной идентификации: идиомы активируют коллективную память, сжимают сложные макротемы до коротких сцен и обеспечивают межжанровую циркуляцию смыслов. Политические тексты наследуют формулы из инженерии и электротехники (*third rail*), научные – из религиозного мифа (*holy grail*), экологические – из шахтерского быта (*canary in the coal mine*), культурные и экономические – из кулинарной и праздничной сферы (*piece of the pie*). Такая перекрестная семиотика поддерживает удобный режим аргументации: журналист меняет предметную область, но удерживает читателя с помощью повторяемых культурных сцен и предсказуемых прагматических установок.

Практическая рекомендация для русскоязычного академического письма: калькирование оправдано при высокой интернационализации модели (*слон в комнате*, *священный Грааль*, *поднять планку*), тогда как *third rail* требует пояснения («тема-табу, к которой опасно «прикасаться»»), а *piece of the pie* нуждается в уточнении «распределение выгоды / доли на рынке». Совмещение

кальки и краткой глоссы снижает риск потери культурных импликаций и поддерживает научную точность формулировок.

Заключение

Проведенная типологизация показала устойчивую привязку формул к культурным доменам-донорам: электроинженерная сцена задает маркер табу (*third rail*), зоометафора – артикуляцию скрываемой темы (*elephant in the room*), шахтерская история – раннее предупреждение (*canary in the coal mine*), артуровский миф – гиперцель науки (*holy grail*), кулинарная метафорика – распределение выгод (*piece of the pie*), спортивно-измерительный образ – нормирование требований (*raise the bar*). «The Atlantic» чаще эксплуатирует табу и «слона», «Time» тяготеет к сигналам раннего риска и кода нормирования, «Scientific American» стабильно использует *holy grail* для акцентирования исследовательской сверхзадачи, «Esquire» охотно переносит пищевую метафорику в культурную критику и возвращает ее в экономическую тему. Вариативность заголовков и каламбуров не разрушают опорные сцены, сохраняя распознаваемость.

1. Корпус описан, временные рамки и тематические поля заданы.
2. Задача 2 решена через построение набора культурных сценариев и распределение функций по жанрам и изданиям.
3. Задача 3 реализована набором переводческих правил: калька у интернационализированных формул («слон в комнате», «священный Грааль», «поднять планку»); глосса для *third rail* («тема-табу, к которой опасно прикасаться»); уточнение для *piece of the pie* («распределение доли выгоды / рынка»).

Полученный результат предоставляет практический инструмент для редакторов, переводчиков и авторов учебных материалов, а также определяет вектор дальнейших сопоставлений по другим изданиям и регистрам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абазовик Е. В. В. Фразеологические единицы в англоязычном научном тексте образовательной тематики / Е. В. Абазовик, А. В. Лядова // Царскосельские чтения. 2016. № XX. С. 18–24.
2. Ван Цуй. Корреляция в лингвистической типологии // Вопросы современной лингвистики. 2021. № 2. С. 47–58.
3. Григорьева Л. Л. Особенности перевода безэквивалентной фразеологии (на материале фразеологизмов английского языка с компонентом “cat”) / Л. Л. Григорьева, А. О. Панфилова, А. А. Гильманова // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 6 (42). С. 112–132.
4. Кабанова А. Б. Фразеологические единицы как источник культурно-национальной информации / А. Б. Кабанова, А. Ю. Кишенова // Евразийский Союз Ученых. 2020. № 11–4 (80). С. 234–241.

5. Ковенева О. В. Таинственный мир коннотаций в лингвистике и теории перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2008. № 1. С. 76–85.
6. Минаева О. П. Функционально-лингвистический анализ фразеологических единиц в английском дискурсе массмедиа // Дискурс профессиональной коммуникации. 2022. Т. 4. № 3. С. 39–53.
7. Петрунина Ю. В. Фразеологические единицы как носители социокультурной информации / Ю. В. Петрунина, А. А. Дроздова, А. Г. Михайлова // Modern Science. 2021. № 2–1. С. 320–323.
8. Шильнов А. Г. Сравнительный анализ идиом, представленных в российских учебниках английского языка, и идиом, представленных в современных аутентичных источниках / А. Г. Шильнов, Д. Миллер, П. Дж. Митчелл, В. М. Смокотин // Язык и культура. 2020. № 49. С. 218–222.

REFERENCES

1. Abazovik, E. V., Lyadova, A. V. (2016). Phraseological units in English-language scientific texts on educational topics. *Tsarskoselskie Chteniya*, XX, 18–24. (In Russ.)
2. Van, C. (2021). Correlation in linguistic typology. *Questions of Modern Linguistics*, 2, 47–58. (In Russ.)
3. Grigorieva, L. L., Panfilova, A. O., Gilmanova, A. A. (2023). Features of translating nonequivalent phraseology (based on English idioms with the component “cat”). *Russian Linguistic Bulletin*, (6)42, 112–132. (In Russ.)
4. Kabanova, A. B., Kishenova, A. Y. (2020). Phraseological units as a source of cultural and national information. *Eurasian Union of Scientists*, 11–4(80), 234–241. (In Russ.)
5. Koveneva, O. V. (2008). The mysterious world of connotations in linguistics and translation theory. *Moscow University Bulletin. Series 22. Theory of Translation*, 1, 76–85. (In Russ.)
6. Minaeva, O. P. (2022). Functional and linguistic analysis of phraseological units in English mass media discourse. *Discourse of Professional Communication*, 4(3), 39–53. (In Russ.)
7. Petrunina, Y. V., Drozdova, A. A., Mikhaylova, A. G. (2021). Phraseological units as carriers of sociocultural information. *Modern Science*, 2–1, 320–323. (In Russ.)
8. Shilnov, A. G., Miller, D., Mitchell, P. J., Smokotin, V. M. (2020). A comparative analysis of idioms presented in Russian English-language textbooks and idioms from modern authentic sources. *Language and Culture*, 49, 218–222. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецова Юлия Геннадьевна

кандидат филологических наук

доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области гуманитарных и прикладных наук
Института гуманитарных и прикладных наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kuznetsova Yulia Gennadievna

PhD in Philology

Associate Professor at the Department of Linguistics and Professional Communications
in the Sphere of Humanities and Applied Sciences

Institute of the Humanities and Applied Sciences

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

12.12.2025
17.01.2026
05.02.2026

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Специфика оценочной репрезентации французских рыцарей Петром Тудебодом в «Historia de Hierosolymitano itinere»

А. О. Манухина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
amanuhina@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности оценочных характеристик лиц, референтами которых выступают французы – участники Первого крестового похода. Материалом исследования послужила «Historia de Hierosolymitano itinere», хроника XII века, которая впервые привлекается для лингвистического описания. Цель исследования – выявление специфических для XII века способов оценки и установление степени их соответствия западноевропейским этическим канонам эпохи Крестовых походов. В работе применены следующие методы: метод лингвистического описания, культурно-исторический метод, метод наблюдения, контекстуальный анализ. В результате исследования были выявлены и систематизированы способы проявления авторской оценки, которые реализуют прагматическую цель «Historia» – создать идеализированный образ воина.

Ключевые слова: диахронические исследования, французское рыцарство, латинская средневековая хроника, оценочные конструкции, нравственные стереотипы рыцарства, письменные памятники Крестовых походов

Для цитирования: Манухина А. О. Специфика оценочной репрезентации французских рыцарей Петром Тудебодом в «Historia de Hierosolymitano itinere» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2 (908), С. 76–82.

Original article

The Specifics of Peter Tudebode's Evaluative Representation of French Knights in "Historia de Hierosolymitano itinere"

Alla O. Manuhina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
amanuhina@mail.ru

Abstract. The article examines the features of the evaluative characteristics of individuals whose referents are the French participants in the First Crusade. The research material is "Historia de Hierosolymitano itinere" the chronicle of the 12th century, which is being used for linguistic description for the first time. The purpose of the study is to identify assessment methods specific to the 12th century and to establish the degree of their compliance with Western European ethical canons of the Crusade era. The following methods are used in the work: the method of linguistic description, the cultural-historical method, the method of observation, contextual analysis. As a result of the research, the ways of expressing the author's assessment were identified and systematized, which realize the pragmatic goal of "Historia" – to create an idealized image of a warrior.

Keywords: diachronic studies, French chivalry, Latin medieval chronicle, evaluative constructions, moral stereotypes of chivalry, written monuments of the Crusades

For citation: Manuhina, A. O. (2026). The specifics of Peter Tudebode's evaluative representation of French Knights in "Historia de Hierosolymitano itinere". Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(908), 76–82. (In Russ.)

Введение

Рассмотрение документального наследия Средневековой Франции эпохи Первого крестового похода с позиций изучения оценочного восприятия автором – современником событий крестоносной экспедиции, оценки предводителей и рядовых участников похода представляет особый интерес для диахронических и исторических исследований.

Изучение способов репрезентации оценки в диахронии на материале сочинений эпохи Средневековья является междисциплинарным.

Актуальность работы определяется возрастающим вниманием как лингвистов, так и культурологов и историков к изучению оценочного компонента в диахронии на материале аутентичных текстов отдаленной исторической эпохи.

Актуальность темы исследования подтверждается рядом авторитетных источников. Так, Н. Д. Арутюнова была одним из первых отечественных ученых, утверждавшим, что не только современный язык, но и язык прошлого возможно рассматривать «погруженным в жизнь, в связи с человеком»¹ при условии достаточной разработанности понятийного аппарата и приемов исследования. И. И. Чельшева отмечает, что в настоящее время особый интерес представляют труды, изучающие письменные памятники прошлого «с точки зрения коммуникативно-прагматической ситуации, обусловившей их появление и функционирование» [Чельшева, 2018, с. 218]. Отдельное внимание уделялось важности исследования средневековой латыни как языка письменности и культуры, в котором также отражены «разговорные вкрапления, порожденные необходимостью описать новые жизненные реалии» [Таривердиева, 2008, с. 413].

Анализ способов вербализации оценочных представлений поможет раскрыть уникальность и своеобразие ценностной ориентации произведения «*Historia de Hierosolymitano itinere*».

Настоящее исследование вводит в научный оборот в качестве нового эмпирического материала ранее не привлекавшийся французский исторический документ XII века. Научная новизна исследования состоит в том, что:

- впервые дается лингвистическое описание авторских художественных особенностей и содержательной структуры хроники XII века «*Historia de Hierosolymitano itinere*»;
- впервые рассмотрен механизм оценочной репрезентации французских рыцарей с учетом самобытности авторского осмысления современной ему действительности.

¹Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.

Материал исследования – хроника «*Historia de Hierosolymitano itinere*». В работе исследуется около 400 оценочных структур, извлеченных методом сплошной выборки. Сочинение было написано между 1101 и 1110 годами и представляет собой одно из древнейших аутентичных документальных свидетельств Первого крестового похода. Об авторе Петре Тудебод практически не сохранилось биографических данных: из самого сочинения о нем известно как о священнике Сиврейском (*sacerdos sivracensis*), т. е. Тудебод жил во Франции и имел приход в Сиврее (*лат. Sivracum, ст.-фр. Sivray, совр. фр. Civray*). Вместе со своими двумя братьями Петр Тудебод участвовал в Первом Крестовом походе (как и многие другие священники – рыцари того времени) и вел непосредственные записи в ходе военной кампании, ставшие основой его сочинения.

То обстоятельство, что хроника создана на латинском, т. е. на средневековом книжном «выученном» языке, объясняется его повсеместным употреблением в разных сферах, что существенно отличало латынь «от еще только формирующихся романских языков» [Таривердиева, 2008, с. 410]. Это было общепринятой западноевропейской нормой: «латинская письменная традиция представляла такие образцы, на которые пишущие на народных языках могли равняться» [Чельшева, 2018, с. 216].

Исходя из поставленной цели в рамках статьи решаются следующие задачи:

- провести лингвистический анализ оценочных средств, используемых автором для отображения реальных исторических лиц, главных героев сочинения;
- сопоставить на основе проведенного анализа авторское оценочное описание лиц и этические каноны изображения рыцарей, сложившиеся к XII веку;
- установить специфику авторской оценки, составляющую самобытность данной хроники, и описать факторы, повлиявшие на ее формирование.

В ходе решения первой задачи применяются методы наблюдения и лингвистического описания, вторая задача решается с помощью метода описания языковых единиц в тексте с учетом культурно-исторических условий (с целью выявления факторов, воздействующих на формирование оценочного отношения автора к окружающей действительности). Для решения третьей задачи используются контекстуальный анализ и культурно-исторический метод.

Практическая ценность исследования заключается в возможности использовать научные результаты в качестве теоретического и практического

материала на лекциях и семинарских занятиях по истории французского языка, а также при написании дипломных и курсовых работ.

Средства репрезентации авторского присутствия в хронике

В тексте произведения Петр Тудебод обозначает себя не только как автор труда, но и как непосредственный участник и очевидец событий:

Credendus est qui primus hoc scripsit, quia in processione fuit et oculis carnalibus vidit, videlicet Petrus Tudebovis¹ (с. 11).

Следует верить тому, кто первый это описал, так как он был во время процессии и собственными глазами видел, очевидец Петр Тудебод².

Тудебод отдельно подчеркивает, что именно он первый описал (*primus hoc scripsit*) события Первого крестового похода, т. е. делает акцент на личное присутствие во время всех важных событий. Действительно, современными учеными так и не было найдено доказанных документов Первого крестового похода, созданных ранее «*Historia de Hierosolymitano itinere*», поэтому его сочинение является уникальным свидетельством эпохи.

Тот факт, что П. Тудебод оригинален, он не переписчик хроники и не компилятор, отражен в тексте сочинения выражениями *videlicet* (очевидно) и *oculis carnalibus vidit* (букв: 'видел плотскими глазами'), при этом эпитет *carnalis* (плотский, телесный) при существительном *oculus* содержит эмоциональную авторскую оценку и служит для усиления категоричности суждения о том, что его рассказ очевидца достоин доверия. Такое заявление со стороны П. Тудебод должно было поднять авторитет его произведения в глазах адресата.

Особенности оценочного описания французов-полководцев

Хроника как особый тип историографических сочинений Средневековья всегда подразумевала определенное авторское отношение к описываемым в произведении современникам. Объектом авторского описания и оценки, где П. Тудебод эксплицитно или имплицитно выражает свою

позицию, прежде всего являются французские рыцари, возглавлявшие Крестовый поход.

В первую очередь объектом положительной оценки является французский король, названный в хронике *mirificus rex Franciae*:

Mirificus rex Franciae aptare fecit usque Constantinopolim (с. 79).

Изумительный король Франции велел отправляться к Константинополю

В книге не названо конкретное имя, и поэтому возникает вопрос касательно референта выражения *mirificus rex Franciae*. Маловероятно, что речь идет о самом короле Франции Филиппе I (1052–1108): он содействовал подготовке Первого крестового похода, однако не принимал в нем непосредственного участия. Скорее всего, автор имеет в виду родного брата короля – Гуго Великого, графа Вермандауа, возглавлявшего отряды крестоносцев из Северной Франции и представлявшего французскую корону. Эпитет *mirificus* (удивительный, изумительный, необыкновенный), выражающий положительную эмоциональную оценку, кажется уместным именно для графа Вермандауа, проявившего храбрость и пережившего многочисленные тяготы во время похода (кораблекрушение, чудесное спасение и вынужденное пребывание в Константинополе).

Наряду с королем Тудебод изображает графа Балдуина, одного из предводителей Первого крестового похода, впоследствии правителя Иерусалимского королевства (1100–1118), основанного крестоносцами:

Sapiens Christi atleta Balduinus, quem Deus munit atque custodiat (с. 11).

Мудрый воин Христа Балдуин, которого Бог укрепляет и хранит.

В данном примере оцениваются интеллектуальные способности Балдуина как полководца посредством оценочного прилагательного *sapiens* (мудрый). Оценка также выражена опосредованно через изображение отношения к рыцарю Бога как особого субъекта оценки (*Deus munit atque custodiat* – Бог укрепляет и хранит).

Примечательно употребление существительного *atleta*: если в Древнем Риме *atleta* обозначались борцы-атлеты (т. е. главный признак: физическая сила), то в Средневековье званием *atleta Christi* (в значении «поборник Христа») вначале именовались мученики-воины (первым из которых считался святой Себастьян), а в эпоху Крестовых походов – рыцари, участвовавшие

¹Эд. и далее цитируется «*Historia de Hierosolymitano itinere*» П. Тудебод: Petri Tudebodi seu Tudebovis sacerdotis sivracensis Historia de Hierosolymitano itinere // Recueil des historiens des croisades, publié par les soins de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres. Historiens occidentaux. Tome troisième. Paris: Imprimerie impériale, MDCCCLXVI.

²Эд. и далее перевод наш. – А. М.

в экспедициях в защиту христианской веры. Также следует отметить, что в более поздних хрониках Крестовых походов (например, в хронике «Historia Iherosolymitana» Фульхерия Шартрского и в анонимной «Li Estoire de Jerusalem et d'Antioche») нами выявлено выражение *miles Christi / miles Dei* (букв. 'воин Христа' / 'воин Господа') для обозначения рыцаря-монаха, которое в XII–XIII веках становится более привычным и узнаваемым.

В таком сочетании оценочные средства не столько характеризуют реальное историческое лицо, сколько создают идеализированный образ вождя, свойственный *chanson de geste* или агиографической литературе, где постоянно шел «поиск выразительных художественных средств, которые могли бы адекватно отразить динамику и экспрессию самой человеческой жизни на примере ее выдающихся представителей» [Школьникова, 2008, с. 245].

Отдельно в произведении представлен военачальник Боэмунд, которого Тудебод характеризует следующим образом, отмечая его ратные доблести:

Bellipotens vir Boamundus
qui erat in obsessione Malfi
(с. 84).

Воинственный муж
Боэмунд, который был
при осаде Малфи.

Средством положительной оценки здесь выступает эпитет *bellipotens* (воинственный), образованный от лексем *potens* и *bellum* (букв. 'могущественный в войне') и оценивающий силу и отвагу Боэмунда в конкретной ситуации – при осаде города (*in obsessione Malfi*).

При этом подчеркивает его умение и опыт:

Ibique doctus Boamundus
dimisit gentem suam... (с. 90)

И там опытный Боэмунд
распустил свое войско...

Оценочная лексема *doctus* (букв. 'ученый') в данном контексте описывает не интеллектуальные способности ученого мужа, а ратный опыт полководца (т. е. *ученый* = *опытный в бою*) и отмечает добродетель Боэмунда как воина, умудренного жизненным опытом.

Здесь снова встречается оценочное описание, типичное, скорее, не для жанра хроники, а для *chanson de geste*, чья характерная особенность в создании образа рыцарей была отмечена исследователями: «Не меньшую роль, чем сила, в жестах играет ловкость. Она постоянно подчеркивается средневековыми авторами» [Пастуро, 2009, с. 15].

А так оценивает его интеллектуальные и ораторские способности:

Hoc ergo alloquens vir
sapiens Boamundus dixit...
(с. 89)

И вот поэтому
красноречивый мудрый
муж Боэмунд сказал...

Положительная оценка вербализована посредством прилагательного *sapiens* и причастия *alloquens*, образованного от глагола *alloquor* (вызывать, обращаться с речью, обращаться с мольбой, ободрять), которое в данном контексте можно перевести как *красноречивый*.

Личность Боэмунда охарактеризована через его действия:

Mox Sancto commotus
Spiritu jussit
pretiosissimum pallium
quod apud se habebat
deferri, idemque incidi
praecipit, totumque in
cruces statim expendit.
Cepit namque vehementer
ad eum concerrere maxima
pars militum... (с. 84)

И вскоре,
воодушевленный Святым
Духом, приказал вынести
наиценнейший плащ,
который имел у себя,
и велел его бросить и
весь тотчас разрезать
на кресты. И быстро
начала к нему сходить
большая часть воинов.

Этот поступок, сопоставимый с религиозным или мистическим обрядом, был распространен в рыцарской среде. С одной стороны, это было свидетельством щедрости полководца, готового отдать самое ценное во благо общего дела, с другой – воплотить действие формально-сакрального характера с целью единения войска. Такие ритуалы «стали чем-то вроде рыцарского крещения, торжественного обряда посвящения» [Ле Гофф, 2022, с. 40].

Оценка Боэмунду дается также опосредованно, через оценку его войска, при этом, – для создания эффекта отстраненности, – субъектом оценки выступают враги-сарацины:

Certe tantum timebat
fortissimi Boamundi
gentem, quod nullum
nostrorum sinebat intrare
civitatis murum ... (с. 82)

Точно настолько боялись
сильнейшего войска
Боэмунда, что никому
из наших не было
разрешено проходить
через стены крепости...

Оценка вербализована эпитетом в превосходной степени *fortissimus*, а также синтаксической конструкцией *tantum ... quod*, которая служит интенсификатором оценки.

Хотя всюду в повествовании автор оценивает Боэмунда имплицитно, и оценка представлена как некое общее мнение, «не имеющее субъекта истина в реальном мире» [Вольф, 1985, с. 70], его восхваление как воина и стратега носит сугубо субъективный характер. Хроника создавалась непосредственно в ходе военных действий или

вскоре после окончания похода. Тудебод был рыцарем в коннице Боэмунда, а «отношения сеньора и вассала имели характер особого многоступенчатого ритуала» [Загряжская, 2020, с. 32]. Такая подобострастная позиция может расцениваться как часть рыцарского служения сюзерену. Очевидно, автор рассчитывал на одобрение со стороны своего непосредственного сюзерена, который, возможно, мог ознакомиться с содержанием его хроники.

Особенности оценочного описания французского крестоносного рыцарства

Французские рыцари-крестоносцы в «*Historia*», названные *Galli*, *Franci* и *Francigeni* представлены как обобщенный объект оценки, референт которого не определен в сочинении четко: это некий обобщенный образ, крестоносное воинство в целом.

Galli e suis remoti domibus fecerunt duas partes. Itsi prudentissimi milites et alii quos ignoro... (с. 79)

Галлы (французы), выдвинувшиеся из своих домов, разделились на две части. Эти опытейшие воины и другие, которых я не знаю...

Средством выражения оценки здесь является прилагательное *prudens* (*сведущий, искусный, опытейший*) в суперлативе.

Оценка автором вербализована опосредованно, через описание поступков французских воинов:

Franci audientes talia eloquia protinus in dextera fecere cruces scapula, dicentes se unanimiter Christi sequi vestigia, quibus de manu erant redempti tartarea... (с. 89)

Французы, слушая такие речи, делали кресты напротив левой лопатки, говоря, что они единодушно пойдут по следам Христа, каковыми они были избавлены от дьявольских рук...

В этом эпизоде изображен обряд принятия рыцарями крестоносного обета, заключавшийся в прикреплении креста на плащ слева (*protinus in dextera fecere cruces scapula*). Этот ритуал имел сакральный смысл, отсылающий к этическим канонам Средневековья: «в духовном плане человек, готовый пролить свою кровь, символически как бы повторял деяния Христа» [Кардини, 2024, с. 306]. Положительная оценка реализована через оппозицию *Christi sequi vestigia / de manu erant redempti tartarea*, в которой можно видеть

противопоставление сил Добра и Зла как Бога (*Christi sequi vestigia*, букв. 'следы Христа') и Дьявола (*manus tartarea*, где прилагательное *tartareus* имеет значение «подземный, адский», в данном контексте – «дьявольский»). После посвящения крестоносцы должны были восприниматься как *atleta Christi / miles Christi* и тем самым воплощать доброе, божественное начало.

В хронике упоминается похвала французскому войску из уст врага – военачальника неверных:

Gens fortissima atque robustissima Francorum eum impedimentum graviter obsidebat (с. 128).

Войско наисильнейшее и наикрепчайшее французов ожесточенно осаждала это укрепление.

Оценочные средства, употребленные в данном фрагменте сочинения: эпитеты в превосходной степени *fortissima atque robustissima* и оценочное наречие *graviter* при глаголе *obsidere* в совокупности призваны создать картину мощи и непобедимости армии французов.

В то же время оценка Тудебодом французского рыцарства как руководителей похода не так однозначна. В определенных ситуациях можно видеть имплицитное осуждение:

Illic divisi sunt Lombardi et Langobardi a Francigenis, quia Franci pleni erant tumida superbia (с. 80).

И там отделились ломбардцы и лангобарды от французских, так как французские были полны молчаливого высокомерия.

Здесь автор отрицательно характеризует отношение французских к остальным членам отряда рыцарей. Хотя автор не проявляет свое «Я» и не выражает позицию напрямую, его негативное отношение к поступкам рыцарей из Франции вербализовано оценочным выражением *pleni erant tumida superbia* (*были полны молчаливого высокомерия*).

Интересно, что Петр Тудебод, участник Первого крестового похода, нигде в своей книге не применяет по отношению к армии французских рыцарей местоимение *nos*, чтобы показать свое единение с ними. Эта особенность изложения, а также тот факт, что он называет французских *Francigeni* (букв. 'рожденные во Франции'), и в то же время нигде (!) в тексте хроники не указывает на свое происхождение, неоднократно вызывая сомнение, был ли Петр Тудебод французом. В то же время, будучи священником в городе близ Пуатье, идентифицируя себя как священник Сиврейский (*sacerdos sivracensis*), участвуя с французами в Крестовом походе, Тудебод вне зависимости от своей этнической принадлежности вполне может

считаться неотъемлемой частью французского феодального социума эпохи Крестовых походов, оставившим след в культурном наследии Франции.

Заключение

Основываясь на анализе различных лексических средств репрезентации оценки в латинской хронике «Historia de Hierosolymitano itinere», представляется возможным сделать следующие выводы:

- автор Петр Тудебод считается первым хронистом, кто описал Первый крестовый поход, при этом основываясь на личных впечатлениях от увиденного, и позднейшие хроники Крестовых походов так или иначе ориентировались на этот письменный памятник. С одной стороны, автор не имел готовых образцов для написания, с другой – как представитель своей эпохи и своего социума находился в рамках уже имевшихся стереотипов и культурных норм;
- герои-предводители изображены автором под воздействием уже сформировавшихся к XII веку этических и жанровых канонов *chanson de geste*, получивших к тому времени широкую известность в западноевропейском культурном пространстве. Именно здесь Тудебод, очевидно, почерпнул свое вдохнове-

ние и взял за основу образцы для оценочного описания полководцев, что можно видеть в употреблении эпитетов для характеристики реальных исторических лиц (короля, Балдуина, Бозмунда): восхваления не только их силы и доблести (*mirificus, bellipotens*), но и мудрости, красноречия и опыта (*sapiens, doctus, alloquens*);

- обобщенный объект оценки «войско крестоносцев» описан более реалистично: автор не только восхваляет их храбрость посредством оценочных эпитетов, часто употребленных в суперлативе (*prudenter milites, gens fortissima atque robustissima*), но и выражает осуждение их поведения по отношению к соратникам (*pleni erant tumida superbia*).

Таким образом, лингвистический анализ способов реализации оценки на материале аутентичного письменного памятника начала XII века дает ключ к пониманию механизмов ценностного осмысления человеком отдаленной эпохи фактов своей истории и окружающей его действительности.

Перспектива исследования видится в дальнейшем изучении оценочного компонента в диакроническом аспекте на материале произведений эпохи Крестовых походов (XI–XIV вв.), написанных на романских языках.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чельшева И. И. Первые тексты на романских языках: общее и частное // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. № 4 (81). С. 216–220.
2. Таривердиева М. А. Средневековая латынь – искусственный конструкт или «живой» язык? // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2008. XII. С. 410–413.
3. Школьников О. Ю. Экспрессивно-эмоциональный стиль французского перевода латинского «Жития блаженного Стефана Гранмонского» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. № 4–2. С. 240–246.
4. Пастуро М. Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола. М.: Молодая гвардия, 2009.
5. Ле Гофф Ж. Герои и чудеса Средних веков. М.: Текст, 2022.
6. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.
7. Загряжская Т. Ю. Конструкт идентичности в творчестве трубадуров или «другая Франция» сквозь призму языка // Язык. Познание. Культура // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 22–37.
8. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М.: Ломоносовъ, 2024.

REFERENCES

1. Chelysheva, I. I. (2018). Early written monuments of romance languages: the universal and the particular. Scientific notes of Orel State University, 4(81), 216–220. (In Russ.)
2. Tariverdieva, M. A. (2008). Srednevekovaya latin – iskusstvennii konstrukt ili «zhivoi» yazik? = Is medieval Latin an artificial construct or a "living" language? Indoeuropejskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya = Indo-European Linguistics and Classical Philology, XII, 410–413. (In Russ.)

3. Shkolnikova, O. Yu. (2008). Expressive and emotional style of the French Latin translation of the Life of St. Stephen of Grandmont. *Vestnik of St. Petersburg University*, 4–2, 240–246. (In Russ.)
4. Pastoureau, M. (2009). *Povsednevnyaya zhizn' Francii i Anglii vo vremena rycarej Kruglogo stola = Everyday life in France and England during the time of the Knights of the Round Table*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ.)
5. Le Goff, J. (2022). *Geroi i chudesa Srednih vekov = Heroes and Wonders of the Middle Ages*. Moscow: Tekst. (In Russ.)
6. Volf, E. M. (1985). *Funktsionalnaya semantika otsenki = Functional semantics of evaluation*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
7. Zagryazkina, T. Yu. (2020). The construct of identity in the work of the Troubadours or “the other France” through the prism of language. *Language. Cognition. Culture. Vestnik of Moscow University. Linguistics and intercultural communication. Series 19, 1*, 22–37. (In Russ.)
8. Cardini, F. (2024). *Istoki srednevekovogo rytsarstva = The Origins of Medieval Chivalry*. Moscow: Lomonossov. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Манухина Алла Олеговна

кандидат филологических наук, доцент
 заведующий кафедрой фонетики и грамматики французского языка
 факультета французского языка
 Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Manuhina Alla Olegovna

PhD in Philology, Associate Professor
 Head of the Department of Phonetics and Grammar of the French language
 Faculty of the French Language
 Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	12.12.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	17.01.2026	
принята к публикации	05.02.2026	

Античное наследие во французской языковой культуре: герб и латинский девиз Парижа

Н. В. Маршалок¹, И. Л. Ульянова²

^{1,2}МГИМО МИД России, Москва, Россия

¹*mshtch@yandex.ru*

²*oulianova555@inbox.ru*

Аннотация. Цель данной работы – изучение и описание герба Парижа с латинским девизом, в котором связь с Античностью отражена не только на языковом, но и на культурно-историческом уровне. В работе, выполненной на основе описательного, сравнительно-исторического методов и метода интертекстуального анализа, был выбран материал нашего исследования; выявлены и изучены общность французской гербовой культуры с Античностью, а также представленная на гербе Парижа цитата и ее связь с античным текстом-источником. Герб Парижа рассматривается как яркий пример креолизованного текста. Работа перспективна с позиций дальнейших исследований гербов и девизов городов Франции в диахроническом аспекте.

Ключевые слова: античное наследие в геральдике, латинский гербовый девиз Парижа, девиз как культурно-исторический феномен, креолизованный текст, французская языковая культура

Для цитирования: Маршалок Н. В. Античное наследие во французской языковой культуре: герб и латинский девиз Парижа / Н. В. Маршалок, И. Л. Ульянова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2 (908). С. 83–90.

Original article

The Ancient Heritage in French Linguistic Culture: the Coat of Arms and Latin Motto of Paris

Nataliya V. Marshalok¹, Irina L. Ulianova²

^{1,2}MGIMO University, Moscow, Russia

¹*mshtch@yandex.ru*

²*oulianova555@inbox.ru*

Abstract. The purpose of this article is to study and describe the coat of arms bearing the Latin motto of Paris, which reflects its connection to antiquity not only linguistically but also culturally and historically. This study, conducted using descriptive, comparative historical, and intertextual methods, utilized our research material to trace the commonalities between French heraldic culture and antiquity. The quotation depicted on the Paris coat of arms and its connection to the ancient source text were identified and analyzed. The Paris coat of arms is considered a striking example of a creolized text. The work is promising from the standpoint of further research of coats of arms and mottos of French cities in a diachronic aspect.

Keywords: ancient heritage in heraldry, Latin heraldic motto of Paris, motto as a cultural and historical phenomenon, creolized text, French linguistic culture

For citation: Marshalok, N. V., Ulianova, I. L. (2026). The ancient heritage in French linguistic culture: the coat of arms and Latin motto of Paris. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(908), 83–90. (In Russ.)

Введение

Актуальность настоящего исследования определяется возросшим в настоящее время интересом к гербам и гербовым девизам как к символам, отражающим уникальность истории и культуры государств, городов, организаций, и подтверждается как авторитетными фундаментальными, так и новейшими исследованиями, в которых рассмотрены феномены герба и девиза. Феномен девиза как одного из самых древних текстов в последнее время становится особенно актуальным. Благодаря своей краткости и универсальности девиз как нельзя лучше отражает стремительный дух современности. Возросший интерес к девизам как вербально зафиксированной информации, направленной на адресата текста и связанной с изображением на гербах, отмечен во многих научных работах. Работы С. З. Шукунды, многосторонне анализирующие латинские государственные девизы США [Шукунда, 2016; Шукунда, 2017]. Работа И. С. Лапшина ставит вопрос о создании государственного девиза России [Лапшин, 2023]. Отдельно стоят исследования гербовых девизов как особого типа креолизованного текста в диахроническом и историческом аспектах на материале гербовых девизов крестоносцев [Манухина, 2023].

Научная новизна нашего исследования состоит в многоаспектном подходе к изучению данной проблематики. В работе впервые предпринята попытка изучения герба Парижа как креолизованного текста, комплексно изучена и описана связь с Античностью как вербальной, так и иконических его составляющих в культурно-историческом аспекте, а также впервые рассмотрены особенности функционирования девиза и герба Парижа в наше время, их роль в современной культуре Франции, особенно во французской языковой культуре.

При исследовании этой комплексной темы, находящейся на стыке дисциплин, мы опирались как на работы филологов и специалистов в области психолингвистики, так и на работы специалистов в области нумизматики и геральдики.

Среди работ, посвященных изучению креолизованных текстов, следует выделить коллективную монографию «Креолизованный текст: смысловое восприятие», исследующую сочетание вербальных и иконических составляющих креолизованного текста, которые обеспечивают целостность смысла в восприятии реципиента: «Мы констатируем наличие в его составе составляющих разных знаковых систем, образующих неразрывное единство» [Креолизованный текст ... , 2020, с. 23].

Обзор научных работ, в которых анализируется креолизованный текст, представлен

в статье Е. Н. Пищерской «Креолизованный текст как объект изучения в лингвистике» [Пищерская, 2023]. Автор отмечает, что «креолизованный текст представляет собой сложный и многогранный объект изучения во многих областях знаний, в том числе в лингвистике. Креолизованный текст отражает тенденции развития современного общества и культуры. Изучение креолизованного текста позволяет расширить границы лингвистического знания и понимания языка как средства коммуникации» [Пищерская, 2023, с. 62].

Работа И. Р. Гальперина «Текст как объект лингвистического исследования», в которой представлен подход к тексту как к системе, обладающей структурной и концептуальной целостностью, предваряет исследования в области изучения креолизованных текстов [Гальперин, 2025].

В статье В. А. Масловой «Основные тенденции и принципы современной лингвистики» выделены и описаны интегративность, антропоцентричность, коммуникативность, диалогичность, дискурсивность и культуроцентричность как основные тенденции и принципы современной лингвистики. «Таким образом, на современном этапе развития науки наибольшую актуальность приобретают не узкоспециализированные научные исследования, а работы с междисциплинарным осмыслением явлений языка и интеграцией их результатов в единое целое» [Маслова, 2018, с. 174].

Так как происхождение гербов и гербовых девизов восходит к античным монетам, следует отметить также важнейшие источники по античной нумизматике: основополагающую работу Г. Мэттингли «Монеты Рима с древнейших времен и до падения Западной империи» [Мэттингли, 2010] и обзорное исследование «Античная нумизматика» В. И. Виролайнена [Виролайнен, 2009], в которых дана систематизация и классификация античных монет.

В исследованиях по геральдике выделим важнейшую отечественную работу Ю. В. Арсеньева «Геральдика», в которой отмечается, что «...изучение гербов и печатей, составляя часть культурной истории, не может быть маловажным... Гербы являются продуктом христианской эпохи и вместе с тем европейской средневековой культуры, хотя в основание их развития и могли войти как элементы некоторые пережитки быта и верований древнего мира...» [Арсеньев, 2021, с. 2]. Описание и данные о времени появления тех или иных составляющих герба Парижа и изменениях, вносимых в него в зависимости от эпохи, приводятся в статье В. В. Мишина «Гербы Городов Франции – кавалеров Ордена Почетного Легиона» [Мишин, 2002].

Отметим также, что латинский девиз и герб Парижа, продолжающий тысячелетнюю античную традицию и остающийся актуальным в современности, не охвачен комплексным изучением.

Для реализации цели нашего исследования ставятся и решаются с помощью соответствующих методов следующие задачи:

- с помощью описательного метода делается выбор и описание материала;
- герб Парижа и его девиз исследуются с помощью структурно-системного метода;
- общность французской гербовой культуры с Античностью выявляется на основе сравнительно-исторического метода;
- метод интертекстуального анализа способствует изучению античной цитаты в девизе герба Парижа и ее функционирования в настоящее время в языковой культуре Франции.

Результаты данного исследования вносят вклад в лингвокультурологию, лингвострановедение и межкультурную коммуникацию.

Практическая значимость работы состоит в применении результатов исследования в процессе преподавания как французского, так и латинского языков за счет расширения лингвокультурологического и страноведческого аспектов занятий.

Теоретическая значимость работы заключается в расширении представления о гербе как о креолизованном тексте, а также о влиянии Античности на культуру Франции в настоящее время.

Символика герба и девиза Парижа

Герб Парижа с полной уверенностью можно рассматривать как образцовый креолизованный текст, в котором «сочетаются, переплетаются и взаимодополняются вербальная и невербальная информация, нацеленная на комплексное воздействие на адресата» [Манухина, 2023, с. 54].

В структуре герба Парижа соединены визуальные и вербальные средства со средствами других семиотических кодов (см. рис. 1).

В гербе этого города проявились многие черты, присущие гербам городов с латинскими девизами: и характеристика места древнего поселения, и указание на основную деятельность жителей города, и удивительного наполнения античная цитата.

Рис. 1. Герб Парижа.
Девиз *Fluctuat nec mergitur*
(Зыблем, но не потопим)

Задолго до римского завоевания кельтское племя паризиев основало свое поселение на острове Сите. Лютеция (*лат. Lutetia*), латинизированное название этого поселения, основанного в болотистой местности, происходит от латинского слова *lutum, i n – ил, грязь*¹. Впервые это название упоминает в середине I века до н. э. Гай Юлий Цезарь. Цезарь в «Записках о Галльской войне» сообщает о племени паризиев (*лат. Parisii VII 4; VII 34; VII 75*) и их городе (*лат. Lutetia Parisiorum VI 3*). Цезарь говорит о расположении города: *Id est oppidum Parisiorum, quod positum est in insula fluminis Sequanae... perpetuam esse paludem, quae influeret in Sequanam (VII 57)* (Это – город паризиев, лежащий на острове Секваны... сплошное болото, которое имело спуск в реку Секвану²).

С IV века за городом закрепилось название Паризий (*лат. Parisium*).

Этот город, находившийся на острове посреди Сены, веками приобретал свое богатство в основном за счет торговли. Корпорация судовладельцев, которые перевозили грузы между Парижем и морем по реке Сене, играла важную политическую и экономическую роль в развитии города на протяжении веков. Герб корпорации судовладельцев с изображением корабля под парусом был официально принят в качестве герба Парижа.

В гербе Парижа вербальные и иконические средства дополнены средствами других семиотических кодов, например, таким визуальным сигналом, как цвет. Цвета герба – синий, белый и красный, как на трехцветном флаге Франции. Синий и красный цвета являются особенно важными для Парижа.

Основой герба Парижа является старофранцузский треугольный щит, разделенный на поля синего и красного цветов. В нижней части щита на красном поле изображен корабль под парусом – символ острова Сите, имеющего форму корабля, а также символ торговли как главного источника благосостояния города. На верхнем синем фоне щита с 1358 года изображены королевские лилии, венчает щит золотая зубчатая корона. Дубовая и лавровая ветви обрамляют щит герба, с 1853 года они соединяются внизу белой девизной лентой с латинскими словами *Fluctuat nec mergitur* (Зыблем, но не потопим). В XX веке под девизной лентой появляются изображения трех главных наград Франции: орден Почетного легиона (1900), Военный крест за Первую мировую войну (1919) и Орден Освобождения (1945).

¹Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь: около 200 тыс. слов и словосочетаний. М.: Русский язык-Медиа, 2005. С. 462.

²Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне / пер. и вступ. ст. М. М. Покровского. М.: День, 1991. С.142.

Рассмотрим и проанализируем только непосредственно связанные с Античностью гербовые фигуры и девиз герба Парижа:

Corona muralis

(стенная корона, башенный венец, зубчатая корона)

Золотая зубчатая корона с пятью башнями (число башен указывает на столичный статус города) восходит к традиционно изображаемому на античных монетах городским крепостным стенам и башням. Этот символ независимости и защищенности города представлен в античности в виде головного убора или короны, венчающей голову богини, покровительницы города. Так изображались греческие богини Тяхе, Гестия, Афина и римские – Фортуна, Веста, Минерва. Изображения стенной короны часто встречаются на монетах, статуях и надгробиях.

На аверсе серебряной тетрадрахмы из Смирны изображена богиня удачи и судьбы Тяхе в башенном венце, на реверсе монеты мы видим лавровый или дубовый венок (см. рис. 2):

Рис. 2. Тетрадрахма, Смирна (150–143 гг. до н. э.)

В Древнем Риме золотая *corona muralis* вручалась как высшая военная награда воину, первым взобравшемуся на стены вражеского города. О факте вручения *corona muralis* воину впервые сообщает во «Всеобщей истории» Полибий (Polybius VI 39).

Дубовая и лавровая ветви

Дубовая и лавровая ветви, символ власти и мощи города, его героизма и славы, также восходят к римским монетам (см. рис. 2). Лавр, дерево, посвященное Аполлону, с античности – символ победы и обязательный атрибут воинского триумфа. Дуб считался священным деревом Зевса (у римлян Юпитера), был символом верховной власти, мужества и стойкости. Венки из дубовых листьев в Древнем Риме были наивысшей наградой полководцу-победителю, а также воину, спасшему в бою жизнь римского гражданина.

Изображение корабля

Изображение корабля, идущего под парусом, является иконической доминантой герба Парижа. С древних времен изображение корабля означало успешное достижение цели. На монетах и медальонах римлян изображения кораблей появляются со времени Первой Пунической войны (264–241 гг. до н. э.), когда был создан римский флот.

Изображение корабля с натянутым парусом представлено на реверсе бронзового медальона Каракаллы (см. рис. 3).

Рис. 3. Медальон, Перинф (197–217)

На печатях корпорации судовладельцев Парижа изображение корабля впервые появляется при короле Филиппе Августе (1165–1223), который закрепил своим указом (1190) изображение серебряного корабля, плывущего под треугольным парусом. Официально герб Парижа был признан королем Людовиком Святым (1226–1270), печатями с изображением герба скреплялись указы городского главы. Выражение *Fluctuat nec mergitur* засвидетельствовано с XIII века на печатях судовладельцев, а с XIV века оно стало девизом Парижа. Первоначальный вариант девиза *Fluctuat at nunquam mergitur* (Зыблем, но никогда не потонем) устоялся в лаконичном варианте *Fluctuat nec mergitur* (Зыблем, но не потонем). В этой форме девиз существовал до Французской революции (1789), а затем был официально утвержден префектом Парижа бароном Жоржем Османом (1853).

Девиз герба, согласно традиции надписей на античных монетах, тесно связан с изображением корабля на гербе Парижа, поддерживает, развивает и усиливает воздействие этого символа.

Определение и происхождение девиза

В отличие от словесных и фигурных девизов, часто встречающихся в геральдике других стран, во французской геральдике особое распространение получили девизы, в которых словесная и фигурная части представляют собой единое целое как особый тип креолизованного текста. Во Франции словесная часть девиза получила название *l'âme de la devise* (душа девиза), а фигурная часть – *corps de la devise* (тело девиза). Девиз, краткое изречение, обычно выражающее руководящую

идею в поведении или деятельности¹, происходит от французского слова *devise*, которое, в свою очередь, восходит к латинскому глаголу *dividere* – *разделять, отделять, отличать*². Первоначально девизом называлась гербовая фигура, размещенная поверх других изображений и служившая отличительным знаком владельца герба. В настоящее время в геральдике девизом называется краткое изречение, имеющее какое-либо отношение к гербу. Девиз помещается в гербе внизу щита либо на ленте.

Отметив, что уже само употребление латинского языка в девизе является в той или иной мере отсылкой к античному наследию, подчеркнем, что девиз восходит к традиции, идущей еще с античных времен: к легендам, т. е. совокупности всех надписей на аверсе, реверсе и гурте³ на античных монетах, называющим и прославляющим божество, императора и империю. Так, девизом Тараскона стал девиз покровительницы города святой Марты *Concordia felix* (*Счастливая согласие*), который, в свою очередь, восходит к легендам на римских монетах. Этот девиз встречается, например, на реверсе денария, на котором изображены Плавтилла и Каракалла, пожимающих друг другу правые руки, сопровождается надписью *concordia felix* (см. рис. 4).

Рис. 4. Денарий Каракаллы (Рим, 202)

История и атрибуция девиза Парижа

Интересна и значима история возникновения и атрибуции афоризма *Fluctuat nec mergitur*, который появился задолго до того, как он стал девизом Парижа. Это выражение принадлежит римскому теологу и священномученику Ипполиту, о жизни и деятельности которого достоверных сведений сохранилось мало. Святой Ипполит Римский (170–235), знаменитейший писатель древней Церкви, в главе 59 книги «О Христе и антихристе» определял

церковь как корабль, плывущий среди бушующих волн, но никогда не тонущий: «Крылья же кораблей суть церкви; а море – мир, в котором Церковь, подобно кораблю в пучине, обуреваются, но в то же время не погибает»⁴. И хотя Святой Ипполит писал на греческом языке, именно это его изречение стало источником латинского девиза Парижа.

В христианстве образ корабля используется очень широко. Церковь уподобляется кораблю, дающему убежище и дарующему спасение верующим, как библейский Ноев ковчег. Образ корабля становится основой архитектурной структуры христианского храма, на это указывает разделение внутреннего пространства храмов на нефы. Согласно этимологическому словарю А. Доза⁵ французское слово *nef* произошло от латинского *navis* – *корабль*⁶.

Образ корабля также часто встречается и в произведениях античной литературы. Древнегреческий поэт Алкей (626/620 – после 580 до н. э.), «изобретатель» политической аллегории «корабль-государство», первым создал поэтический образ корабля, терпящего бедствие в бурном море, как метафору государства, раздираемого междоусобицами (6 V) [Гринцер, 2024, с. 425]. Римский поэт Гораций (65–8 гг. до н. э.) заимствовал у Алкея и развил образ «корабля-государства» в знаменитой оде (I 14).

Таким образом, корабль, лодка, парус, море давно стали поэтическими метафорами, культурными и политическими символами. У античных поэтов корабль – символ скитаний, беспомощности человека перед лицом стихии, сулящей гибель. У обоих поэтов – Алкея и Горация – корабль представлен как аллегория государства, близкого к крушению из-за распрей граждан. В этом образе «доминируют отрицательные коннотации: «корабль-государство» практически всегда попадает в бурю и рискует пойти ко дну» [Гринцер, 2024, с. 422].

В христианстве образ корабля – метафора спасения и веры. Именно такой корабль изображен на гербе Парижа, он верно идет под парусом и воплощает мужество и стойкость жителей города. Девиз на гербовой ленте *Fluctuat nec mergitur* поддерживает на вербальном уровне метафору корабля. Этот корабль, не сраженный бурей, гордо поднимается на побежденную им волну, используя саму ярость ветров, чтобы быстрее прибыть в порт – цель своего долгого и опасного путешествия. Париж, как корабль, не только преодолел пропасти и штормы на своем пути, но и всегда черпал в них силу.

¹Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: USSR, 2023. С. 156.

²Дворецкий И. Х. Латинско - русский словарь: около 200 тыс. слов и словосочетаний. М.: Русский язык-Медиа, 2005. С. 262.

³Гладкий В. Д. Легенда // Словарь нумизмата. М.: Центрполиграф, 2006. С. 122.

⁴Святой Ипполит. О Христе и антихристе / пер. К. И. Невоструева. М.: Синодальная типография, 1868.

⁵URL: <https://archive.org/details/dictionnaireetymologiquealangufrancaisealbertdauzat/page/n536/mode/2up> (дата обращения: 05.10.2025).

⁶Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. С. 506.

Рис. 5. Флаг Франции с девизом Парижа перед баром «Le Carillon» (2015)

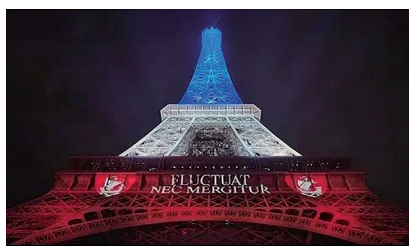

Рис. 6. Эйфелева башня (Париж, 2015)

Рис. 7. Мурал в парижском квартале Бельвиль (2015)

Рис. 8. Баннер на стадионе матча ПСЖ – Монако 21 апреля 2019 г.

Рис. 9. Форма футболистов ПСЖ

Герб и девиз Парижа в наше время

Этот девиз прозвучал в 1964 году в песне Жоржа Брассенса (1921–1981) «Les Copains d'abord» («Друзья прежде всего»), написанной для фильма Ива Робера «Les Copains»:

Ses fluctuat nec mergitur
C'était pas d'la littérature
N'en déplaie aux jeteurs
de sort
Aux jeteurs de sort
Son capitaine et ses
mat'lots
N'étaient pas des enfants
d'salauds
Mais des amis franco de port
Des copains d'abord

«Колелем, но непотопим!»
Как бы начертано над ним,
Хоть неказист корабль у нас,
Неказист у нас.
И экипаж, и капитан
Из разных мест, племен и
стран –
Не признают различья рас,
Дружба наш компас!

(Пер. А. Рубина)

В песне о мужской дружбе Брассенс, сравнивая союз друзей с командой корабля, совместно преодолевающей трудности, использовал девиз Парижа, как нельзя лучше отражающий характер парижан.

Латинский девиз получил новую жизнь после страшных терактов 13 ноября 2015 года, став главным объединяющим символом сопротивления Парижа насилию. Латинский гербовый девиз Парижа в эти трагические дни полностью раскрыл свой потенциал, подтвердив, что «именно языковой материал наиболее весомая, часто самодовлеющая информация о мире и человеке в нем» [Маслова, 2018, с. 182]. Латинский девиз (иногда вместе с изображением корабля) стал появляться сразу

же после терактов на многочисленных граффити, в стрит-арте и в социальных сетях.

Так, девиз Парижа появился уже утром 14 ноября 2015 года на стихийных мемориалах в местах терактов (см. рис. 5).

В память о жертвах терактов в цвета французского флага окрасилась Эйфелева башня, и на ней появился девиз *Fluctuat nec mergitur* (см. рис. 6).

Трогательный мурал с девизом Парижа и детским рисунком бумажного кораблика стал частью городского ландшафта парижского квартала Бельвиль (см. рис. 7).

Мы показали лишь малую часть произведений стрит-арта в Париже 2015 года, в которых различными способами, но всегда словами своего латинского девиза парижане выражали свое горе и свою боль, рассказывали о неприятии террора, о своей стойкости и любви к городу. Будучи креолизованными текстами, все эти произведения воздействуют на реципиентов и словом, и изображением, и цветом.

После пожара в соборе Нотр-Дам в 2019 году этот вечный девиз вновь напомнил парижанам о стойкости и утвердил их в надежде.

Например, на футбольном матче Пари Сен-Жермен с командой Монако на стадионе был растянут баннер с изображением собора и девизом *Fluctuat nec mergitur*. Футболисты ПСЖ вышли на поле в форме с изображением собора и надписью NOTRE DAME вместо имен, на рукаве формы располагалась эмблема с девизом Парижа (см. рис. 8 и 9).

Девиз, напоминая об опасностях, которым подвергся Париж, об ужасных революциях, которые

его потрясали, о кризисах, которым он подвергался, в то же время выражает идею жизнеспособности, непреходящей силы и стойкости как основы долгого и счастливого существования этого города.

Заключение

Мы изучили и описали герб Парижа как креолизованный текст, представляющий не только синтез иконической, вербальной и цветовой составляющих, но и единство эпох от античности до современности.

Вербальная и невербальные составляющие герба, поддерживая друг друга, имеют разный геральдический вес. Геральдический вес составляющих герба Парижа меняется и развивается в зависимости от различных эпох и обстоятельств. В настоящее время именно вербальная часть герба, девиз *Fluctuat nec mergitur*, стала его доминантой. Латинский девиз движется в ногу со временем, приобретая новые смыслы и оттенки по мере того, как город меняется и адаптируется к текущим вызовам.

Именно вербальный девиз, краткий и емкий, содержит большой пласт «невыведанного» [Маслова, 2018], что позволяет ему всякий раз в зависимости от обстоятельств обретать новые смыслы.

В наши дни девиз герба стал для парижан мощным способом рассказать историю о собственной стойкости и любви к городу перед лицом ненависти и насилия. Девиз поддержал парижан, решивших не позволять страху доминировать в их жизни, и получил сильный эмоциональный отклик.

Герб и девиз Парижа – это интереснейшее лингвокультурологическое явление, не только демонстрирующее особенности мировоззрения его жителей от античности до настоящего времени, но и представляющее собой культурный код, определяющий это мировоззрение.

Результаты этой работы могут быть использованы в дальнейших комплексных исследованиях гербов и девизов городов Франции, а также в процессе преподавания как французского, так и латинского языков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шукунда С. З. Государственные девизы США – происхождение и идеологическое содержание // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. Т. 4. № 1. С. 177–184.
2. Шукунда С. З. Латынь – язык государственных символов США (официальные девизы американских штатов) // Филологический аспект. 2017. № 6 (26). С. 29–40.
3. Лапшин И. С. Государственный девиз: понятие, значение и виды // Теория и практика общественного развития. 2023. № 3. С. 132–135.
4. Манухина А. О. Гербовые девизы крестоносцев как особый тип средневекового креолизованного текста // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 8 (876). С. 53–58.
5. Креолизованный текст: смысловое восприятие: коллективная монография / И. В. Вашунина и др. М.: Ин-т языкознания РАН, 2020.
6. Пищерская Е. Н. Креолизованный текст как объект изучения в лингвистике // Litera. 2023. № 5. С. 55–65.
7. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: URSS, 2025.
8. Маслова В. А. Основные тенденции и принципы современной лингвистики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16. № 2. С. 172–190.
9. Мэттингли Г. Монеты Рима. С древнейших времен до падения западной империи. М.: Любимая книга, 2010.
10. Виролайнен В. И. Античная нумизматика. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009.
11. Арсеньев Ю. В. Геральдика. М.: Вече, 2021.
12. Мишин В. В. Гербы Городов Франции – кавалеров Ордена Почетного Легиона // Гербовед. 2002. № 3 (57). С. 118–151.
13. Гринцер Н. П. Корабль-государство: истоки образа // Индоевропейское языкознание и классическая традиция. 2024. Т. 28. № 1. С. 422–448.

REFERENCES

1. Shukunda, S. Z. (2016). State mottos of the USA: origin and ideological grounds. Current problems in the humanities and natural sciences, 4(1), 177–184. (In Russ.)

2. Shukunda, S.Z. (2017). Latin as the language of the U.S. state symbols (official mottos of U.S. states). *Filologicheskii aspekt*, 6(26), 29–40. (In Russ.)
3. Lapshin, I. S. (2023). State Motto: Concept, Importance and Kinds. *Theory and Practice of Social Development*, 3, 132–135. (In Russ.)
4. Manuhina, A. O. (2023). Crusader coat of arms mottos as a special type of medieval creolized text. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 8(876), 53–58. (In Russ.)
5. Kreolizovannyi tekst: smyslovoe vospriyatie = Creolized text: semantic perception (2020). Vashunina, I. V. et al. Moscow: In-t yazykoznaniiya RAN. (In Russ.)
6. Pishcherskaya, E. N. (2023). Creolized text as an object of study in linguistics. *Litera*, 5, 55–65. (In Russ.)
7. Galperin, I. R. (2025). *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya = Text as an object of linguistic research*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
8. Maslova, V.A. (2018). The Main Trends and Principles of Modern Linguistics. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 16(2), 172–190. (In Russ.)
9. Mattingly, H. (2010). Roman coins from the earliest times fall of the Western Empire. Moscow: Lyubimaya kniga. (In Russ.)
10. Virolainen, V. I. (2009). *Antichnaya numizmatika = Ancient numismatics*. Petrozavodsk: Karelskii nauchnyi tsentr RAN. (In Russ.)
11. Arsenev, Yu. V. (2021). *Geraldika = Heraldry*. Moscow: Veche. (In Russ.)
12. Mishin, V. V. (2002). Gerby Gorodov Frantsii-kavalerov Ordena Pochetnogo Legiona = Coats of Arms of French Cities-cavaliers of the Legion of Honor, *Gerboved*, 3(57), 118–151. (In Russ.)
13. Grintser, N. P. (2024). The “ship of state” image – the origins of the allegory. *Indo-European Linguistics and Classical Philology Yearbook*, 28(1), 422–448. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маршалок Наталия Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры романских языков им. Т. З. Черданцевой
международно-правового факультета МГИМО МИД России

Ульянова Ирина Леонидовна

доцент кафедры романских языков им. Т. З. Черданцевой
международно-правового факультета МГИМО МИД России

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marshalok Nataliya Vladimirovna

PhD in Philology, Associate Professor
Associate Professor at the prof. Tamara Z. Cherdantseva Roman Languages Department
MGIMO University

Ulianova Irina Leonidovna

Associate Professor at the prof. Tamara Z. Cherdantseva Roman Languages Department
MGIMO University

Статья поступила в редакцию	12.12.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	17.01.2026	
принята к публикации	05.02.2026	

Мост как туристический объект: ценностные, номинативные и стилистические маркеры позиционирования в пространстве разных лингвокультур

Е. В. Мороз¹, В. А. Митягина²

^{1,2}Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

¹spicina_k@mail.ru

²mityagina@volsu.ru

Аннотация. Цель работы – определить лингвокультурную специфику репрезентации туристического объекта инфраструктурного значения «мост» в пространстве трех лингвокультур: немецкой, русской и английской на основе анализа системы ценностных, номинативных и стилистических маркеров. Основным методом выступает лингвокультурологический сопоставительный анализ межкультурной специфики в позиционировании объекта. Исследование показывает значительную дивергенцию стратегий лингвистического позиционирования однотипных инфраструктурных объектов в различных лингвокультурах. Позиционирование мостов отражает ключевые ценности и аспекты коллективной идентичности. Выявленные различия в номинативных, стилистических и ценностных маркерах в пространстве трех лингвокультур детерминированы соответствующим уникальным комплексом исторических и социокультурных факторов.

Ключевые слова: лингвокультура, туристический дискурс, позиционирование, мосты, инфраструктурный туризм, ценностные маркеры, номинативные стратегии, стилистические маркеры

Для цитирования: Мороз Е. В. Мост как туристический объект: ценностные, номинативные и стилистические маркеры позиционирования в пространстве разных лингвокультур / Е. В. Мороз, В. А. Митягина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2 (908). С. 91–97.

Original article

The Bridge as a Tourist Attraction: Value, Nominative and Stylistic Markers of Positioning in the Space of Different Linguistic Cultures

Ekaterina V. Moroz¹, Vera A. Mityagina²

^{1,2}Volgograd State University, Volgograd, Russia

¹spicina_k@mail.ru

²mityagina@volsu.ru

Abstract. The aim of this study is to identify the cognitive mechanisms underlying the metaphorical conceptualization of inebriation in the Russian language. The material comprises 377 metaphorically motivated nominations selected from ideographic dictionary of alcoholic expressions. The methodology involves analyzing the internal form of expressions, comparing them with their semantic meaning, and classifying them into invariant metaphorical projections. As a result, 12 major projections and 105 metaphorical models were identified, reflecting both embodied experiences and sociocultural metaphorical interpretations of inebriation.

Keywords: linguoculture, tourist discourse, positioning, bridges, infrastructural tourism, value markers, nominative strategies, stylistic markers

For citation: Moroz, E. V., Mityagina, V. A. (2026). The Bridge as a Tourist Attraction: Value, Nominative and Stylistic Markers of Positioning in the Space of Different Linguistic Cultures. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2(908), 91–97. (In Russ.)

Введение

Туристический дискурс являет собой сложное многомерное коммуникативное пространство, в котором физические объекты посредством вербализации приобретают символическое значение. Объекты инфраструктурного значения, предназначенные для утилитарных целей, всё чаще становятся точками притяжения туристов. Тексты туристического дискурса формируют привлекательный образ инфраструктурных объектов, повышая уровень их узнаваемости и популярности, превращая их в туристический «магнит». Данные тексты позиционируют объект с учетом экстралингвистических, прагматических, социокультурных, психологических и иных факторов [Митягина, 2007].

Аттрактивный имидж объекта достигается посредством детерминации его ценностных составляющих, эксплицируемых номинативными средствами и стилистическими маркерами. Мост как один из древнейших, символически нагруженных инфраструктурных объектов выступает в качестве фокусного феномена в исследовании лингвокультурных кодов, формирующих образ позиционируемого объекта в туристическом дискурсе. Мост не только выступает связующим дорожно-транспортным элементом градостроения, но и может представлять историческую ценность, выступать памятником архитектуры, являясь визитной карточкой города и его узнаваемым элементом.

Сегодня наблюдается активный рост популярности инфраструктурного туризма (мосты, небоскрёбы, дамбы) становятся самостоятельными точками притяжения. Однако большая часть лингвистических работ посвящена исследованию историко-культурных объектов (галерей, музеев, театров и т. д.), а инфраструктурные объекты остаются на периферии лингвистических исследований. Кроме того, эффективное продвижение подобных объектов требует осмысления культурно-специфических языковых механизмов влияния на потенциального туриста.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили тексты туристического дискурса в формате немецкоязычных, русскоязычных и англоязычных отзывов о посещении моста как объекта туристического интереса на платформе с отзывами реальных

путешественников *Tripadvisor* объемом около 200 тыс. печатных знаков.

Критериями отбора материала для данного исследования стали: культурно-символическое значение позиционируемого объекта, временной период (анализировались отзывы, размещенные в период с 2021–2025 годы), объем текста (развернутый отзыв объемом не менее 500 п. з.), язык оригинала.

Основным методом исследования выступил лингвокультурологический сопоставительный анализ с целью определения особенностей позиционирования объекта в межкультурной парадигме, который дополнен методами интерпретативного и контекстуального анализа.

Теоретические предпосылки

Вопросы позиционирования объекта в текстовых репрезентациях подкрепляются идеями ведущих ученых в парадигме коммуникативной лингвистики – Н. Д. Арутюновой, В. И. Карасика, Г. С. Атакьян, Э. Ю. Новиковой и др. [Арутюнова, 1990; Карасик, 2015; Атакьян, 2010; Новикова, 2018].

В работе используется функционально-коммуникативный подход, который трактует дискурс как фундаментальную форму повседневной практики, представляющую собой сложное коммуникативное явление. Помимо собственно текста, оно включает экстралингвистические факторы (фооновые знания, установки, интенцию, цели адресата), без которых его понимание невозможно [Демьянков, 1995].

По мнению В. И. Карасика, сущность дискурса невозможно понять вне коммуникативного контекста, что отражено в определении дискурса как «текста, погруженного в ситуацию общения». Ученый позиционирует дискурс как феномен, занимающий промежуточное положение между динамическими аспектами языка (речь, общение, языковое поведение) и его статическим результатом (фиксированный текст). С лингвистической точки зрения дискурс представляет собой процесс живого коммуникативного взаимодействия, для которого характерны многочисленные отступления от норм и правил канонической письменной речи [Карасик, 2002].

Туристический дискурс представляет собой комплексную коммуникативную систему, отличающуюся гибридным характером и элементами рекламного

дискурса, содержащимися в макроструктуре реализующего его текстов [Филатова, 2012].

Л. П. Тарнаева и В. В. Дацюк сделали вывод, что туристический дискурс выступает самостоятельным типом дискурса. Данному виду присущи тематическая направленность, ориентация на определенного адресата, уникальность и оригинальность цели, особый набор языковых средств и разнообразии жанров [Тарнаева, 2013].

Необходимо учитывать интердискурсивную и гибридную природу туристического дискурса, который вбирает в себя черты рекламного, информационного, инструктивного (гид-текст) и географического дискурсов, при анализе текстов, позиционирующих туристические объекты¹.

Тексты туристического дискурса характеризуются спецификой лексического состава, жанрово-стилистическими особенностями, специфическими коммуникативными стратегиями и тактиками. Реализуемые в данных текстах стратегии детерминированы целями коммуникации, их можно разделить на две группы: аргументативные и манипулятивные [там же].

Коммуникативные интенции в рамках туристического дискурса детерминируются комплексом экстра- и интралингвистических факторов. Указанные факторы обуславливают генезис когнитивных и поведенческих паттернов потенциального туриста, а также моделируют специфику их социокультурного взаимодействия [Митягина, 2007].

Вербальная репрезентация данных интенций осуществляется участниками коммуникативного события (агентами дискурса – туристами, турсоператорами, гидами) посредством реализации иллокутивных актов информирования, убеждения и побуждения [там же].

Выбор коммуникативных тактик в туристическом дискурсе прагматически обусловлен сверхзадачей формирования благоприятного образа туристической дестинации для стимулирования туристического интереса. В рамках данного подхода центральными прагматическими задачами являются: стратегическое позиционирование объекта, создание аттрактивного уникального туристического предложения, использование аргументации к авторитету, актуализация конкурентных преимуществ и демонстрация экономической целесообразности инвестирования в предлагаемый туристический опыт.

Комплексное применение лингвопрагматических средств служит достижению ряда перлокутивных эффектов: привлечения внимания, формирования доверия к экспертной компетенции

¹Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учебное пособие. М.: Либроком, 2009.

адресанта, стимуляция интереса и, в конечном итоге, мотивации к совершению туристической поездки.

В основу исследования положена гипотеза о культурно обусловленных расхождениях ценностных, номинативных и стилистических маркеров репрезентации моста в текстах туристического дискурса русской, немецкой и английской лингвокультур. Предполагается, что в этих лингвокультурах существуют различия в номинации, стилистике и прагматике описания мостов, обусловленные историческими, географическими и социокультурными факторами.

Результаты

Анализ текстов, позиционирующих мост как объект туристического интереса, выявил расхождение ценностных, номинативных и стилистических маркеров в немецкой, русской и английской лингвокультурах.

Ценностные маркеры

Волгоградский «танцующий» мост выступает важным инфраструктурным объектом:

...строительство моста реализовало задачу **соединить два берега** Волги и **разгрузить плотину Волжской ГЭС**;

а также частью комплексного масштабного строения:

...мост через реку Волгу входит в **огромный комплекс** мостового перехода через реки Ахтуба и Волга протяженностью которого составила **6,5 км**, из которых **2,2 – мосты**, путепроводы и эстакады.

В народе мост известен как «танцующее сооружение»:

...**танцующим** его прозвали из-за того, что однажды во время сильного ветра амплитуда вертикальных колебаний дорожного полотна моста по разным оценкам дошла почти до метра. **Никакие Американские горки не нужны.**

Стоит отметить имплицитно выраженную иронию, поскольку название моста отражает нарушенную ценность безопасности колебаниями.

²Цитирование по Волгоградскому мосту, если не указано иное: URL: https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g298537-d4942394-Reviews-Bridge_Across_River_Volga-Volgograd_Volgograd_Oblast_Southern_District.html (дата обращения: 13.10.2025). В цитированиях сохранена оригинальная орфография и пунктуация

Мост считается *долгостроем* и ассоциируется с *пляжным* направлением:

...*строился долго и мучительно* с 1996 года вплоть до 2020 года; ...теперь по мосту можно *быстро и легко попасть* на другую сторону Волги, где расположены замечательные *пляжи*.

Отметим также противоречивое сочетание стихийности и порядка. С одной стороны, проектирование моста вышло из-под контроля, с другой стороны, имеет место код *нет ничего невозможного*, так как исправить технические недостатки удалось.

Мост рассматривается как современное сооружение с обзором на город:

...*красивое, удобное и современное сооружение* в несколько полос. С моста открываются *отличные виды* на город, реку и Мамаев курган.

Мост также наделен эстетической функцией:

...в вечернее время мост, а также расположенные недалеко от него стадион «Волгоград-Арена» и колесо обозрения ЦПКИО *красиво подсвечиваются и создают очень изящную «картинку»*, которой приятнее всего любоваться с нижней части набережной или с борта идущего по реке теплохода.

Бруклинский мост позиционируется как узнаваемый инженерный шедевр, реализующий транспортную функцию, соединяя районы Манхэттен и Бруклин:

Another of New York's *most recognizable symbols* is the Brooklyn Bridge, which links the Manhattan and Brooklyn boroughs!¹ – Еще *одним из самых узнаваемых символов* Нью-Йорка является Бруклинский мост, который соединяет районы Манхэттен и Бруклин!²

Подчеркивается масштаб и инновационность строения. Мост выражает ценности американской мечты и прогресса, показывая, что любая цель достижима, поскольку его возведение было колоссальным риском, требующем веры в то, что строительство реально:

It was built between 1870 and 1883 and its time was an *emblem of engineering by using steel* as a construction material used on *a large scale*, and was also *the*

¹Цитирование по Бруклинскому мосту. URL: https://www.tripadvisor.com/Attraction_Review-g60763-d102741-Reviews-Brooklyn_Bridge-New_York_City_New_York.html (дата обращения: 13.10.2025).

²Зд. и далее перевод наш. – Е. М., В. М.

largest suspension bridge in the world! – Мост строился в период с 1870 по 1883 год и в свое время стал *символом инженерного искусства* благодаря *широкому использованию стали* в качестве строительного материала, а также считался *самым большим подвесным мостом в мире!*

Мост выражает ценности *индивидуализма и свободы*, являясь популярным местом прогулок, пробежек и фотосессий. Параллельно мост выступает популярной кинематографической локацией и важной туристической достопримечательностью Нью-Йорка, привлекающей тысячи посетителей:

...we were *watching in the movies* then to see and to be there were fantastic. – ...*Мы видели мост в кино, а затем увидели вживую, и быть там было потрясающе;*

...it will be *quite crowded*. If you have *a phobia towards crowds*, I would avoid it. – Там будет *довольно многолюдно*. Если вас *пугают толпы людей*, лучше обойти это место стороной.

Мост также наделен мощным культурно-историческим значением:

It's a beautiful structure and an important part of our city's history. – *Прекрасное сооружение является важной частью истории нашего города.*

Мост предлагает прекрасную фотолокацию с восхитительным видом на город, являясь публичным пространством для самовыражения, подчеркивая ценности индивидуализма и свободы.

Several good photo spots along the way and on the other side. *Stunning skyline views, lively atmosphere, and plenty of photo opportunities.* – Есть несколько *хороших мест для фотосъемки* по пути и на другой стороне. *Потрясающие виды на город, оживленная атмосфера и множество ракурсов для съемки.*

Мост Гогенцоллернов выступает не только важным транспортным узлом, обеспечивающим движение поездов, велосипедов и пешеходов, но и наделен особым символическим значением, известен как *мост любви*, отражает концепты *любви и верности*:

Die Hohenzollernbrücke wird auch die *Liebeschloss-Brücke* Kölns genannt. Inzwischen *schmücken* sie ca. *340.000 Schlösser von Verliebten*³. – Мост

³Цитирование по мосту Гогенцоллернов. URL: https://www.tripadvisor.de/Attraction_Review-g187371-d2251286-Reviews-or10-Hohenzollern_Bridge-Cologne_North_Rhine_Westphalia.html (дата обращения: 10.10.2025).

Гогенцоллернов также называют **мостом замков любви** в Кельне. В настоящее время мост **украшен около 340 000 замками влюбленных**.

Кроме того, мост отражает ценность индивидуального жеста в рамках коллективной традиции. Мост – не просто сооружение, а хранитель личных историй.

Мост пользуется популярностью не только у туристов, но и у местных жителей:

Die Brücke ist auch bei Einheimischen so **beliebt**, dass ihr **von der hiesigen Karnevalsband „De Höhner“ ein Lied gewidmet wurde**. – Мост также настолько **популярен** среди местных жителей, что **местная карнавальная группа «De Höner» посвятила ему песню**.

Отметим, что этот мост был разрушен во время войны и восстановлен к 8 мая 1948 года. Это символизирует ценность восстановления, мощи *Wirtschaftswunder* (экономического чуда) и памяти о прошлом.

Мост функционирует как обзорная площадка и служит визитной карточкой города:

Sie haben **einen guten Blick auf die Kathedrale und den Fluss**. – С моста открываются **прекрасные виды на собор и реку**.

Die Hohenzollernbrücke **ist** neben dem Dom und dem Rhein **eine Ikone Kölns**. – Мост Гогенцоллернов, наряду с собором и рекой Рейн, **является иконой Кельна**.

Мост назван в честь правящей династии Гогенцоллернов **Hohenzollernbrücke**, что отражает ценность истории, монархического прошлого и связи современного и прошлого.

Подчеркивается возраст, масштаб и эстетическая уникальность архитектурного строения:

Die älteste Brücke wurde zwischen 1907 und 1911 gebaut. **Massive neo-römische Portale mit großen Türmen** wurden auf beiden Seiten der Brücke gebaut, **verziert mit Reiterstatuen von Königen und Kaisern**. – **Старинный мост** построен в период между 1907 и 1911 годами. По обе стороны моста возведены **массивные неороманские порталы с большими башнями, украшенные конными статуями королей и императоров**.

Таким образом, в русскоязычной лингвокультуре мост рассматривается как инфраструктурный объект, реализующий утилитарные функции и наделен наименьшей символической нагрузкой, эксплицирующей самоиронию и умение посмеяться над неудачей, ценности «масштаба» и «мощи», а также концепта «всё исправимо, нет

ничего невозможного»; в английской лингвокультуре мост отражает ценности американской мечты и прогресса, амбиций, индивидуализма и свободы; в немецкой лингвокультуре мост представлен маркерами ценности истории, преемственности, любви и верности, памяти, возрождения, экономической мощи, функциональности и надежности.

Номинативные и стилистические маркеры

Официальное название «Волгоградский мост» стилистически нейтральное, ничего не выражает, кроме локации. Узуальное название «Танцующий мост» практически полностью вытеснило официальное в повседневной речи. Данная номинация характеризуется метафоричностью и ироничностью. Номинация «танцующий» выступает эвфемизмом, смягчающим инженерную ошибку и сглаживающим через иронию опасения относительно безопасности объекта. В описаниях моста частотны метафоры, выражающие концепты *катастрофы* и *чуда*: *мост живет своей жизнью*, сравнения с катастрофами: *как в фильме-ужасов, сцена из апокалипсиса*, метафоры из мира техники и природы: *заводной механизм, змея*. Колебания моста 2010 года породили огромное количество мемов, шуток и ироничных высказываний: *мост решил, что он не мост, а качели*.

Официальное название *Brooklyn Bridge* максимально просто, функционально и географически. Указывает направление, куда ведет мост (из Манхэттена в Бруклин), совпадает с узуальным, что говорит о том, что официальное название стало иконическим. Номинация стилистически нейтральна. Стилистические маркеры демонстрируют восхищение и пафос через эпитеты: *iconic – культовый; legendary – легендарный; a masterpiece of engineering – шедевр инженерной мысли; symbol of American ingenuity – символ американской изобретательности*.

В описании моста частотны метафоры достижения и прогресса: *a marvel of engineering – чудо инженерии; testament to human ambition – свидетельство человеческой амбициозности*, а также кинематографические и литературные аллюзии, поскольку мост стал «героем» многочисленных фильмов, сериалов, книг и песен, что формирует его романтизированный образ и отражено в номинациях: *postcard view – вид как на открытке; the backdrop of countless movies – декорация для бесчисленных фильмов*. Упоминание моста часто встречается в метафорах в значении *достижения мечты* или *преодоления препятствий*: *selling the Brooklyn Bridge – воспользоваться чьей-то доверчивостью*, так как Бруклинский мост – грандиозное сооружение, которое невозможно продать.

Название моста в немецкой лингвокультуре в честь правящей династии Гогенцоллернов указывает на ценность истории, монархического прошлого, связи времен. Номинация моста не несет эмоциональной окраски и стилистически нейтральна, указывает лишь на исторический мотив номинации. Узуальное название *Liebesschloss-Brücke* указывает на важность социокультурного концепта: *любовь* и *верность*. Также встречаются иные узуальные номинации: *Brücke der Liebe – мост любви*; *ewige Liebe – вечная любовь*; *Liebesschloss – замок любви*. В описании моста частотны номинации, подчеркивающие его *мощь (Macht)*, *величие (Größe)* и *незыблемость (Beständigkeit)* как части национального наследия.

Анализ показал, что образ «танцующего моста» сформирован уникальным инцидентом с колебаниями, что привело к яркому, ироничному и сенсационному позиционированию моста.

В немецкой лингвокультуре мост Гогенцоллернов является многогранным символом, сочетающим историческую память, инженерный прагматизм и романтизацию.

В англоязычной лингвокультуре Бруклинский мост – это прежде всего мифологизированный символ американской мечты, инженерного гения и неувядающей славы Нью-Йорка. Его образ создается через лексику величия, прогресса, романтики и массовой культуры.

Заключение

Ценностные, номинативные и стилистические маркеры выступают ключевыми инструментами

трансформации утилитарного инфраструктурного объекта в культурно значимый туристическим символ, отражающий исторически сложившиеся культурные коды.

Проведенное исследование подтвердило гипотезу о расхождениях в позиционировании одного и того же вида инфраструктурного объекта в разных лингвокультурах.

Позиционирование мостов в туристическом дискурсе выступает как сложный лингвокультурный феномен, репрезентирующий ценности и идентичность лингвокультуры. В немецкой, русской и английской лингвокультурах обнаружены расхождения в номинативных, стилистических и ценностных маркерах, обусловленные историческими и социокультурными особенностями трех лингвокультур.

Выявленные ценностные, номинативные и стилистические маркеры являются отправной точкой для углубления в проблематику и расширения горизонтов исследования.

Дальнейшее изучение лингвистических и экстралингвистических особенностей позиционирования объекта в туристическом дискурсе позволит разработать кросс-культурные стратегии маркетинга и углубить понимание социологии туризма, оптимизировать международную коммуникацию и сформировать прочные взаимосвязи междисциплинарных исследований в сфере туризма, лингвистики текста и переводоведения. Данный подход позволит не только описать существующие практики, но и разработать прогностические модели эффективного позиционирования туристических объектов в глобальном цифровом пространстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Митягина В. А. Социокультурные характеристики коммуникативного действия: монография. Волгоград: ВолГУ, 2007.
2. Арутюнова Н. Д. Прагматика. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
3. Карасик В. И. Самопрезентация в рекламном дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. № 4 (20). С. 32–43.
4. Атакьян Г. С. Прагматика языка туристической рекламы: дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2010.
5. Новикова Э. Ю. Жанровые, ценностные и транслатологические характеристики международного туристического дискурса в немецкой и русской лингвокультурах: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2018.
6. Демьянков В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 239–320.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
8. Филатова Н. В. Жанровое пространство туристического дискурса // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. 2012. № 2. С. 76–82.
9. Тарнаева Л. П. Туристический дискурс: лингвопрагматические характеристики / Л. П. Тарнаева, В. В. Дацюк // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2013. Вып. 3. С. 230–235.

REFERENCES

1. Mityagina, V. A. (2007). Sociocultural characteristics of communicative action: monograph. Volgograd: Volgograd State University. (In Russ.)
2. Arutyunova, N. D. (1990). Pragmatika. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' = Pragmatics. Linguistic encyclopedia / ch. ed. V. N. Yartsev. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.)
3. Karasik, V. I. (2015). Self-presentation in advertising discourse. Actual problems of philology and pedagogical linguistics, 4(20), 32–43. (In Russ.)
4. Atakyan, G. S. (2010). Pragmatika yazyka turisticheckoi reklamy = Pragmatics of the language of tourist advertising: PhD thesis in Philology. Maikop. (In Russ.)
5. Novikova, E. Y. (2018). Zhanrovye, tsennostnye i translatsionologicheskie kharakteristiki mezhdunarodnogo turisticheckogo diskursa v nemetskoi i russkoi lingvokul'turakh = Genre, value and translational characteristics of the international tourist discourse in German and Russian linguistic cultures: Senior doctoral thesis in Philology. Volgograd. (In Russ.)
6. Demyankov, V. Z. (1995). Dominiruyushchie lingvisticheskie teorii v kontse XX veka = Dominant linguistic theories at the end of the 20th century. In Stepanov Yu. S. (ed.) Language and science of the end of the 20th century (pp. 239–320). Moscow: RSHU. (In Russ.)
7. Karasik, V. I. (2002). Yazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs = The linguistic circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena. (In Russ.)
8. Filatova, N. V. (2012). Genre space of tourist discourse. Bulletin of the Moscow State University of Humanities. M. A. Sholokhov University, 2, 76–82. (In Russ.)
9. Tarnayeva, L. P., Datsyuk, V. V. (2013). Tourist discourse: linguistic and pragmatic characteristics. Bulletin of St. Petersburg State University, 9(3), 230–235. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мороз Екатерина Витальевна

аспирант
кафедры теории и практики перевода и лингвистики
Волгоградского государственного университета

Митягина Вера Александровна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры теории и практики перевода и лингвистики
Волгоградского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Moroz Ekaterina Vitalievna

PhD Student
Translation Theory and Practice and Linguistics Department
Volgograd State University

Mityagina Vera Alexandrovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Translation Theory and Practice and Linguistics Department
Volgograd State University

Статья поступила в редакцию	12.12.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	17.01.2026	
принята к публикации	05.02.2026	

От хронологической переменной к дискурсивной идентичности: переосмысление возраста в лингвистике

М. А. Хатламаджиян

*Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия
margarita22@yandex.ru*

Аннотация. Цель исследования – теоретически обосновать введение категории дискурсивного возраста как лингвистического инструмента анализа возрастной идентичности. В качестве материала рассматриваются ключевые концепции в социолингвистике, когнитивной лингвистике и лингвокультурологии. Методология исследования включает интерпретативный, дискурсивный и сравнительно-аналитический подходы. В результате показано, что возраст в языке репрезентируется не только как хронологическая величина, но и как ситуативно воспроизводимая коммуникативная позиция. Вводится понятие дискурсивного возраста – ситуативно и динамически воспроизводимой идентичности, когнитивно, культурно и прагматически мотивированной, формируемой и репрезентируемой субъектом в процессе речевой деятельности.

Ключевые слова: возраст, дискурсивный возраст, поколение, возрастная идентичность, когортная принадлежность, речевое позиционирование

Для цитирования: Хатламаджиян М. А. От хронологической переменной к дискурсивной идентичности: переосмысление возраста в лингвистике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2 (908). С. 98–107.

Original article

From Chronological Variable to Discursive Identity: Rethinking Age in Linguistics

Margarita A. Khatlamadzhiyan

*Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia
margarita22@yandex.ru*

Abstract. The aim of this article is to provide a theoretical justification for introducing the category of discursive age as a linguistic tool for analysing age-related identity. The study draws upon key concepts developed within sociolinguistics, cognitive linguistics, and linguoculturology. The methodological framework combines interpretative, discursive, and comparative-analytical approaches. The findings demonstrate that age in language is represented not only as a chronological parameter but also as a situationally reproduced communicative position. The concept of discursive age is introduced as a situationally and dynamically constructed identity, cognitively, culturally, and pragmatically motivated, shaped and represented by the speaker in the course of verbal interaction.

Keywords: age, discursive age, generation, age identity, cohort affiliation, interactional positioning

For citation: Khatlamadzhiyan, M. A. (2026). From chronological variable to discursive identity: rethinking age in linguistics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(908), 98–107. (In Russ.)

Введение

Проблема возрастной и поколенческой вариативности языка остается одной из ключевых в социолингвистике, прагмалингвистике и лингвокультурологии. Язык тесно связан с биографией и жизненным опытом носителя, а возраст как один из важнейших маркеров социокультурной идентичности находит отражение в речевых привычках, выборе жанров, коммуникативных стратегиях и стилистических предпочтениях. Тем не менее трактовка возраста как лингвистической категории остается неоднозначной и вызывает как теоретические, так и методологические споры.

В современной социолингвистике возраст рассматривается не только как количественно измеримая переменная, но и как социально конструируемая категория. Этот сдвиг связан с переосмыслением возраста от хронологической характеристики к динамической позиции субъекта в дискурсе, отражающей социальные роли, когортную принадлежность и коммуникативные практики.

Релевантность обращения к понятию возраста как дискурсивной категории возрастает в условиях быстрой смены культурных кодов, медиа-реалий и социальных норм, когда возрастная идентичность все чаще выражается через язык косвенно: через жанровые предпочтения, лексические инновации, речевые маркеры и культурно значимые символы. В отечественной лингвистике данный подход развивается в рамках концептологических и прагмалингвистических исследований, рассматривающих возраст как прагматически маркируемую позицию, репертуар смыслов и когнитивно-дискурсивный ресурс [Енина, 2016; Борисова, 2019; Михайлова, 2021].

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- выявление методологических ограничений традиционных социолингвистических подходов к возрастной вариативности;
- теоретическое обоснование категории *дискурсивного возраста* как когнитивно, культурно и прагматически мотивированной идентичности;
- описание ключевых характеристик *дискурсивного возраста*, определяющих его структуру, функции и лингвистический статус в системе коммуникативных категорий.

Актуальность работы определяется необходимостью переосмысления устоявшихся представлений о возрасте как статистической переменной и перехода к интерпретативной, динамической модели, отражающей многообразие форм возрастной самоидентификации в современной языковой

практике. Так, в ряде работ подчеркивается значимость анализа возраста как динамически воспроизводимой позиции в дискурсе, что требует отказа от исключительно статистического подхода [Wagner, 2012; Burnett, 2024]. Особенно показателен интерпретативный подход J. Cheshire, в котором возраст рассматривается сквозь призму контекстуальных и коммуникативных факторов [Cheshire, 2006]. Отечественные исследования также демонстрируют необходимость включения возрастной идентичности в поле дискурсивной репрезентации, подчеркивая когнитивную, аксиологическую и прагматическую природу возрастных смыслов [Енина, 2016; Борисова, 2019; Лаптева, 2025]. Таким образом, данное исследование опирается на актуальные междисциплинарные наработки и вносит вклад в развивающуюся теоретическую рамку анализа возраста как дискурсивной категории.

Научная новизна исследования состоит в разработке и теоретическом обосновании категории *дискурсивного возраста* как самостоятельного инструмента лингвистического анализа, позволяющего рассматривать возраст не как количественно измеримую переменную, а как ситуативно воспроизводимую, когнитивно и культурно мотивированную идентичность, формируемую и интерпретируемую в процессе речевого взаимодействия. Представленный в статье подход преодолевает традиционное понимание возраста как внешнего, демографически фиксированного параметра и переводит его в разряд дискурсивных позиций, динамически конституируемых в структуре социального общения. В этом заключается ключевое теоретико-методологическое новшество работы: возраст осмысливается не как данность, а как коммуникативно значимый и интерпретативно воспроизводимый феномен, отражающий систему ролевых, когнитивных и аксиологических отношений между участниками коммуникации. Тем самым возрастная идентичность предстает не как отражение биографических параметров, а как динамическая форма социальной самопрезентации, актуализируемая в языке и через язык.

Практическая значимость работы определяется как в области дальнейшего лингвистического анализа идентичности, так и в потенциальном выходе за пределы узкопрофессионального научного поля – в сферу критической геронтологии, социологии поколений. Переход к рассмотрению возраста как дискурсивного конструкта открывает возможности для изучения механизмов возрастной категоризации, стигматизации и символического доминирования в коммуникации, а также для выявления стратегий межпоколенческого взаимодействия и репрезентации когортных различий в языке.

Теоретические основания изучения возраста в лингвистике

Для обоснования предлагаемого подхода необходимо обратиться к существующим теоретическим моделям, в которых по-разному трактуется природа возрастной вариативности. Рассмотрение ключевых концепций, от вариационной социолингвистики до когнитивно-дискурсивных подходов, позволит выявить ограничения традиционных интерпретаций и обосновать необходимость введения новой категории – дискурсивного возраста.

Понимание возраста как значимой переменной в языке уходит корнями в вариационную социолингвистику, основополагающие положения которой были сформулированы американским лингвистом В. Лабовым (W. Labov). В его фундаментальных работах «Principles of Linguistic Change» возраст выступает как инструмент фиксации и объяснения языковых изменений [Labov, 1994; Labov, 2001; Labov, 2010]. Основу методологического подхода составляет концепт *apparent time* (*мнимое время*), позволяющий реконструировать языковую эволюцию путем сопоставления речевых данных представителей разных возрастных групп в пределах одного синхронного среза. Предполагается, что речевое поведение взрослого человека сохраняет стабильность, и потому различия между поколениями можно трактовать как следствие языковых изменений.

Применение данной модели позволяет выявить внутреннюю противоречивость категории возраста. С одной стороны, она используется как инструмент анализа изменений, происходящих во времени (*change in progress*); с другой – проявляется как возрастная градация (*age grading*), т. е. наблюдаются повторяющиеся паттерны, характерные для определенных стадий жизненного цикла.

Особого внимания заслуживает обнаруженная ученым криволинейная зависимость между возрастом и активностью в языковом изменении. Согласно его наблюдениям, участниками инновационных процессов чаще всего становятся представители младших и средних возрастных групп, в то время как дети еще не владеют всеми средствами системы, а пожилые менее склонны к принятию новых форм. На этом основании формируется модель, в которой возраст оказывается индикатором социальной включенности и активного речевого выбора.

Отметим, что **данный подход В. Лабова сохраняет акцент на возрасте как внешнем, количественно измеримом параметре**. Даже в третьем томе (*Cognitive and Cultural Factors*, 2010), где

внимание уделяется интерпретации, когнитивным ограничениям и перцептивным искажениям, возраст остается статистической рамкой анализа. Несмотря на обращение к понятию индивидуальной вариативности и социальных сетей, возрастная идентичность не рассматривается как дискурсивно конструируемая, а воспринимается как фон для языковых изменений. Возраст функционирует преимущественно как статистическая категория, не обладающая собственной семантической или коммуникативной нагрузкой.

Подобный взгляд на возраст как устойчивую переменную сохраняется и в современных исследованиях. Так, например, в одном из них возрастная градация объясняется не только социальными ролями, но и биологическими и когнитивными механизмами, что подчеркивает прочность речевых паттернов, свойственных определенным стадиям жизненного цикла [Hejna, 2022]. Такой подход закрепляет представление о возрасте как предопределяющем факторе языкового поведения, а не как интерпретируемой позиции.

Принципиальный сдвиг в интерпретации категории возраста предлагает Дж. Чешир (J. Cheshire), чьи работы знаменуют собой переход от понимания возраста как внешней переменной к рассмотрению его как **социально и коммуникативно значимой позиции**, которую субъект занимает в определенных условиях взаимодействия. Возраст рассматривается в четырех взаимосвязанных измерениях: хронологическом, биографическом, социальном и контекстуальном. Такое разграничение позволяет выйти за пределы механистического объяснения вариативности и перейти к анализу социальных ролей, норм и ожиданий, с которыми соотносится языковое поведение индивида в разных возрастных группах [Cheshire, 2006].

Особый интерес представляет идея возрастной идентичности как дискурсивного конструкта, создаваемого в речевых практиках. По мнению ученого, возраст – это не только биологическая или календарная категория, но и репрезентируемая позиция, через которую говорящие осмысливают себя и других в социальных взаимодействиях. Так, например, использование определенных дискурсивных маркеров, сленга или прагматических стратегий может быть не просто отражением возраста, а средством его символического воспроизводства.

Дж. Чешир также указывает на то, что возрастные особенности речи обусловлены не только индивидуальными траекториями, но и социокультурной динамикой поколений, которая формирует фон для языковых инноваций. Молодежная речь в этом контексте интерпретируется

не как отклонение, а как механизм групповой солидарности, а также как площадка для экспериментального языкового поведения. Представители подростково-молодежной группы чаще вовлечены в процессы языковых изменений, что связано не столько с биологическими особенностями, сколько с их стремлением обозначить свою социальную позицию и доступом к релевантным коммуникативным ресурсам. Тем самым Дж. Чешир существенно расширяет представление о возрасте, отказываясь от его редукции к количественным характеристикам и подчеркивая интерпретативную и реляционную природу возрастной идентичности. Язык, в модели автора, не просто отображает возраст, но и конструирует его в контексте социальной и прагматической обусловленности. Это приближает понятие возраста к разряду категорий, подобных гендеру или классу, которые проявляются в речи не напрямую, а через совокупность коммуникативных практик.

На фоне интерпретативных подходов показательна и позиция Сали А. Тальямонте (Sali A. Tagliamonte), представляющей эмпирическую традицию вариационной социолингвистики. Работы ученого ориентированы на количественный анализ языковых данных и выделение устойчивых лингвистических переменных, позволяющих фиксировать возрастную градацию и отслеживать динамику языковых изменений. В центре ее внимания повторяющиеся паттерны речевого поведения, связанные с определенными возрастными стадиями и стадиями жизненного цикла. В отличие от дискурсивных трактовок, подход Сали А. Тальямонте позволяет выявлять статистически значимые корреляции между возрастом и языковыми формами, сохраняя при этом ориентацию на социальный контекст как необходимое условие интерпретации [Tagliamonte, 2012]. Ее подход обеспечивает эмпирическую надежность наблюдений, которые затем могут быть соотнесены с более гибкими концепциями возрастной идентичности.

Рассмотренный выше подход Дж. Чешир демонстрирует, что возраст в языке не может интерпретироваться исключительно как биологическая шкала. Вместо этого он функционирует как социальная и прагматическая категория, артикулируемая через дискурсивные практики. Этот тезис получает дальнейшее развитие в другой работе, где исследователь предлагает рассматривать возраст не только как биологическую или демографическую переменную, но и как динамическую категорию, тесно связанную с идентичностью, социальными ожиданиями и дискурсивным позиционированием индивида [Wagner, 2012, с. 371].

Особое внимание ученый уделяет различию между возрастной градацией и когортными изменениями, отмечая, что их смешение способно привести к ошибочным выводам о характере языковых сдвигов. Возрастная градация предполагает повторяющиеся паттерны речевого поведения, свойственные определенным стадиям жизненного цикла (например, использование нестандартных форм в подростковом возрасте), тогда как когортные изменения фиксируют устойчивые трансформации, происходящие на уровне языкового сообщества. Для точной интерпретации этих процессов необходимо учитывать как историческое измерение, так и ситуативную динамику. Исследователь обращает внимание на то, что языковое поведение может служить маркером возрастной или поколенческой позиции. Этот вывод имеет важное следствие: даже, если человек не осознает принадлежность к конкретной когортной группе, его языковое поведение может быть маркером генерационной или возрастной позиции, распознаваемой другими участниками коммуникации. Возрастные различия фиксируются не только как характеристика индивида, но и как интерпретативный ресурс, доступный другим участникам речевого взаимодействия.

Схожую интерпретативную рамку предлагают и другие исследователи, рассматривающие лингвистические переменные как элементы «дискурсивных миров», формируемых в процессе взаимодействия [Burnett, 2024]. В их модели возраст – не фиксированная демографическая категория, а прагматически производимая позиция, актуализирующаяся через дискурсивные практики. Такой подход концептуально усиливает необходимость перехода от статичных социолингвистических переменных к динамическим формам идентичности, среди которых возраст все отчетливее проявляется как дискурсивно конструируемый ресурс.

Если в англоязычной социолингвистике возраст анализируется преимущественно как переменная, значимая для интерпретации языковых изменений или построения социальной идентичности, то в отечественной лингвистике все более очевидным становится сдвиг от переменной к концепту, а затем к дискурсивной позиции субъекта. Такой поворот связан с развитием лингвокультурологического и когнитивно-дискурсивного подходов, в которых возраст понимается как неотъемлемая часть картины мира, вербализуемая в речи, закрепленная в культурных сценариях и регулирующая коммуникативное поведение.

Существенный вклад в развитие данного направления вносит Г. Г. Слышкин, рассматривающий лингвокультурные концепты как сложные

ментальные образования, формирующиеся в результате включения фрагментов познаваемого мира в культурный контекст и их вербализации в языке. В рамках этого подхода возрастные категории, такие как *детство, молодость, зрелость, старость*, могут интерпретироваться не только как обозначения биологических стадий, но и как культурно опосредованные смысловые комплексы, включающие когнитивные, аксиологические и поведенческие компоненты. Возраст предстает как важная часть коллективного сознания, регулирующая речевое поведение и отражающая систему ценностей социума [Слышкин, 2004].

Дополняя концептологическое измерение, В. И. Карасик в рамках дискурсивной персонологии трактует возраст как одну из ролевых переменных, входящих в состав многомерной языковой личности. Возраст, наряду с социальным статусом, гендером, коммуникативной установкой и типом дискурса, рассматривается как значимый параметр ролевой идентичности, который может актуализироваться в зависимости от прагматической задачи, жанровых ожиданий и норм речевого поведения. В предлагаемой модели субъект речи не статичен, а обладает потенциалом варьирования возрастной роли, репрезентируя ту или иную возрастную идентичность через совокупность речевых стратегий, маркирующих его позицию в дискурсе [Карасик, 2007].

Несмотря на различие методологических подходов, как англоязычная, так и отечественная лингвистическая традиция стремятся преодолеть понимание возраста как хронологической категории. Общим в этих подходах является признание возраста частью коммуникативной и социальной идентичности, которая проявляется и оценивается через дискурсивные практики. В то время как западные исследователи фокусируются на динамике речевого поведения и идентичности в рамках взаимодействия, отечественная лингвоконцептология акцентирует внимание на ментально-культурной обусловленности возрастных категорий как элементов концептосферы социума. Эти различия не противоречат, а дополняют друг друга, позволяя рассматривать возраст как сложное многоуровневое образование – одновременно социальное, дискурсивное и культурное.

В результате подобного концептуально-сближения возраст утрачивает статус исключительно социолингвистической переменной и приобретает характеристики динамической, контекстуально обусловленной позиции в коммуникативном пространстве. Вместо того чтобы быть лишь объектом фиксации в эмпирических данных, возраст начинает рассматриваться как

когнитивно-прагматический механизм, регулирующий как речевое поведение самого говорящего, так и восприятие его речевой позиции со стороны адресата. Возрастная идентичность в этом случае не задана предварительно, а воспроизводится в процессе дискурсивного взаимодействия посредством выбора жанра, речевых стратегий, прагматических маркеров и оценочной модальности. Такой подход приближает возраст к категории интерпретируемых социальных смыслов и подчеркивает необходимость его анализа в рамках интегративных когнитивно-дискурсивных моделей, в которых центральным объектом становится не столько язык как система, сколько язык как практика.

Переход от теоретических моделей к эмпирическому материалу требует ответа на ключевой вопрос: каким образом возраст, будучи когнитивным и прагматическим конструктом, проявляется в реальных языковых практиках? Решающий вклад в эмпирическое осмысление данной проблемы вносят исследования Е. Г. Борисовой, в которых возраст анализируется как генерационно маркированная языковая и дискурсивная позиция, отражающаяся в лексике, культурных отсылках и стратегиях речевого поведения.

Е. Г. Борисова предлагает концепт микродиахронии – подхода, направленного на фиксацию внутрисинхронных различий между когортами, т. е. языковых несоответствий между поколениями в рамках одного временного среза. В отличие от «макродиахронии» – классического анализа языковых изменений во времени, – микродиахрония фиксирует **одновременное сосуществование разных языковых пластов**, обусловленных когортным опытом, социокультурной памятью и различиями в исторических репертуарах [Борисова, 2019].

Отмечается роль прецедентных текстов как когнитивных якорей поколенческой идентичности. Эти тексты функционируют не просто как культурные маркеры, а как речевые сигналы когортной принадлежности, позволяющие узнавать «своих» и дистанцироваться от «чужих» в коммуникативном взаимодействии. Сама отсылка к тому или иному культурному факту (песня, слоган, шутка, имя персонажа) активирует когнитивное пространство определенного поколения, встраивая говорящего в систему дискурсивных ожиданий.

Таким образом, в исследованиях Е. Г. Борисовой возраст проявляется как **когнитивно-дискурсивная матрица**, опосредующая доступ к тем или иным языковым единицам, жанрам и стилистическим стратегиям. Эта матрица формируется на пересечении:

- *когортной памяти*, основанной на коллективном опыте;

- историко-культурного фона, задающего набор актуальных символов;
- жанровых и этикетных норм, структурирующих прагматическое поведение.

Такое понимание возраста расширяет рамки предложенных ранее моделей: если у В. Лабова возраст – инструмент фиксации изменений, а у Дж. Чешир и Сали А. Тальямонте – способ социальной самоидентификации, то у Е. Г. Борисовой возраст выступает как **репертуар культурных, прагматических и когнитивных схем**, доступных субъекту и узнаваемых другими участниками коммуникации. Это позволяет говорить о возрасте как структурированном коммуникативном ресурсе.

Анализ социолингвистических, прагмалингвистических и концептологических подходов демонстрирует, что возраст в лингвистике предстает как многоуровневое явление: на **социолингвистическом уровне** – как переменная, фиксирующая изменения; на **прагматическом уровне** – как роль, позиция, ожидаемая норма; на **когнитивном уровне** – как структурирующая рамка когортной памяти и культурных репертуаров; на дискурсивном уровне – как производимая идентичность в рамках конкретного коммуникативного взаимодействия.

Подобная комплексность позволяет нам ввести новую аналитическую категорию, способную описать не только возраст как объект наблюдения, но и возраст как **средство позиционирования субъекта в дискурсе**. Такая категория как **дискурсивный возраст** отражает необходимость объединения всех выявленных измерений в одну теоретическую рамку, позволяющую анализировать, каким образом возрастная идентичность **конструируется, маркируется, интерпретируется и распознается в речевой практике**.

Поворот от возраста как переменной к возрасту как дискурсивной категории особенно актуален в условиях социокультурной нестабильности и «жидкой современности», когда возрастные идентичности теряют фиксированные границы и все чаще конструируются в потоке медиадискурса [Bauman, 2008]. Динамика, вариативность и ситуативность становятся ключевыми характеристиками возрастного самопозиционирования.

Это понимание дискурсивной идентичности созвучно теоретической позиции Л. В. Ениной, рассматривающей идентичность не как фиксированную сущностную характеристику, а как дискурсивно продуцируемый и ситуативно активируемый конструкт [Енина, 2016]. В ее модели идентичность формируется и распознается в процессе речевого взаимодействия, где языковые практики выступают основными средствами самопозиционирования субъекта.

Подобный взгляд на идентичность как дискурсивно производимую позицию находит отражение и в работе А. В. Лаптевой и И. Д. Мамаева, где подчеркивается, что субъект не просто репрезентирует принадлежность к социальной группе, но активно конструирует свою идентичность через типологически организованные речевые стратегии [Лаптева, 2025].

Во всех рассмотренных подходах возраст неотделим от контекста, жанра, социокультурных ожиданий и коммуникативных стратегий. Он проявляется не через числовое значение, а через прагматически значимые формы: выбор тем, лексики, прецедентных текстов, речевого этикета, интонационных моделей и даже иронической модальности. Такой тип маркированности не внешний, а производимый в самом дискурсе. Это позволяет говорить о необходимости категориального сдвига: от статичного и количественно заданного возраста к **дискурсивному возрасту** как динамической и интерпретативной сущности.

Категория дискурсивного возраста: теоретическая формализация

Понятие «**дискурсивный возраст**» возникает как необходимый теоретический инструмент, позволяющий охватить те аспекты возрастной идентичности, которые не могут быть описаны через хронологические, биографические или социологические параметры. В противоположность хронологическому возрасту, фиксирующему время жизни индивида, и биографическому возрасту, отражающему его социальные и ролевые стадии, **дискурсивный возраст** есть интерпретативный результат, возникающий в процессе речевого взаимодействия, где возраст не сообщается, а репрезентируется, производится, распознается и используется.

Это не просто «возраст, о котором говорится», и не «возраст, который есть», а возраст, представляемый в дискурсе как совокупность коммуникативных признаков, позволяющих интерпретировать речевую позицию субъекта как принадлежащую к определенной возрастной категории или когортной общности.

Дискурсивный возраст не выражается напрямую, но выводится интерпретатором из речевого поведения. Он может не совпадать с биологическим возрастом субъекта, поскольку формируется как **социально считываемая позиция**, производимая в языке. Возрастная идентичность в языке всегда ситуативна и контекстуально обусловлена, что подчеркивает ее зависимость от коммуникативной задачи, ролевой позиции и особенностей дискурсивного пространства.

Исходя из представленной теоретической рамки, в работе автором формулируются ключевые характеристики дискурсивного возраста, призванные уточнить его статус как динамической коммуникативной категории.

Важнейшей характеристикой дискурсивного возраста является его **динамичность**. Он может:

- *варьироваться в зависимости от ситуации* (например, взрослый говорящий может использовать подростковый сленг для установления близости с младшим собеседником);
- *быть предметом стилизации или иронического дистанцирования* (например, осознанное использование архаизмов или дидактических конструкций для пародирования «возрастной» речи);
- *служить стратегией позиционирования* (пожилой говорящий может использовать нормы современного молодежного дискурса как символ культурной гибкости, а подросток, напротив, маркировать «взрослость» формальной речью).

Исходя из этого, дискурсивный возраст следует рассматривать как один из параметров речевой идентичности, конституируемой в дискурсе наряду с гендером, статусом, этничностью и идеологической позицией.

Подобный подход соотносится с концепцией дискурсивной личности, представленной в работах О. А. Михайловой и Ю. Н. Михайловой, где субъект рассматривается не как заранее заданный носитель идентичности, а как динамически формируемая структура в потоке речевой деятельности [Михайлова, 2021]. В рамках аксиолингвистического анализа авторы подчеркивают, что личность репрезентирует себя через речевые действия, проявляющие ее ценности, установки и принадлежность к конкретным социальным категориям. Возраст, в данном контексте, может быть интерпретирован как аксиологически и прагматически нагруженная составляющая этой дискурсивной саморепрезентации. Не просто демографическая характеристика, а смысловая и символическая позиция, производимая в коммуникации.

Помимо динамичности, одной из ключевых черт дискурсивного возраста, выявленных в ходе анализа, данная категория обладает рядом других характеристик, определяющих ее научную продуктивность и аналитическую глубину.

Дискурсивный возраст отличается **инференциальностью** (англ. *to infer* – *заключать, сделать вывод*). Термин указывает на то, что возраст не эксплицируется в речи напрямую, а выводится адресатом на основе косвенных признаков и способности репрезентироваться в речи посредством совокупности коммуникативных признаков, таких как лексика, тематика, прагматические маркеры, жанровые

предпочтения. Эти признаки функционируют как индексы возрастной идентичности, позволяя адресату интерпретировать речевую позицию субъекта в терминах возрастной или когортной принадлежности. В этом смысле возрастная идентичность в дискурсе не сообщается, а *намекается*, становясь элементом социального чтения.

Следующая важная характеристика – **полифункциональность**. Дискурсивный возраст способен выполнять одновременно несколько функций: идентификационную (указание на принадлежность к возрастной или когортной группе), прагматическую (корректировка речевых стратегий в зависимости от адресата и жанра), реляционную (установление коммуникативной дистанции), а также стратегическую (построение желаемого социального образа). Возрастная идентичность в речи выполняет не только отражательную, но и управленческую функцию.

Следует отметить и **стилизионность** дискурсивного возраста. Поскольку возраст в языке не заданная, а производимая категория, он может сознательно имитироваться или пародироваться. Субъект может стратегически стилизовать «чужую» возрастную позицию, например, взрослый говорящий использует молодежный сленг с целью приближения к юному адресату, а подросток может репрезентировать «взрослость» посредством формального стиля. Такая вариативность подчеркивает перформативный потенциал возрастной идентичности в дискурсе.

Наряду с этим, дискурсивный возраст характеризуется **интерпретативной многозначностью**: один и тот же возрастной маркер может быть по-разному прочитан представителями разных когорт или культурных групп. Возраст, таким образом, становится не просто объектом идентификации, но и полем смысловых колебаний, где возможны расхождения между намерением говорящего и восприятием слушающего. Это делает возрастную идентичность потенциально нестабильной и открытой к интерпретации.

Особую значимость в современной медиареальности приобретает **медиатизированность** возрастной идентичности. В условиях цифровой коммуникации возраст не только маркируется, но и *конструируется* в пространстве публичного наблюдения, через посты, визуальные образы, комментарии и жанровые шаблоны. Публичный дискурс диктует нормы возрастной презентации, и субъекты вынуждены соотносить свою речевую стратегию с ожиданиями медиапространства.

Неразрывно с этим связана **когортная связанность** дискурсивного возраста, заключающаяся в привязке к определенному культурному

и историческому опыту. Прецедентные феномены, культурные символы, песни, слоганы, шутки – всё это формирует когнитивный репертуар, доступный тем или иным возрастным группам. Возрастная идентичность в дискурсе репрезентируется через доступ к определенным пластам коллективной памяти и культурной семантики.

Наконец, важной характеристикой дискурсивного возраста выступает его *иерархичность* и *конфликтотенность*. Возрастная позиция в дискурсе может быть использована как ресурс символического доминирования или, напротив, как инструмент сопротивления. Молодежная речь может служить маркером дистанцирования от нормативных моделей старших поколений, в то время как взрослый дискурс может использоваться как средство социальной легитимации.

В совокупности данные характеристики позволяют рассматривать дискурсивный возраст как сложный многослойный феномен, находящийся на пересечении когнитивного, культурного и прагматического уровней анализа. Он не просто сопровождает коммуникацию, но активно участвует в порождении смыслов, репрезентации идентичности и структурировании социокультурного взаимодействия.

В связи с этим возникает необходимость более точного теоретического оформления понятия дискурсивного возраста как аналитической категории, способной охватить его структурные, когнитивные и коммуникативные измерения.

Дискурсивный возраст – это ситуативно и динамически воспроизводимая идентичность, когнитивно, культурно и прагматически мотивированная, формируемая и репрезентируемая субъектом в процессе речевой деятельности. Как интерпретативная и позиционная категория дискурсивный возраст представляет собой результат осознанного (или неосознанного) самопозиционирования, а также интерпретации со стороны других участников в рамках социального взаимодействия.

В отличие от хронологически измеримого возраста как биологического параметра, дискурсивный возраст не фиксируется извне, а конструируется в дискурсе посредством устойчивых и вариативных коммуникативных практик: жанрового выбора, лексико-семантических предпочтений, использования прагматических маркеров, стилистических стратегий и культурных отсылок, распознаваемых участниками взаимодействия. Возрастная идентичность в языке всегда ситуативна и контекстуально обусловлена.

Данная категория включает три взаимосвязанных измерения: *когнитивное*: опирается на когортную память, актуализацию прецедентных

феноменов, семантические доминанты и ментальные репертуары, закрепленные в языковом сознании поколения; *культурное*: соотносено с аксиологическими установками, социокультурными сценариями, историческим опытом и поколенческими символами, задающими структуру интерпретации; *прагматическое*: определяется коммуникативной задачей, ролевой позицией субъекта и нормами конкретного дискурсивного пространства, в рамках которых возрастная идентичность не только обозначается, но и *производится*.

Дискурсивный возраст функционирует как когнитивно-прагматический и социокультурный ресурс смыслопорождения, отражающий способы вербализации возрастной позиции и обеспечивающий распознаваемость возрастной принадлежности в конкретном коммуникативном контексте. Он является неотъемлемой частью прагматической структуры речевого поведения и концептуализируется как нефиксированная, но распознаваемая коммуникативная константа.

Заключение

Введение понятия «дискурсивный возраст» позволяет выйти за рамки традиционных интерпретаций возрастной вариативности и открыть новые исследовательские горизонты в различных направлениях лингвистического анализа. Эта категория продуктивна как с методологической, так и с аналитической точки зрения, поскольку объединяет данные и процедуры, ранее разрозненно существовавшие в социолингвистике, когнитивной лингвистике, лингвокультурологии и дискурсивной прагматике.

Предложенная в статье категория дискурсивного возраста представляет собой значимый теоретический вклад в развитие современной лингвистики, поскольку объединяет достижения когнитивного, социолингвистического и лингвокультурного подходов. Концептуализируя возраст как динамическую, дискурсивно производимую и интерпретируемую позицию, данная категория позволяет по-новому рассматривать возрастную идентичность – не как фиксированную биографическую характеристику, а как многоуровневый коммуникативный и культурно-когнитивный феномен.

Актуальность введения категории дискурсивного возраста обусловлена современными трансформациями медиапространства, в котором возрастные идентичности все чаще конструируются, стилизуются и оспариваются в публичном дискурсе. Дискурсивный возраст становится не только отражением когортных различий, но и инструментом социального позиционирования, символической борьбы и генерационного

самопредставления. В условиях информационного общества, где границы между возрастными этапами размыты, а когнитивные репертуары поколений активно пересекаются, необходим понятный инструмент, способный уловить эту изменчивость и прагматическую активность возрастной идентичности.

Перспективным направлением дальнейших исследований видится научная конкретизация категории дискурсивного возраста: эмпирическое уточнение, выявление маркеров в разных типах дискурса, разработка методик анализа и корпусных индикаторов. Особое внимание

заслуживают изучение возрастной маркированности в медиадискурсе, интернет-коммуникации, образовательных и политических жанрах, а также соотнесение дискурсивного возраста с другими параметрами идентичности – гендером, статусом, идеологической позицией.

Категория дискурсивного возраста, таким образом, открывает новые возможности для лингвистического анализа современного дискурса и требует комплексного междисциплинарного осмысления как гибкой, динамической и социально нагруженной формы репрезентации возраста в языке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Енина Л. В. Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации // Политическая лингвистика. 2016. № 6. С. 159–167.
2. Борисова Е. Г. Возраст как один из параметров социолингвистического описания языка // Социальные и гуманитарные знания. 2019. Т. 5. № 4. С. 336–343.
3. Михайлова О. А. Дискурсивная личность: опыт лингвоаксиологического анализа / О. А. Михайлова, Ю. Н. Михайлова // Политическая лингвистика. 2021. № 6 (90). С. 23–31.
4. Wagner S. E. Age grading in sociolinguistic theory // *Language and Linguistics Compass*. 2012. Vol. 6. № 6. P. 371–382.
5. Burnett H. Analyzing linguistic variation using discursive worlds / H. Burnett, J. Abbou, G. Thiberge // *Journal of Sociolinguistics*. 2024. Vol. 28. № 1. P. 40–63.
6. Cheshire J. Age- and generation-specific use of language // *Multilingualism and Ageing* / P. Auer and F. Hinskens (eds.) . Oxford: Blackwell, 2006. P. 1–28.
7. Лаптева А. В. Языковая репрезентация дискурсивного феномена гражданской идентичности (на материале русского, английского и немецкого языков) / А. В. Лаптева, И. Д. Мамаев // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2025. Т. 18. № 6. С. 2452–2458.
8. Labov W. *Principles of Linguistic Change: in 3 vols.* Oxford: Blackwell, 1994. Vol. 1: Internal Factors.
9. Labov W. *Principles of Linguistic Change: in 3 vols.* Oxford: Blackwell, 2001. Vol. 2: Social Factors.
10. Labov W. *Principles of Linguistic Change: in 3 vols.* Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. Vol. 3: Cognitive and Cultural Factors.
11. Hejna M. Ageing well: Social but also biological reasons for age grading / M. Hejna, A. Jespersen // *Language and Linguistics Compass*. 2022. Vol. 16. № 12. P. 1–14.
12. Tagliamonte S. *Age Variationist sociolinguistics: change, observation, interpretation.* Oxford: Wiley-Blackwell, 2012.
13. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004.
14. Карасик В. И. *Дискурсивная персонология* // *Язык, коммуникация и социальная среда.* Воронеж: ВГУ, 2007. С. 78–86.
15. Bauman Z. *Liquid modernity* / пер. с англ., под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008.

REFERENCES

1. Enina, L. V. (2016). Identity as a discursive concept and mechanisms of discursive identification. *Political Linguistics*, 6, 159–167. (In Russ.)
2. Borisova, E. G. (2019). Age as one of the parameters of sociolinguistic description of language. *Social and Humanitarian Knowledge*, 5(4), 336–343. (In Russ.)
3. Mikhaylova, O. A., Mikhaylova, Y. N. (2021). Discursive personality: An attempt at a linguo-axiological analysis. *Political Linguistics*, 6, 23–31. (In Russ.)
4. Wagner, S. E. (2012). Age grading in sociolinguistic theory. *Language and Linguistics Compass*, 6(6), 371–382.

5. Burnett, H., Abbou, J., Thiberge, G. (2024). Analyzing linguistic variation using discursive worlds. *Journal of Sociolinguistics*, 28(1), 40–63.
6. Cheshire, J. (2006). Age- and generation-specific use of language. In Auer, P., Hinskens, F. (Eds.), *Multilingualism and ageing* (pp. 1–28). Oxford: Blackwell.
7. Lapteva, A. V., Mamaev, I. D. (2025). Linguistic representation of the discursive phenomenon of civic identity (based on Russian, English, and German). *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, 18(6), 2452–2458. (In Russ.)
8. Labov, W. (1994). *Principles of linguistic change* (vol. 1: Internal factors): in 3 vols. Oxford: Blackwell.
9. Labov, W. (2001). *Principles of linguistic change* (vol. 2: Social factors): in 3 vols. Oxford: Blackwell.
10. Labov, W. (2010). *Principles of linguistic change* (vol. 3: Cognitive and cultural factors): in 3 vols. Oxford: Wiley-Blackwell.
11. Hejna, M., Jespersen, A. (2022). Ageing well: Social but also biological reasons for age grading. *Language and Linguistics Compass*, 16(12), 1–14.
12. Tagliamonte, S.A. (2012). *Variationist sociolinguistics: Change, observation, interpretation*. Oxford: Wiley-Blackwell.
13. Slyshkin, G. G. (2004). *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty = Linguocultural concepts and metaconcepts: abstract of senior doctoral thesis in Philology*. Volgograd. (In Russ.)
14. Karasik, V. I. (2007). *Discursive personology*. In *Language, communication and social environment* (pp. 78–86). Voronezh: Voronezh State University. (In Russ.)
15. Bauman, Z. (2008). *Liquid modernity*. Ed. & transl. by Y. V. Asochakov. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хатламаджиян Маргарита Аршалуйсовна

кандидат филологических наук

доцент кафедры иностранных языков для экономических специальностей

Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khatlamadzhian Margarita Arshaluysovna

PhD in Philology

Associate Professor at the Department of Foreign Languages for Economic Specialties

Rostov State University of Economics (RINH)

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

12.12.2025
17.01.2026
05.02.2026

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Функции отрицательных конструкций в языке ранних памятников французской литературы

О. Ю. Школьникова

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
chkolnikova@icloud.com

Аннотация. Цель настоящего исследования заключается в изучении функций отрицательных конструкций, многочисленных в ранних французских текстах (IX–XII веков). Материал исследования включает сплошную выборку из текстов четырех ранних памятников старофранцузского языка: «Кантилены о святой Евлалии», «Песни о Роланде», «Песни о святой Вере Аженской» и «Рауля де Камбре» (7811 строк поэтического текста). В результате исследования мы пришли к заключению о том, что отрицательные конструкции в старофранцузском языке характеризуются полифункциональностью – кроме описательной / констатирующей функции, они могут выполнять риторическое усиление, а также выражать различные грамматические и лексические значения.

Ключевые слова: отрицательные конструкции, старофранцузский язык, полифункциональность, диахронические исследования, Песнь о Роланде

Для цитирования: Школьникова О. Ю. Функции отрицательных конструкций в языке ранних памятников французской литературы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2 (908). С. 108–114.

Original article

The Functions of Negative Constructions in the Language of Early French Literature

Olga Yu. Shkolnikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
chkolnikova@icloud.com

Abstract. The aim of this study is to examine the functions of negative constructions, which are numerous in early French texts (9th – 12th centuries). The research material included a continuous sample of the texts of four early monuments of the Old French language: “Cantilena de Saint Eulalia”, “Song of Roland”, “Song of Saint Faith of Agen” and “Raoul de Cambrai” (7811 lines of poetic text). As a result of the study, we came to the conclusion that negative constructions in Old French are characterized by polyfunctionality – in addition to the descriptive / statutory function, they can perform rhetorical reinforcement, as well as express various grammatical and lexical meanings.

Keywords: negative constructions, Old French, multifunctional, diachronic research, The Song of Roland

For citation: Shkolnikova, O. Yu. (2026). The Functions of Negative Constructions in the Language of Early French Literature. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(908), 108–114. (In Russ.)

Введение

Природа и функциональность отрицательных конструкций активно изучаются на материале разных языков представителями разных направлений лингвистики.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- впервые в нем изучаются функции отрицательных конструкций в лингвопрагматическом аспекте в диахронии;
- впервые четыре ранних французских памятника IX–XII веков привлекаются в качестве материала исследования отрицания;
- впервые выявлена и описана специфика отрицательных конструкций в старофранцузском языке, заключающаяся в их полифункциональности.

Задачи, способствовавшие достижению цели исследования, заключались в изучении теории грамматического и риторического потенциала отрицания на материале разных эпох и разных языков с применением описательного метода; определении важнейших типов отрицательных конструкций, встречающихся в старофранцузских текстах (статистический метод, сопоставительный анализ); выявлении функционального потенциала данных конструкций с использованием историко-этимологического анализа.

Одним из базовых тезисов является представление об отрицании как части бинарной оппозиции «утверждение – отрицание». Так, А. М. Пешковский определяет отрицание как «элемент значения предложения, который указывает, что связь, устанавливаемая между компонентами предложения, по мнению говорящего, реально не существует» (прив. по: [Падучева, 2002]), Ш. Балли также указывает на связь с соответствующим утвердительным предложением, которое отвергается говорящим как ложное.

В. Н. Бондаренко, описывая разные философско-логические основания отрицания, также выделяет прагматическую концепцию отрицания, выражающего опровержение утвердительного высказывания в пресуппозиции. «Отрицательное предложение создает особый речевой акт, цель которого состоит не в том, чтобы сообщить новую информацию, а в том, чтобы опровергнуть, отклонить или скорректировать предполагаемое мнение или суждение адресата. Оно опирается на предположение заблуждения» [Бондаренко, 1983, с. 51].

Наряду с описанием или корректировкой описания действительности в пресуппозиции, отрицание может выражать модальность и имеет риторический потенциал. И. В. Толстой писал о том, что «по сравнению с утвердительными по форме

высказываниями отрицательные обладают модальной окраской оценочного характера (неодобрительности, нежелательности, усиления или ослабления качества, признака и т. п.) в зависимости от лексического наполнения высказывания» [Толстой, 1972, с. 60].

Риторическими функциями отрицательных конструкций становятся усиление высказывания (гипербола), например, «нет ничего более + прилагательное», создание специфического эффекта ослабления (литота): «это небезынтересно» или смягчение высказывания, например, в совете или рекомендации: «Почему бы вам не остаться?»

Французские лингвисты также исследовали отрицательные конструкции в прагматическом аспекте. Так Освальд Дюкро выделяет три типа отрицания:

Il n'y a pas un nuage au ciel [Ducrot, 1972, с. 38]. – На небе нет ни облачка¹.

Ce mur n'est pas blanc [Ibid.]. – Эта стена не белая.
Paul n'a pas cessé de fumer, en fait il n'a jamais fumé [Ducrot, 1984, с. 217]. – Поль не бросил курить, на самом деле он никогда и не курил.

Первый пример О. Дюкро толкует как описание ситуации, не обязательно имеющий пресуппозицию, второй тип он называет полемическим, представляющим реакцию на противоположное утверждение «Стена белая», которое может не быть выражено эксплицитно. Третий же пример невозможен без утверждения «Поль бросил курить» [там же]. В данном случае коррекции подвергается сам способ описания ситуации.

Используя данную теоретическую базу, мы рассмотрим особенности отрицательных конструкций в ранних французских текстах. Материалом для исследования послужили такие тексты, как «Кантилена о святой Евлалии»², «Песнь о святой Вере Аженской»³, «Песнь о Роланде»⁴, «Рауль де Камбре»⁵.

Исследования, посвященные отрицанию в истории французского языка, концентрируют свое внимание на структуре, процессе усиления отрицания [Queffélec, 2000; Mosegaard Hansen, 2014], развитии двойного отрицания и последовательном расширении номенклатуры второго члена отрицательной конструкции [Donaldson, 2017; Thiaw, 2024].

¹Зд. и далее перевод наш. – О. Ш.

²Шишмарев В. Ф. Книга для чтения по истории французского языка. Москва; Ленинград, 1955. С. 22–23.

³La chanson de saint Foi d'Agen : poème provençal du XIe siècle, édité d'après le manuscrit de Leide avec facsimilé, traduction, notes et glossaire. Ed. par A. Thomas. Paris, E. Champion, 1925.

⁴La Chanson de Roland. Texte critique, traduction et commentaire, grammaire et glossaire par Léon Gautier. Tours, 1887.

⁵Raoul de Cambrai. Chanson de geste / publiée par M. P. Meyer, A. Longnon. Paris, MDCCCLXXXII (1881).

В старофранцузских текстах очень велика частотность отрицательных конструкций. Так, например, в поэме «Рауль де Камбре» на 3185 строк приходится 100 отрицаний, в 600 строках «Песни о святой Вере Аженской» встречается 47 отрицательных конструкций, на 4000 строк «Песни о Роланде» их приходится более 600.

Далеко не всегда эти отрицательные конструкции выполняют свою прямую функцию описания отсутствия какого-либо элемента, либо действия, как, например, в строках из «Песни о святой Вере Аженской»:

Jazon els camps cuma fradin;

Nolz sebelliron lur vizin (*Chanson de saint Foi d'Agen*). –

Они лежали на полях, как нищие

Их не хоронили их соседи.

Отрицательные конструкции содержат мощный потенциал риторической выразительности [Мусаева, 2017; Зыкова, 2020]; этому аспекту посвящены исследования на материале разных языков [Зиновьева, 2009; Штернина, 2015].

Актуальность изучения отрицательных конструкций во французском языке обусловлена их сложностью и многообразием, а также важностью для точного выражения мысли и понимания нюансов. Необходимость обращения к данной теме связана также с недостаточной изученностью функционального потенциала отрицательных конструкций на разных этапах формирования французского языка, особенно, в старофранцузском языке. Перспективным представляется проведение сопоставительных исследований языка памятников средневековой литературы на французском языке, созданной во Франции и за ее пределами, например, в северной Италии, а также изучение данного вопроса применительно к другим романским языкам в ранний период их существования.

Практическая значимость исследования связана с получением новых данных, которые будут полезны при переводе и интерпретации текстов ранних памятников французской литературы.

Функционирование конструкций с ординарным, двойным и тройным отрицанием в старофранцузских текстах

- **Конструкции с двойным отрицанием со значением «всеобщности» – распространения признака действия или квалификации на все субъекты / объекты**

Такие конструкции очень частотны в старофранцузских текстах:

N'i perdrat Carles, li reis ki France tient,

Men escientre **palefreid ne destrer**,

Ne mul ne mule que deiet chevalcher,

Ne n'i perdrat ne runcin ne sumer,

Que as espees **ne seit einz eslegiet**

(*Chanson de Roland*)

Не потеряет Карл, который Францией владеет,

По моему мнению, ни одного парадного, ни

боевого коня,

Ни мула, ни самку мула, на которых он ездит,

Не потеряет ни одну тягловую лошадь,

Без того, чтобы все это не было отомщено мечом.

N'unt guarnement que tut **ne reflambeit** (*Chanson de*

Roland). – Не было ни одной детали снаряжения,

которая не сверкала бы.

N'i ad paien nel prit e nel aort (*Chanson de Roland*). – Не

было ни одного язычника, который не молился бы

[идолу] и не поклонялся бы ему.

Ne l'orrat hume ne t'en tienget por fol (*Chanson de*

Roland). – Не было ни одного человека, который,

услышав его, не счел бы его безумцем.

Hanc **non fo sens** qu'el **nonl declin** (*Chanson de saint Foi*

d'Agen). – Не было ни одного смысла, который она

[книга] бы ни излагала.

Ja pur **murir ne vus en faldrat uns** (*Chanson de Roland*). –

У вас не будет недостатка ни в одном человеке,

чтобы пойти на смерть.

Cel nen i ad ki de pitet **ne plurt** (*Chanson de Roland*). –

Не было ни одного человека, который бы не плакал.

Во всех случаях при переводе можно использовать местоимение «все». Такое употребление отрицательной конструкции можно считать чисто риторическим, призванным усилить выразительность описания, так как местоимение *tout / tuit* употреблялось в старофранцузском языке и неоднократно употребляется в рассматриваемых памятниках. Например,

Czo devon far tuit Cristian (*Chanson de saint Foi*

d'Agen) или

Vers dulce France tuit sunt achiminez

(*Chanson de Roland*).

Подобные двойные отрицательные конструкции обнаруживаются с таким же значением и в латинском языке:

Nulla vitio caret (*Сенека*) «Il a tous les vices»;
Nemo non videt (*Цицерон*) «Tous voient»;
Aditus apertus est nemini (*Цицерон*) «L'entrée est fermée a tous»;
Nulla non die (*Плиний*) «Tous les jours».

Однако обнаруживается, что такое частое употребление отрицательных конструкций служит также и средством выражения грамматических и лексических значений, которые еще не оформились иным способом в молодом французском языке, и в части случаев восходят к конструкциям латинского языка, выражающим эти значения.

- **Конструкция с отрицанием, выражающая высшую степень признака квалификации или признака действия**
Рассмотрим следующие примеры:

Sin ai un filz, ja **plus bels n'en estoet** (*Chanson de Roland*). – Есть у меня сын, никогда [никого] более прекрасного [чем он] не существовало.

В данном примере из «Песни о Роланде» с помощью отрицательной конструкции и сравнительной степени прилагательного выражается значение превосходной степени признака: «Он самый прекрасный из тех, кто существовал». Подобные конструкции в латинском языке мы находим у разных авторов:

Malum quo non aliud velocius ullum (*Виргилий*)
Le plus rapide de tous les fléaux;
Qua alia nulla est pulchrior (*Плавт*)
La plus belle femme qui soit au monde.
Nemo generosior est te (*Горацій*)
Tu es le plus noble de tous¹.

N'avez barun ki mielz de lui la facet (*Chanson de Roland*). – У вас нет барона, который сделал бы это лучше него.

Res mais non es qu'eu **tant** amir (*Chanson de Roland*). – Нет никого, перед кем бы я больше преклонялась.

Et ill **nun pog** lui **plus amar** (*Chanson de Roland*). – И она не могла бы любить сильнее.

Jamais **n'ert hume plus volenters le serve** (*Chanson de Roland*). – Никогда не было человека, который служил бы ему более охотно.

¹Латинские примеры и их перевод даны по: Quichérat L., Daveluy A. Dictionnaire Latin-Français. Paris: Hachette, 1851.

При отсутствии на тот момент в языке специальной конструкции превосходной степени «определенный артикль + наречие», как мы видим в примерах, отрицание в совокупности с наречиями выражает значение высшей степени признака действия:

Он сделает это лучше всех остальных баронов.
Я преклоняюсь перед ним сильнее всего.
Ее любовь к нему была сильнее всего.
Он служил ему охотнее всех.

Эта конструкция имеет и латинские образцы, например:

Nec ulla res plus ad victoriam contulit (*Секст Юлий Фронтин*).
Et c'est ce qui contribua le plus à la Victoire.

- **Конструкция с двойным отрицанием, выражающая высшую степень признака квалификации или признака действия**
Интересным примером такой конструкции является фрагмент из «Песни о Роланде»:

Dient Franceis: «Car il le poet ben faire.
Se lui **lessez, n'i trametrez plus saive**»
(*Chanson de Roland*). –
Сказали французы: «Ибо он вполне может это сделать. Если вы оставите его, вы не пошлете туда [никого] более мудрого»².

Данная конструкция, в которой сочетается лексическое отрицание – «оставите», т. е. «не пошлете», и синтаксическое с частицей *ne*, описывает максимальную степень признака: «Если вы его туда пошлете, то пошлете самого мудрого».

- **Конструкции с тройным отрицанием для описания неконтролируемого действия**
Такая конструкция состоит из отрицательной формы глагола *pouvoir*, глагола *muer* < *mutare* (т. е. в своем значении данный глагол несет отрицательное значение «сделать по-другому») и отрицательной формы глаголов *pleurer*, *soupirer*, *plaindre*. Очень частотна в «Песне о Роланде»:

Ne poet muer que des oilz **ne plurt** (*Chanson de Roland*). – Не может сдержаться, чтобы не заплакать.

²Французский историк языка Ги Рено де Лаж во «Введении в старофранцузский» считает, что в этом примере наречие *plus* выполняет функцию суперлатива, ср. с совр. *le plus* (самый мудрый), на наш взгляд, такая трактовка тоже возможна, но не однозначна. В любом случае она вписывается в рассматриваемую нами конструкцию двойного отрицания.

Pitet l'en prent, **ne poet muer n'en plurt** (*Chanson de Roland*). – Жалость охватила его, он не мог не заплакать.

Si grant doel ai **ne puis muer nel pleigne** (*Chanson de Roland*). – Я в таком горе, что не могу не жаловаться.

Carles li magnes **ne poet muer n'en plurt** (*Chanson de Roland*). – Карл Великий не может не плакать.

Li arcevesque **ne poet muer n'en plurt** (*Chanson de Roland*). – Архиепископ не может не плакать.

Ne poet muer n'en plurt e ne suspir (*Chanson de Roland*). – Не может не плакать и не вздыхать.

- **Конструкции с частичным отрицанием со значением ограничения в выборе действия**

Рассмотрим далее распространенные в «Рауле де Камбре» конструкции с оборотом наличия *i a*, частичным отрицанием *ne ... que* и инфинитивом глагола, который выражает эмоциональное состояние персонажа, логично вытекающее из описываемых действий:

Voit le Raous, **n'i ot q'esleecier** (*Raoul de Cambrai*). – Видит Рауль, ему остается только радоваться.

Fuit s'en E., **n'i ot qe esmaier** (*Raoul de Cambrai*). – Бежит Эрно, ему остается только волноваться.

- **Конструкции с двойным отрицанием со значением обязательности действия**

К конструкциям с таким значением можно отнести отрицание с глаголами с отрицательной семантикой *faillir*, *eschiver*, *laisser*:

Bataille ara Raous, **n'i puet faillir** (*Raoul de Cambrai*). – Будет сражаться Рауль, не сможет не сражаться.

Ja pur murir **n'eschiverunt** bataille (*Chanson de Roland*). – Из-за [страха] смерти они никогда не уклонятся от битвы.

La reregarde des .xii. cumpaignuns
Ne lesserat bataille ne lur dunt (*Chanson de Roland*). – Арьергард двенадцати пэров
Не преминет дать им бой.

Так же значение обязательности действия выражается конструкций отрицания и предлога *sans*:

N'en partirés sans la teste tranchier (*Chanson de Roland*). – Вы не уйдете без отрубленной головы.

Может быть вербализовано двумя отрицаниями с формами *imparfait du subjonctif* в составе условного периода:

Unc **nel sunast se ne fust (cu)cumbattant** (*Chanson de Roland*). – Он никогда бы не трубил, если бы не сражался в данный момент.

- **Конструкции с отрицанием, выражающие лексические значения**

Ряд примеров показывает нам, что отрицание может использоваться и для выражения определенных значений, не имеющих в языке специального лексического оформления. Так, например, в «Песне о святой Вере Аженской» отрицательная конструкция с глаголом *prizer* имеет значение «презирать», глагол же *mépriser* во французском языке появится позже (первая фиксация – 1180 г.):

Ill **non prezed** aqo un can (*Chanson de saint Foi d'Agen*). – «Она презирала его, как собаку».

Многократно повторяемая в «Рауле де Камбре» отрицательная конструкция с глаголом *noier* обозначает подтверждение / утверждение в отсутствие специального глагола с таким значением на том этапе во французском языке. Первое употребление глагола *confermer* относится к 1213 году, а *accepter* появится только в 1317 году.

Droit m'en ofris, ce **ne puis je noier** (*Raoul de Cambrai*).
Tu m'adoubas, ce **ne puis je noier** (*Raoul de Cambrai*).

Глагол *soumettre* зафиксирован в XII веке, а в «Кантिलене о святой Евлалии» его значение также передается отрицательной конструкцией с глаголом *contredire*:

La domnizelle celle kose **non contredist** (*Cantilène de sainte Eulalie*). – Девушка этому покорилась.

Некоторые значения так и не получили во французском языке специального выражения. Так, в «Кантилене о святой Евлалии» мы встречаем глагол *amer* в отрицательной форме в значении «разлюбить»:

Neule cose non la povret omque **pleier**
La polle **sempre non amast** lo Deo menestier
(*Cantilène de sainte Eulalie*). –
Ничто не могло заставить девушку
разлюбить служение Богу.

Такое же аналитическое выражение это значение получает и в современном языке: *ne plus aimer*.

Заключение

Отрицание в старофранцузских литературных текстах, безусловно, широко выполняет функции описания отсутствия мыслительной связи между объектами или опровержения утверждения. При этом важен его полемический и риторический потенциал. Однако такие примеры находят прямое соответствие в современном французском языке и не являются главным предметом данного исследования.

Изучив теоретическую базу описания отрицания в современных языках и сопоставив с практическим материалом отрицательных конструкций в ранних французских текстах, мы пришли к выводу о большом потенциале старофранцузских отрицательных конструкций в выражении грамматических и лексических значений, которые еще не нашли другого способа выражения во французском языке, находящемся на этапе становления. Этим объясняется высокая частотность таких конструкций в ранних текстах.

Мы выделили семь типов конструкций с ординарным, двойным, тройным и частичным отрицанием, часть из них встречается во всех исследуемых текстах, часть, по-видимому, является «авторской» в той степени, в которой мы можем говорить о едином источнике оборотов, принадлежащих эпическому памятнику.

Под двойным отрицанием мы подразумеваем не двухчастный тип конструкции типа *ne ... mie* или *ne ... point*, как это делают обычно исследователи французского отрицания, а двойную конструкцию с двумя источниками отрицания – двумя *ne*, или же *ne* + глагол с отрицательной семантикой типа

failir, тройная же конструкция может включать два *ne* + глагол с отрицанием во внутренней форме.

Отрицательные конструкции детализируют признак квалификации или действия, выражая такие значения, как:

- всеобщность,
- высшая степень проявления,
- неконтролируемость действия,
- ограничение в выборе действия.
- обязательность действия.

В дальнейшем во французском языке для выражения этих значений найдут свое развитие местоимения, превосходная степень прилагательных и наречий, специфические синтаксические конструкции.

Синтаксические конструкции берут на себя и передачу значений отсутствия признака, его прекращения или ослабления, которая впоследствии будет осуществляться развивающимися лексико-морфологическими средствами.

Показательным моментом становится ориентация на латинские отрицательные конструкции, выявляя прямую синтаксическую преемственность и тесную связь молодого французского языка с языком, его породившим – латынью.

Таким образом, рассмотренные примеры отрицательных конструкций позволяют сделать вывод о том, что отрицание в ранних французских текстах, кроме описательной, полемической и риторической функций, выполняет задачу компенсации грамматических и лексических значений, не имевших на том этапе иной репрезентации в молодом французском языке, находящемся на этапе становления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Падучева Е. В. Отрицание // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. И. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 2002. С. 354–355.
2. Падучева Е. В. Модальность сквозь призму дейксиса // Традиционное и новое в русской грамматике: сб. статей, посвященный памяти Веры Арсеньевны Белошапковой. М.: ИНДРИК, 2001. С. 184–197.
3. Бондаренко В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. М.: Наука, 1983.
4. Толстой И. В. Отрицание как синтаксическое явление и его функционирование в публицистическом стиле // Вестник МГУ. 1972. № 4. С. 58–65.
5. Ducrot O. Dire et ne pas dire. Paris: Hermann, 1972.
6. Ducrot O. Le dit et le dire. Paris: Editions de Minuit, 1984.
7. Queffélec A. La négation du membre de proposition en ancien français // L'information grammaticale. 2000. № 86. P. 21–24.
8. Mosegaard Hansen M.-B., Visconti J. The diachrony of negation. Amsterdam: John Benjamins. 2014.
9. Donaldson B. Diachronie de la négation phrastique en français: apports d'une approche sociohistorique // Canadian Journal of Linguistics. 2017. Vol. 63. P. 221–241.
10. Thiaw D. La négation renforcée dans Cliges et Philomena de Chrétien de Troyes et la Chanson de Roland // Revue Africaine des Sciences de l'Antiquité SUNU XALAAAT. 2024. T. 1. № 4. P. 246–262.
11. Мусаева А. А. Риторический аспект высказываний с отрицанием // Известия Чеченского государственного педагогического университета. Серия 1. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2 (18). С. 5–9.

12. Зыкова С. А. Функциональный потенциал категории отрицания в испанском языке // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. № 2. С. 7–15.
13. Зиновьева И. Ю. К вопросу о модальной природе категории отрицания // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2009. № 11. С. 76–78.
14. Штернина Е. С. Категория отрицания: логико-лингвистический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 9. Ч. 2. С. 211–214.

REFERENCES

1. Paducheva, E. V. (2002). Otritsanie = Negation. *Lingvisticheskiy e`nciklopedicheskiy slovar`* / под ред. В. И. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 2002. С. 354–355.
2. Paducheva, E. V. (2001). Modalnost skvoz prizmu deiksisa = Modality through the prism of Deixis. *Traditsionnoe i novoe v russkoi grammatike: sb. statei, posvyashchennyi pamyati Very Arsenevny Beloshapkovoi*. Moscow: Indrik. (In Russ.)
3. Bondarenko, V. N. (1983). Otritsanie kak logiko-grammaticeskaya kategoriya= Negation as a logical and grammatical category. Moscow: Nauka. (In Russ.)
4. Tolstoj, I. V. (1972). Otritsanie kak sintaksicheskoe yavlenie i ego funkcionirovanie v publitsisticheskom stile= Negation as a syntactic phenomenon and its functioning in a journalistic style. *Bulletin of Moscow State University*, 4, 58–65. (In Russ.)
5. Ducrot, O. (1972). *Dire et ne pas dire*. Paris: Hermann.
6. Ducrot, O. (1984). *Le dit et le dire*. Paris: Les Editions de Minuit.
7. Queffélec, A. (2000). La négation du membre de proposition en ancien français. *L'information grammaticale*, 86, 21–24.
8. Mosegaard Hansen, M.-B., Visconti, J. (2014). *The diachrony of negation*. Amsterdam: John Benjamins.
9. Donaldson, B. (2017). Diachronie de la négation phrastique en français : apports d'une approche sociohistorique. *Canadian Journal of Linguistics*, 63, 221–241.
10. Thiaw, D. (2024). La négation renforcée dans Cliges et Philomena de Chrétien de Troyes et la Chanson de Roland. *Revue Africaine des Sciences de l'Antiquité SUNU XALAAAT*, 1(4), 246–262.
11. Musaeva, A. A. (2017). The rhetorical aspect of negative statements. *Bulletin of Chechen state pedagogical university*, 2(18), 5–9. (In Russ.)
12. Zyкова, S. A. (2020). Functional properties of the negation category in Spanish. *World of science. Series: Sociology, Philology, Cultural studies*, 2(11), 7–15. (In Russ.)
13. Zinoveva, I. Yu. (2009). On the question of the modal nature of the category of negation. *Current problems of Philology and Pedagogical Linguistics*, 11, 76–78. (In Russ.)
14. Shternina, E. S. (2015). The category of negation: logical-linguistic aspect. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 9(2), 211–214. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Школьникова Ольга Юрьевна

доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой романского языкознания
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shkolnikova Olga Yurievna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Head of the Department of Romance Linguistics
Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию	12.12.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	17.01.2026	
принята к публикации	05.02.2026	

Ташкент как палимпсест: опыт восприятия Корнея и Лидии Чуковских

В. А. Суханов

*Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан
viktor.suxanov.99@mail.ru*

Аннотация. Цель работы – выявить своеобразие образа Ташкента в восприятии Корнея и Лидии Чуковских в годы войны. Сопоставление дневниковых записей К. И. Чуковского и поэтических и мемуарных текстов Л. К. Чуковской выявляет как мотивно-образные пересечения, так и принципиальные расхождения в их рецепции города. Для писателя Ташкент предстает пространством доброжелательности и южной идиллии, тогда как для его дочери он сохраняет черты чужбины, усиливающие чувство трагизма и одиночества. В контексте исследования отражается «диалог» с эпистолярным наследием М. А. Волошина. В совокупности эти тексты формируют палимпсест описаний Ташкента в русской литературе, позволяющий осмыслить его как значимый элемент культурной памяти.

Ключевые слова: Корней Чуковский, Лидия Чуковская, русская литература, ташкентский текст, палимпсест, поэзия, дневники, образ Ташкента

Для цитирования: Суханов В. А. Ташкент как палимпсест: опыт восприятия Корнея и Лидии Чуковских // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2 (908). С. 115–122.

Original article

Tashkent as a Palimpsest: Kornei and Lidiya Chukovskaya's Experience of Perception

Viktor A. Sukhanov

*National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan
viktor.suxanov.99@mail.ru*

Abstract. The aim of this study is to identify the specific features of the image of Tashkent as perceived by Kornei and Lidia Chukovsky during the wartime period. A comparative analysis of K. I. Chukovsky's diary entries and L. K. Chukovskaya's poetic and memoir texts reveals both shared motifs and imagery, as well as fundamental divergences in their reception of the city. For the writer, Tashkent appears as a space of benevolence and southern idyll, whereas for his daughter it retains the characteristics of an alien land, intensifying the sense of tragedy and solitude. Within the framework of the study, a "dialogue" with the epistolary legacy of M. A. Voloshin is also traced. Taken together, these texts form a palimpsest of representations of Tashkent in Russian literature, allowing it to be interpreted as a significant element of cultural memory.

Keywords: Kornei Chukovsky, Lidia Chukovskaya, Russian literature, Tashkent text, palimpsest, poetry, diaries, image of Tashkent

For citation: Sukhanov, V. A. (2026). Tashkent as a Palimpsest: Kornei and Lidiya Chukovskaya's Experience of Perception. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(908), 115–122. (In Russ.)

Введение

Актуальность исследования. В гуманитарной науке последних лет наблюдается возросший интерес к феномену Ташкента в русской литературе и культуре. Вслед за «петербургским» и «московским» текстами, в ряду периферийных городских семиотических систем, все чаще фигурирует понятие «ташкентский текст» [Шафранская, 2010]. Пожалуй, наиболее значимым пластом этого явления стал Ташкент периода Великой Отечественной войны, когда город превратился в крупный центр эвакуации писателей, поэтов, ученых и деятелей искусства.

Через личный опыт Ташкент входил в творчество крупных авторов, иногда становясь предметом самостоятельных произведений. Так, Анна Ахматова посвятила городу цикл стихотворений, Владимир Луговской написал поэму «Алайский рынок». Постепенно в русской культуре формируется миф о Ташкенте как о «городе спасения», что найдет отражение в русской литературе и в последующие десятилетия. При этом далеко не все писатели, оказавшиеся в эвакуации в Ташкенте, запечатлели его в своем художественном творчестве, но почти всегда он оставался в их мемуарах и / или эпистолярном наследии.

Новизна исследования. Проблема «ташкентского текста» военного периода остается малоизученной. Существует крупная работа Н. А. Громовой о жизни эвакуированных литераторов и деятелей культуры в Ташкенте, но она носит документально-биографический характер [Громова, 2002]. Цельного исследования, охватывающего русские литературные тексты о Ташкенте этого периода, всё еще нет. Имеются лишь отдельные статьи. Так, С. И. Кормилов разбирает ташкентский цикл стихотворений Ахматовой, показывая, как город трансформируется для нее «из совершенно особого нового места в практически постоянное место жительства» [Кормилов, 2008, с. 143].

Э. Ф. Шафранская обращается к контексту рождения фразеологизма «ташкентский фронт» на материале мемуарной и художественной литературы Е. Мелетинского, Вс. Иванова, К. Симонова и др. [Шафранская, 2021]. Однако целостный образ города в статье не реконструируется.

Поэзия Л. К. Чуковской изучена мало, а попыток осмысления образа Ташкента в ее творчестве практически не предпринималось. В одной из статей, посвященных ее поэзии, затрагивается отдельное стихотворение из «Ташкентских тетрадей» писательницы, однако анализ образа города в этой работе отсутствует [Данилина, 2021]. Что касается К. И. Чуковского, то исследований, посвященных

развитию образа Ташкента в его трудах, не существует вовсе.

Сопоставление восприятия города отцом и дочерью Чуковскими, при всем различии эмоциональных и идейных акцентов и отсутствии прямого знакомства с записями друг друга, обнаруживает невольный мотивно-образный диалог. Это позволяет рассматривать их тексты не только как факт семейной переключки, но и как проявление более широкой культурной закономерности, связанной с палимпсестом мотивов и образов. К решению этой проблемы и обращена настоящая статья.

Материалом для исследования послужили дневниковые записи К. И. Чуковского, в которых зафиксированы ташкентские реалии периода его пребывания в городе. Другим источником стала биографическая повесть Л. К. Чуковской «Прочерк». Безусловно, мемуарная литература выполняет другие функции и имеет иную цель, нежели литература художественная. Однако для выявления образного восприятия реальности равное значение имеют не только эстетически настроенные произведения, но и дневники и даже эпистолярные тексты, которые часто отличаются особой выразительностью. Так, например, существуют исследования, иллюстрирующие образ Ташкента в письмах М. А. Волошина [Суханов, 2023]. Более того, книги воспоминаний Н. Я. Мандельштам нередко воспринимаются литературоведами наравне с художественными произведениями [Посмотрим, кто кого ... , 2015], что подтверждает правомерность применения аналогичного подхода и к текстам Чуковских. Помимо дневниковых заметок, в исследование включены некоторые стихотворения из «Ташкентских тетрадей» Л. К. Чуковской, в которых отразилось ее восприятие жизни в эвакуационном Ташкенте и художественное осмысление пребывания в этом городе.

Методология исследования восходит к принципам комплексного семиотического анализа городского пространства как сверхтекста, разработанного В. Н. Топоровым. Согласно данному подходу, элементы городской жизни – от топографических деталей до литературных концептов и мифологем – рассматриваются как целостная знаковая система [Топоров, 2003]. Дополнительно задействована теория литературного палимпсеста Ж. Женетта, позволяющая выявить как осознанные, так и непроизвольные пересечения между произведениями разных авторов и эпох [Женетт, 1998]. Инструментом анализа имагологического восприятия города стала концепция космопсихологоса Г. Д. Гачева, позволяющая рассмотреть особенности восприятия Ташкента и интерпретировать его образ через призму национально-культурной символики [Гачев, 2020].

Результаты и обсуждение

Образ Ташкента в сознании Корнея Ивановича Чуковского складывался опосредованно. Есть основания полагать, что первоначально отношение писателя к городу было как минимум пренебрежительным. Ташкент стал местом ссылки Екатерины Алексеевны Борониной (1907–1955) – детской писательницы и близкой подруги дочери Чуковского, Лидии Корнеевны, которая также была осуждена на ссылку: «Мне и Катюше, по молодости лет, приговоры были вынесены самые легкие: я получила три года Саратова, Катюша – пять лет Ташкента» [Чуковская, 2009, с. 381]. Через судьбу дочери и ее окружения Ташкент получил в семье Чуковских оттенок негативной коннотации.

Не исключено, что до непосредственного знакомства с городом К. И. Чуковский разделял взгляды дочери в оценке Ташкента. Однако впоследствии его отношение к городу стало постепенно меняться. На начальном этапе этот процесс проходил косвенно – через рассказы друзей и знакомых, уже оказавшихся в эвакуации. Приведем здесь отрывок из письма Чуковского к дочери от 29 сентября 1941 года, в котором отчетливо видна трансформация его взглядов:

Был Нилин, историю которого ты, должно быть, слышала <...> Он рассказывает чудеса о Ташкенте. Дешево, удобно, культурно, не жарко. Ташкент не тот Ташкент, каким он был десять лет назад. Много зелени, есть виноград, дыни, арбузы и проч. «Напрасно Лидия Корнеевна не уехала с нами в Ташкент». Там и заработок можно достать, и знакомых там много, и Юфит помогла бы ей, и проч. Так как он человек талантливый, он расписал все это чрезвычайно картинно. И мне приходит в голову: не вывезти ли вас в Ташкент [Чуковский, 2003, с. 314].

Исходя из общего контекста, можно предположить, что Чуковский был достаточно лоялен к Ташкенту, а возможно, и вовсе никогда не испытывал к нему стойкой антипатии. Его сдержанные оценки могли быть вызваны прежде всего печальным опытом ссылки Лидии Корнеевны и ее подруги Екатерины Борониной. Теперь же, пересказывая впечатления очевидца, он сознательно смещает акценты, стараясь склонить дочь к мысли о переезде, подчеркивая при этом, что Ташкент уже не «тот».

Слова Нилина во многом оказались предвестием тех впечатлений, которые Чуковский зафиксировал в своем дневнике 24 октября 1941 года – на следующий день после прибытия в Ташкент:

У парикмахера – веер. Попрыскает одеколоном – и веет. У чистильщика сапог – колокольчик. Почистил сапог и зазвенит, чтобы ты подставил ему другой. Тополя – необыкновенной высоты – придают городу особую поэтичность, музыкальность. Я брожу по улицам, словно слушаю музыку – так хороши эти аллеи тополей. Арыки и тысячи разнообразных мостиков через арыки, и перспективы одноэтажных домов, которые кажутся еще ниже оттого, что так высоки тополя – и южная жизнь на улице и милые учтивые узбеки, – и базары, где изюм и орехи, – и благодатное солнце – отчего я не был здесь прежде – отчего я не попал сюда до войны? Я весь больной. У меня и грипп, и дизентерия, и выпало три вставных зуба, и на губе волдырь от лихорадки, – и тоска по Бобе – и полная неустрашенность жизни – и одиночество. Но – всё же я рад, что я хоть на старости увидел Ташкент. Самое здесь странное, неожиданное: это смеющиеся дети... Всю дорогу от Москвы до Ташкента я видел плачущих, тоскующих детей со стариковскими лицами, похуделых, осиротелых, брошенных, и вдруг здесь – на каждом бульваре, в каждом дворе копошатся, дерутся, барахтаются беспечные вполне нормальные дети. Сегодня я вышел на улицу рано. Дворники – большей частью узбеки – поливают ведрами улицы, черпая воду из арыков. Очевидно, это – древний способ, передающийся из рода в род. Школьники торопятся в школу – зрелище, которого я не видел в этом году в Москве. Показалось странным, что в СССР еще есть места, где дети учатся [Чуковский, 1994, с. 160].

Описание Чуковского можно условно разделить на несколько частей, на первый взгляд разнородных, но внутренне взаимосвязанных. В первой из них писатель фиксирует детали ташкентской повседневности, которые, получив эстетическое содержание, приобретают экзотическую поэтичность Востока. В первых строках, описывающих тружеников городского быта, Чуковский, скорее всего, ненамеренно обращается к нехарактерным для Средней Азии символическим элементам: веер – традиционная примета Дальнего Востока, в руках парикмахера становится знаковым атрибутом обслуживания, придавая обыденным действиям оттенок церемониальности. Чистка обуви превращается в целый обряд благодаря колокольчику, который в японской культуре выполняет функцию оберега [Садокова, 2017].

Далее Чуковский обращается к описанию городского пейзажа: аллей тополей, одноэтажных домов и арыков с многочисленными мостиками. Но восприятие города не ограничивается одними лишь визуальными образами. Звон колокольчика

переходит в «музыку тополей», создавая эффект медитативности и созерцательности. Однако далее этот процесс прерывается – в дальневосточную умиротворенность врывается «южная жизнь» Средней Азии – шумные базары, «крайские» плоды и солнце.

Изображения ташкентского пейзажа Чуковского во многом перекликаются с описаниями города, принадлежащими М. А. Волошину – русскому поэту, посетившему Ташкент в самом начале XX века. В одном из писем он отмечал:

Месяц тому назад я бродил по пустынным улицам Ташкента между бесконечными аллеями тополей, облитых ярким лунным светом. Светло было как днем. Улицы казались очень широкими. Тихо журчали по краям улиц многоводные «арыки» [Волошин, 2009, с. 431].

Впечатления от местных плодов Волошин передает в подчеркнута гиперболизированной форме: «За 25 копеек тут можно приобрести колоссальный арбуз пуда в 1/5 в 2, подобных которым по грандиозности мне никогда не случалось встречать. Виноградный куст тут приносит в среднем по 3 по 4 пуда винограду, а с десятины собирается по 10 000 пудов» [там же, с. 408].

Безусловно, Чуковский не мог быть знаком с письмами Волошина – они были адресованы не ему и не предназначались для широкой публикации. Такая невольная перекличка создает гипертекстуальную связь между дневниковыми записями Чуковского и эпистолярным его предшественника, образуя по теории Ж. Женетта палимпсест [Женетт, 1998].

Возвращаясь к дневниковой заметке Чуковского о Ташкенте, отметим, что за изображением идиллической картины города следует описание трагичности положения писателя – он упоминает собственную болезнь, одиночество, тоску по близким. Однако этот личный кризис не заслоняет положительного впечатления от Ташкента. Напротив, в его восприятии он становится своеобразным утешением.

Затем вновь возникает положительная картина, но Чуковский описывает ее подчеркнута сдержанно, так как она кажется ему «странной и неожиданной». Его поражает контраст с Москвой: здесь продолжается мирная повседневная жизнь – ташкентские дети смеются, а не плачут, каждое утро идут в школу. В том же ключе он вновь упоминает городских тружеников – дворников, исполняющих ритуал поливки улиц, который предстает как многовековой обряд. В этих наблюдениях отчетливо проступает ориентализм: подобная преемственность традиций в восприятии Чуковского соотносится с представлением о Востоке.

Цельное изображение Ташкента Чуковского не единообразно и создает впечатление мозаичности. В первую очередь из-за душевного состояния автора: здесь и медитативное умиление городским пейзажем, и внутреннее одиночество, и удивление мирной жизнью в условиях катастрофы. Во-вторых, из-за разнородных реалий Ташкента, которые в совокупности своей не позволяют соотнести описания Чуковского с какой-либо одной традицией. Веера и колокольчики, тополя и арыки, базары и изюм, старые родовые обычаи и школьники нового времени – все эти мотивы, хотя и отсылают к Востоку, не сводимы исключительно к Средней Азии. Сам же Чуковский определяет изображаемое пространство как Юг.

Рассмотренный нами отрывок из дневника Чуковского – первое и наиболее подробное описание Ташкента таким, каким увидел его писатель. В дальнейшем ташкентские реалии в его записях возникают лишь эпизодически, но всегда с положительной коннотацией:

День рождения. Ровно LX лет. Ташкент. Цветет урюк. Прохладно. Раннее утро. Чирикают птицы. Будет жаркий день. <...> Окна во двор – во дворе около сотни ребят, с утра до ночи кричащих по-южному [Чуковский, 1994, с. 162].

Вновь идиллический образ азиатского города изображается автором путем введения природных реалий и мотива детей. И это вполне закономерно: Чуковский известен прежде всего как детский писатель, поэтому профессиональным взглядом он выделяет в образе города то, что кажется ему особенно близким. Несмотря на дневниковое повествование, автор описывает Ташкент очень образно. Нетрудно заметить – в приведенном отрывке главными оказываются две стилистические фигуры. Первая – антитеза природного состояния: прохладное утро, наполненное цветением урюка и пением птиц, противопоставлено предстоящему жаркому дню. Вторая – гипербола: Чуковский насчитывает сотню детей во дворе дома. Характеризуя их крики, он вновь соотносит Ташкент не столько с Востоком, сколько именно с Югом, что в целом не отменяет остраненный взгляд писателя.

Продолжая поэтизацию повседневности, Чуковский зачастую подчеркивает положительные качества характера местных жителей, в частности, в одной заметке он напишет:

Ташкентская доброта неиссякаема. Пришел ко мне в номер бывший Нарком просвещения товарищ Юлдашев и предложил комнату – чудесную

меблированную комнату в центре города, в отличном районе. Уезжает его товарищ [Чуковский, 1994, с. 160].

В первом предложении заметки заключается метафора, в которой Чуковский отмечает не столько факт получения комнаты, сколько сам жест участия. В этом эпизоде можно усмотреть архетипический мотив восточного гостеприимства, который вплетается в общий образ города.

Уезжая из эвакуации в январе 1943 года, Чуковский оставит в дневнике ироничную, но вместе с тем очень теплую по содержанию запись. В прощальных словах звучит особое чувство привязанности к месту:

Прощай, милый Ташкент. Моя комната с нелепыми зелеными занавесками, с шатучим шкафом; со сломанной печкой, с перержавелым кривобоким умывальником, с двумя картами, заслоняющими дыры в стене, с раздребеженной дверью, которую даже не надо взламывать, с детским рисуночком между окнами, выбитым стеклом в левом окне, с диковинной форточкой, – немыслимый кабинет летом, когда под окном галдели с утра до ночи десятка три одеситов [Чуковский, 1994, с. 163].

Здесь Ташкент выступает в образе собеседника: автор словно напрямую обращается к городу, наделяя его чертами живого существа. Подробности квартирного быта Чуковский подает с легкой улыбкой и даже умилением: употребление слов «рисуночек», «диковинная»; повторная фиксация многочисленной дворовой детворы. Благодаря такой интонации даже скромная и несовершенная обстановка становится частью дорогого сердцу воспоминания, а прощание с Ташкентом окрашивается в мягкие благодарные тона.

Много лет спустя, в 1968 году, в одном из писем к дочери Чуковский напишет:

Лидочка! Спасибо за целительный сок. Когда-то в Ташкенте он спас меня от смерти. У меня началась дизентерия. Мама пошла в аптеку. Провизор громко произнес мое имя, принимая рецепт. Один из стоявших в очереди встрепенулся: «Чуковский? Корней Иваныч?» Оказалось, у него скончался когда-то сынишка с моим «Крокодилом» в руках. Человек сказал, что лекарство мне не поможет, и принес мне гранатовый сок, изготовленный домашним способом. Через день я был здоров [Чуковский, 2003, с. 517].

Эта сцена становится напоминанием, своеобразным продолжением мотива «ташкентской доброты» и положительного образа города, закрепившегося в сознании писателя.

В то же время восприятие Ташкента Л. Чуковской складывалось иначе. Как мы отмечали выше, первоначально оно окрашивалось в негативные тона из-за биографических обстоятельств ее подруги Е. А. Брониной, для которой Ташкент стал местом ссылки. Эта ассоциация сохранится у Чуковской и во время войны, когда она будет эвакуирована в Ташкент. В ее записях тех лет есть стихотворение, не вошедшее в ее поэтические книги, но, на наш взгляд, наиболее полно отражающее ее отношение к эвакуации:

И синие глаза мои
Старушечьи, но молодые,
И руки вольные мои,
Готовые служить России, –
Никто не пожалеет вас...
Всё бил их бог, слезами налил,
от пытки спас
И умирать в Ташкент отправил.

[Чуковская, 1997, с. 475].

Чуковская говорит о божественном вмешательстве в ее судьбу, но не местом спасения ей видится Ташкент, а последним пристанищем – в ее сознании он продолжает оставаться местом ссылки, теперь уже собственной. Тем не менее при изображении внешнего облика Ташкента Чуковская, отчасти как и ее отец, прибегает к образно-идиллическому тону:

Ташкент – город демонстративно красивый, природа там щедра и богата. Тополя вдоль широких прямых улиц; под их ветвями необъятная тень; волочишься по жаре от тополя до тополя, и он не обманет – осенит тебя блаженною тенью; на крышах луга ярко-красных маков; днем над городом вечно синее небо, а ночью – огромные, яркие звезды; белоснежные вершины гор вокруг; чуть не каждый месяц – новая весна. А пестрые узбекские халаты, а исчерна-черные косы узбечек, а длинные ресницы, а круглые личики малышей узбечат – личики, словно черноглазые персики. Но чем красивее горы, снега и цветы, чем звучнее прохладное журчание арыков, чем нежнее снег, внезапно усыпающий цветочные венчики, тем больше сжимается сердце от страшных, сотрясающих душу вестей [Чуковская, 2009, с. 457].

На первый взгляд, Чуковская создает почти утопический образ города, поэтически гиперболизируя природу («вечно синее небо», «огромные, яркие звезды», «чуть не каждый месяц – новая весна») и вводя азиатские этнографические детали («пестрые узбекские халаты», «черные косы», «черноглазые персики»). Но сквозь поэтический этуод проступают сомнения и двойственность:

природная щедрость и изобилие предстают как часть «демонстративной красоты», которая сама по себе словно избыточна. Герой Чуковской вынужден «влачиться по жаре» от тени до тени. А финальное предложение и вовсе разрушает лирическую идиллию города, создавая резкий смысловой поворот – красота природы лишь усиливает трагичность происходящего на фронте. Далекий от линии боевых действий Ташкент резко контрастировал с военной Москвой и блокадным Ленинградом, и это несоответствие вызывало у Чуковской неприятие.

В своих воспоминаниях Лидия Чуковская, описывая Ташкент, нередко прибегает к его поэтизации, используя выразительные средства, сходные с теми, к которым обращался Корней Чуковский. Так, она активно применяет гиперболу при характеристике городских реалий, сопровождая ее яркими сравнениями и экспрессивной лексикой. Однако затем, вводя смысловую антитезу, Чуковская снижает возвышенное восприятие города, указывая на его недостатки:

В Азии все колоссально, огромно: звезды, луна; если роза – то уж величиною с тарелку, если морковь – по локоть, орех – с яблоко, черепаха – с собаку. И воровство и взяточничество во время войны приняло в Ташкенте (и, конечно, не только там!) чудовищные, гомерические размеры [Чуковская, 2009, с. 453].

Характерно, что в этом фрагменте Ташкент у Чуковской оказывается поставлен в один ряд с концептом «Азия», становясь частью мифа о Востоке в русской литературе, с присущими ему мотивами грандиозности и экзотичности: звезды, луна, розы и т. д. Несмотря на это, почти романтический образ разбавляется мотивом социальной критики.

Многие мотивы ташкентских воспоминаний Чуковской нашли отражение в ее поэтическом творчестве, где светлая интонация городских пейзажей неразрывно связана с ощущением трагичности эпохи:

Как странно, есть еще живые.
Руками машут, говорят,
Большие, шумные такие,
И не лежат, и не молчат.
Цел мостик, речка вольно плещет,
Туман, где хочет, там плывет.
И не от ужаса трепещет –
От ветра! – тополь у ворот.

Декабрь 1941, Ташкент
[Чуковская, 1992, с. 20]

Чуковская выделяет в образе Ташкента те же реалии, что и ее отец, хотя и не была знакома с его

дневниковыми записями: мотивы мостика, речки, тополя образуют переключку в их восприятии города. Главным атмосферным мотивом стихотворения становится свобода: «вольно плещет речка», «туман плывет, где хочет». Но, в отличие от теплых и умиленных описаний Корнея Чуковского, в поэтическом образе Ташкента Лидии Чуковской преобладает не умиротворение, а скорее удивление на грани растерянности перед проявлениями гармонии жизни в годы войны. Эта двойственность восприятия отчетливо видна и в другом ее стихотворении:

Ташкентские розы в кокетливо-хрупком снегу.
Минутной зимы ледяные блестят небылицы.
Но я на красивое больше смотреть не могу.
Кошунственна эта лазурь, лепестки и ресницы!

Январь, 1942
[Чуковская, 1978, с. 29]

Любое проявление красоты и эстетики Чуковская воспринимает как неуместное, почти издевательское – словно проявление вычурной роскоши на фоне всеобщего страдания. Ташкент в восприятии писательницы предстает как чужбина, равнодушная к страданиям родины. В ее поэтических текстах эвакуационных лет отчетливо звучит чувство сиротства, а мотивы, перекочевавшие из дневника в стихотворения, лишь усугубляют это ощущение:

На чужой земле умирать легко.
Чужая земля не держит
Ни во ржи васильком, ни в окне огоньком,
Ни памятью, ни надеждой.
Только жить нельзя на чужой земле.
Не даром она чужая.
Глянь, звездами во всю разыгралась во мгле
О горе твоим не зная.

3-4/1 42, Ташкент
[Чуковская, 1997, с. 366]

Стоит отметить, что ощущение чуждости у Лидии Чуковской распространялось не только на Ташкент. Даже Москва оставалась для нее «не своим» местом. Единственным по-настоящему близким и любимым городом для нее был Ленинград, с которым она связывала свои жизненные устремления: «Намерения оставаться в Москве у меня не было. Мне просто хотелось быть поближе к Ленинграду: отправиться туда сразу, чуть только его освободят» [Чуковская, 2009, с. 460].

Заключение

Образ Ташкента в восприятии Корнея и Лидии Чуковских складывался амбивалентно. Если

для К. И. Чуковского он со временем претерпел изменения и стал восприниматься значительно более лояльно, то для Л. К. Чуковской оставался пространством, вписанным в оппозицию «свое – чужое» и противопоставленным родному Ленинграду. Несмотря на различие эмоциональных акцентов, в их текстах возникает мотивно-образная перекличка: Ташкент предстает как город спокойствия, красоты и жизненного благополучия на фоне военных невзгод и лишений. Однако в этом и заключается противоречие рецепций: отец воспринимает гармонию

благожелательно, тогда как дочь считает ее кощунственной и ложной. При этом оба автора выделяют во многом сходные реалии и поэтизируют их при помощи идентичных выразительных средств, прежде всего гиперболы и антитезы. Привлеченный дополнительно эпистолярный материал М. А. Волошина обнаруживает параллели с описаниями Чуковских. В совокупности это формирует в русской культурной традиции палимпсест в изображении Ташкента, открывающий новые перспективы в исследовании ташкентского текста в русской литературе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шафранская Э. Ф. Ташкентский текст в русской культуре. М.: Арт Хаус медиа, 2010.
2. Громова Н. А. Все в чужое глядят окно. М.: Совершенно секретно, 2002.
3. Кормилов С. И. Города в поэзии Ахматовой // Stefanos: сб. науч. работ памяти А. Г. Соколова / под ред. проф. А. П. Авраменко ; сост. Е. Г. Домогацкая, Е. А. Певак. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 131–165.
4. Шафранская Э. Ф. «Ташкентский фронт» (на материале фольклорной повседневности и литературы) // Вестник славянских культур. 2021. Т. 62. С. 232–245. DOI 10.37816/2073-9567-2021-62-232-245
5. Данилина Г. И. Н. А. «Не муза, а моя жизнь»: О лирике Лидии Чуковской / Г. И. Данилина, Н. А. Кармишенский // Новый филологический вестник. 2021. № 3 (58). С. 236–250.
6. Суханов В. А. Мой адрес: «Ташкент. Контора изысканий Оренбургско-ташкентской железной дороги» (Образ Ташкента в письмах Максимилиана Волошина) // Творчество М. Цветаевой в контексте мировой культуры. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2023. С. 91–97.
7. «Посмотрим, кто кого переупрямит...»: Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах / сост. П. М. Нерлер. М.: АСТ, 2015.
8. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы / Избранные труды. СПб.: Искусство–СПБ, 2003.
9. Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998.
10. Гачев Г. Д. Космо – Психо – Логос: Национальные образы мира. 3-е изд. М.: Академический проект, 2020.
11. Чуковская Л. Прочерк. М.: Время, 2009.
12. Чуковский К., Чуковская Л. Переписка: 1912–1969 / вступ. ст. С. А. Лурье, коммент. и подгот. текста Е. Ц. Чуковской, Ж. О. Хавкиной. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
13. Чуковский К. Дневник (1930–1969). М.: Современный писатель, 1994.
14. Садокова А. Р. Магическая функция колокольчика и колокола в японской народной культуре и фольклоре // Филологические науки в России и за рубежом: материалы V Междунар. науч. конф. СПб.: Свое издательство, 2017. С. 13–16.
15. Волошин М. А. Собрание сочинений / сост. А. В. Лаврова ; подгот. текста, коммент. В. П. Купченко, А. В. Лаврова. М.: Эллис Лак, 2009. Т. 8. Письма 1893–1902.
16. Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Т. 1. М.: Согласие, 1997.
17. Чуковская Л. По эту сторону смерти (Из дневника 1936–1976). Париж: YMCA-PRESS, 1978.

REFERENCES

1. Shafranskaya, E. F. (2010). Tashkentskiy tekst v russkoj kulture = The Tashkent Text in Russian Culture. Moscow: Art Haus Media. (In Russ.)
2. Gromova, N. A. (2002). Vse v chuzhoe glyadyat okno = Everybody Looks Through Somebody Else's Window. Moscow: Sovershenno sekretno. (In Russ.)
3. Kormilov, S. I. (2008). Goroda v poezii Akhmatovoj = Cities in Akhmatova's Poetry. In Stefanos (pp. 131–165): collection of scholarly works in memory of A. G. Sokolov. Ed. by A. P. Avramenko, comp. by E. G. Domogatskaya, E. A. Pevak. Moscow: MAKS Press. (In Russ.)
4. Shafranskaya, E. F. (2021). "Tashkentskiy front" (na materiale fol'klornogo povsednevnosti i literatury) = "Tashkent Front" (basing on folklore Daily Life and Literature). Vestnik slavianskikh kul'tur, 62, 232–245. DOI 10.37816/2073-9567-2021-62-232-245 (In Russ.)

5. Danilina, G. I., Karmishenskiy, N. A. (2021). "Ne muza, a moya zhizn": O lirike Lidii Chukovskoy = "Not a Muse, but My Life": On the Lyrics of Lidia Chukovskaya. *Novyj filologicheskij vestnik = The New Philological Bulletin*, 3(58), 236–250. (In Russ.)
6. Sukhanov, V. A. (2023). *Moj adres: "Tashkent. Kontora izyskanii Orenburgsko-Tashkentskoj zheleznoj dorogi" (Obraz Tashkenta v pis'makh Maksimiliana Voloshina) = My Address: "Tashkent. The Office of Explorations of the Orenburg-Tashkent Railway" (The Image of Tashkent in the Letters of Maximilian Voloshin)*. In *Tvorchestvo M. Tsvetaevoy v kontekste mirovoj kul'tury = The Works of M. Tsvetaeva in the Context of World Culture* (pp. 91–97). Orenburg: Orenburg State University. (In Russ.)
7. Nerler, P. M. (Comp.). (2015). "Posmotrim, kto kogo pereupryamit...": Nadezhda Yakovlevna Mandel'shtam v pis'makh, vospominaniyakh, svidetel'stvakh = "Let's See Who Will Out-Stubborn Whom...": Nadezhda Yakovlevna Mandelshtam in Letters, Memories, Testimonies. Moscow: AST. (In Russ.)
8. Toporov, V. N. (2003). *Petersburgskij tekst russkoj literatury: Izbrannye trudy = The Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works*. St. Petersburg: Iskusstvo–SPB. (In Russ.)
9. Genette, G. (1998). *Figury = Figures (Vol. 1)*. Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh. (In Russ.)
10. Gachev, G. D. (2020). *Kosmo – Psikho – Logos: Nacional'nye obrazy mira = Cosmo – Psycho – Logos: National Images of the World*. 3rd ed. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russ.)
11. Chukovskaya, L. (2009). *Procherk = Dash*. Moscow: Vremya. (In Russ.)
12. Chukovsky, K., Chukovskaya, L. (2003). *Perepiska: 1912–1969 = Correspondence: 1912–1969* (S. A. Lurie, Intro. ; E. Ts. Chukovskaya, Zh. O. Khavkina, comms. & text prep.). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
13. Chukovsky, K. (1994). *Dnevnik (1930–1969) = Diary (1930–1969)*. Moscow: Sovremenny pisatel'. (In Russ.)
14. Sadokova, A. R. (2017). *Magicheskaya funkciya kolokol'chika i kolokola v yaponskoj narodnoj kul'ture i fol'klore = The Magical Function of the Bell and the Little Bell in Japanese Folk Culture and Folklore*. *Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom: Materials of the V International Scientific Conference* (pp. 13–16). St.Petersburg: Svoe Izdatel'stvo. (In Russ.)
15. Voloshin, M. A. (2009). *Sobranie sochinenij = Collected Works (vol. 8: Letters 1893–1902; comp. by A. V. Lavrov, text prep. and commentary by V. P. Kupchenko, A. V. Lavrov)*. Moscow: Ellis Lak. (In Russ.)
16. Chukovskaya, L. (1997). *Zapiski ob Anne Akhmatovoj. 1938–1941 = Notes on Anna Akhmatova. 1938–1941 (vol. 1)*. Moscow: Soglasie. (In Russ.)
17. Chukovskaya, L. (1978). *Po etu storonu smerti (Iz dnevnika 1936–1976) = On This Side of Death (From the Diary, 1936–1976)*. Paris: YMCA-Press. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Суханов Виктор Алексеевич

преподаватель

кафедры русского литературоведения

Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sukhanov Viktor Alekseevich

Lecturer

at the Department of Russian Literary Studies

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

12.12.2025
17.01.2026
05.02.2026

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Мифопоэтика inferнального в лирике Г. Тракля

И. Б. Чернявский

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
chernyavskiy_ib@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается образный мир inferнального в лирике Георга Тракля (1887–1914), анализируется трансформация тем, мотивов и образов ужасного и хтонического от раннего периода творчества к позднему, представленному стихотворениями из сборников «Gedichte» (1913) и «Sebastian im Traum» (1914). Цель исследования состоит в выявлении inferнальных инвариантов поэтической мифологии Г. Тракля. С помощью системного подхода, мифопоэтического, герменевтического и культурно-исторического методов изучаются ключевые inferнальные мифологемы в лирике Г. Тракля: женские хтонические фигуры, образы двойников, падших ангелов, инверсированная христианская образность, эсхатологические мотивы, топосы ада, хронотоп зимы. Inferнальное у Г. Тракля образует целостную художественную систему, в которой через призму эстетики экспрессионизма создается субъективистская, визионерская поэтическая мифология.

Ключевые слова: экспрессионизм, Г. Тракль, мифопоэтика, хтоническое, inferнальное, австрийская поэзия

Для цитирования: Чернявский И. Б. Мифопоэтика inferнального в лирике Г. Тракля // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2 (908). С. 123–133.

Original article

The Mythopoetics of Infernality in the Lyrics of Georg Trakl

Ivan B. Chernyavskiy

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
chernyavskiy_ib@mail.ru*

Abstract. The article examines the figurative world of the infernal in the lyrics of Georg Trakl (1887–1914), tracing the transformation of themes, motifs, and images of the horrific and the chthonic from the early period of his work to the later one, represented by the poems from the collections “Gedichte” (1913) and “Sebastian im Traum” (1914). The purpose of this study is to identify the infernal invariants of G. Trakl’s poetic mythology. Using a systemic approach, along with mythopoetic, hermeneutic, and cultural-historical methods, the study explores key infernal mythologemes in Trakl’s poetry: female chthonic figures, images of doubles, fallen angels, inverted Christian imagery, eschatological motifs, the topos of hell, and the chronotope of winter. The infernal in Trakl’s work forms an integral artistic system in which, through the prism of Expressionist aesthetics, a subjectivist, visionary poetic mythology is created.

Keywords: expressionism, G. Trakl, mythopoetics, chthonic, infernal, Austrian poetry

For citation: Chernyavskiy, I. B. (2026). The Mythopoetics of Infernality in the Lyrics of Georg Trakl. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(908), 123–133. (In Russ.)

Введение

На рубеже XIX–XX веков европейская культура вступила в переломную эпоху смены ценностных, эстетических и эпистемологических ориентиров. Привычная картина относительно стабильного и понятного мира рушилась, ставя под сомнение возможности рационального познания действительности, характер внутреннего мира человека, подверженного влиянию социальной среды, а также самые основания европейской культуры. А. Бергсон (Henri-Louis Bergson, 1859–1941) и Э. Мах (Ernst Mach, 1838–1916) направили философскую мысль эпохи в сторону субъективизма и иррационализма, признавая за интуицией возможность через переживание жизни приблизиться к сути явлений, а за комплексом человеческих ощущений статус первичной реальности. З. Фрейд (Sigmund Freud, 1856–1939) в своей психоаналитической теории существенно углубил представления о бессознательном, представив человеческую ментальность в качестве сложной организации с «темными отсеками», в которые вытесняются все подавленные, имморальные переживания, травмы и желания. Наконец, Ф. Ницше (Friedrich Wilhelm Nietzsche, 1844–1900) в «Весёлой науке» («Die fröhliche Wissenschaft», 1882) констатирует «смерть Бога» [Ницше, 2002, с. 121], что может быть воспринято как крах неизменного Абсолюта нравственности и культуры, который остался в качестве безжизненного идола. Искусство, включая художественную литературу, особенно тонко чувствовало происходящие перемены, поэтому как декадентские интенции эскапизма в красоту, мистические миры символов, так и авангардистские художественные эксперименты стали своеобразным отражением происходящих в культуре процессов.

Ярким выразителем подобного мироощущения переходной, рубежной эпохи стал австрийский поэт Г. Тракл (Georg Trakl, 1887–1914), чей непродолжительный, трагический творческий путь прошел от неоромантического увлечения «проклятыми поэтами», французскими символистами до открытия уникального авангардного авторского стиля, который оказался близким поэзии экспрессионизма. В центре этого эстетического умонстроения лежат субъектоцентризм, экспликация (выражение) внутреннего во внешнее, амбивалентность, а также доходящее до эсхатологических картин катастрофическое мировидение. Как писал Ф. Ницше о художественной ситуации конца XIX века, «художник испытывает потребность так деформировать мир, чтобы суметь в нем выжить» [Nietzsche, 1956, с. 82]. Н. В. Пестова указывает, что «эта формула философа – ключ к пониманию всех тех мыслительных, а затем и стилистических

категорий, которыми оперировали молодые литераторы. Отчуждение в социологическом, антропологическом и теологическом аспектах разрешалось небывалым очуждением искусства» [Пестова, 2002, с. 98]. Если формальная сторона подобного очуждения вела к прямой деформации внешнего мира, искажению форм, субъективизации цвета, нарушению грамматических связей, совмещению частей речей, продуцированию окказионализмов, то на уровне содержательном для экспрессионистской лирики стало частотным и симптоматичным обращение к inferнальной (*лат. infernus* – нижний, подземный, имеющий отношение к аду, царству мертвых) мифологической образности. В поэтическом наследии Г. Тракла хтонические образы представлены широко и разнообразно, а за ними в авторской мифологии поэта стоит трагический дух времени.

Актуальность настоящего исследования обусловлена двумя взаимосвязанными обстоятельствами: 1) возрастающим интересом к фигуре Г. Тракла в отечественной германистике и читательской среде, что подтверждается выходом новых переводов, научных статей и диссертаций; 2) предметом изучения, связанным с современным направлением гуманитарных исследований мифа, его структуры и поэтики [Тимралиева, 2024; Андреюшкина, 2022; Зейферт, 2022; Андреюшкина, 2022; Гугнин, 2021; Андреюшкина, 2021].

Новизна научной работы заключается в систематизации лирики Г. Тракла, посвященной ужасному и inferнальному, в аспекте поэтической эволюции.

Мифопоэтика inferнального в творчестве Г. Тракла исследуется на материале его ранней лирики и двух поэтических сборников – «Gedichte» («Стихотворения», 1913) и «Sebastian im Traum» («Себастьян во сне», 1914) общим объемом 9,8 п. л.

Цель исследования достигается решением следующих задач:

- выявление ключевых образов и специфики их поэтической репрезентации в ранних текстах Г. Тракла;
- анализ основных амбивалентных образов падшего ангела, духа зла, сестры и др. в зрелой лирике поэта;
- рассмотрение эсхатологических мотивов и образов, а также inferнальных топосов в поздней лирике Г. Тракла.

Методологически указанные задачи решаются при помощи системного подхода, сочетающего мифопоэтический и герменевтический методы с исторической поэтикой. Теоретическую базу исследования составляют труды Н. В. Пестовой, И. Г. Мальцевой и К. Л. Шнайдера по эстетике и поэтике австрийского экспрессионизма и творчеству Г. Тракла.

Практическая ценность научной работы определяется возможностью использовать результаты исследования при подготовке занятий по истории зарубежной литературы рубежа XIX–XX веков и по истории литературы немецкоязычных стран, а также при разработке спецкурсов по немецкой поэзии и мифопоэтике в высших учебных заведениях.

Поэтика ужасного в ранней лирике Г. Тракля

Мифология потустороннего в художественном мире Г. Тракля широка и разнообразна. Как в его ранней лирике, так и в зрелой встречаются ключевые для его творчества хтонические женские образы, в частности, истлевающей девы или сестры (*die Schwester in der Verwesung*), образы падших ангелов (*gefallene Engel*), Духа зла (*der Geist des Bösen*), Зверя (*ein Tier*), двойника-убийцы, несущей покой в смерти Ночи и др. При том, что ряд образов и мотивов хтонической мифологии Г. Тракля имеет отчетливую связь с традицией, в том числе религиозной, ряд других образов является порождением мифопоэтической фантазии самого автора, либо наполняется принципиально новым содержанием, допускающим гармонию контрастов и сочетание полярных явлений.

Первые поэтические опыты Г. Тракля демонстрируют осязаемое влияние декадентской и романтической поэзии. Несмотря на необычную образность, эти стихотворения не обладают той затемненностью смысла и сложной авангардистской поэтикой, которая характерна для более поздних работ Г. Тракля. Тем не менее в ранней лирике поэта выделяется несколько произведений, в которых не только отразилась рецепция близких Г. Тракля поэтов-предшественников, но и наметились основные линии траклевской inferнальной мифологии. В стихотворениях «*Das Grauen*» («Ужас», 1909), «*Sabbath*» («Шабаш», 1909), «*Ballade*» («Баллада», 1909), «*Der Heilige*» («Святой», 1908) и «*Die tote Kirche*» («Мертвая церковь», 1908) наблюдаются две тенденции мифопоэтической репрезентации inferнального:

1. -Обращение к темным образам иудео-христианской и средневековой европейской мифологии, включая Каина, ведьм и демона.

2. -Переворачивание светлой религиозной образности и символики, которые становятся противопоставленным зеркальным отражением, что ведет к формированию своеобразного «антимифа».

В одном из наиболее примечательных ранних стихотворений Г. Тракля «*Das Grauen*» («Ужас», 1909) возникает важная для романтической эстетики тема двойничества. О специфике этого мотива

в романтизме В. В. Ванслов писал следующее: «Романтики идут еще дальше по пути художественного заострения в изображении дисгармонии современного человека и мира вообще. Они создают образы, в которых противоречия жизни приводят уже не только к духовному, а, так сказать, к физическому распаденю человеческого существа на две взаимоисключающие части. Для этого используется идейно-образный мотив тени» [Ванслов, 1966, с. 84]. В романтическом духе в лирике Г. Тракля частотной фигурирует тема распадающегося дробленного сознания, когда лирический герой сталкивается со своими «теньями», представляющими некие иные, нередко потусторонние аспекты его же самого. В стихотворении «*Das Grauen*» («Ужас», 1909) зеркальное отражение лирического героя представлено в отчетливо inferнальных тонах, потому что лирический герой видит в нем Каина, сына Адама, проклятого Богом за первое в истории убийство человека:

Aus eines Spiegels trügerischer Leere
Hebt langsam sich, und wie ins Ungefähre
Aus Graun und Finsternis ein Antlitz: Kain!
Sehr leise rauscht die samtene Portiere,
Durchs Fenster schaut der Mond gleichwie ins Leere,
Da bin mit meinem Mörder ich allein¹.

Из обманчивой пустоты зеркала
Поднялся как в неясности
Из ужаса и мрака лик: Каин!
Очень тихо шелестит бархатный портьер,
Чрез окно глядит луна как в пустоте,
Там я один с убийцею своим².

Указание, что в зеркале лирический герой видит не свое отражение, а Каина, не отождествляя себя с ним прямо, свидетельствует о раздвоенности. Лирический ночной пейзаж, лишенный света, несмотря на луну, которая следит за героем, заостряет ситуацию сомнамбулического распада личности, что особенно характерно в контексте последней строфы стихотворения:

Da bin mit meinem Mörder ich allein. –
Там со своим убийцей я наедине.

Исходя из того, что Каин назван «моим убийцей», лирический герой еще и опосредованно совмещается с Авелем, а грозящий смертью пришелец возникает из самого лирического героя, его сознания, являясь его отражением. В этом ключе стихотворение создает атмосферу замутненного,

¹Зд. и далее поэтические фрагменты цитируются по: Тракль Г. Стихотворения, проза, письма. СПб.: Symposium, 2000.

²Зд. и далее, если не указан переводчик, перевод наш. – И. Ч.

безумного или сновидческого состояния, расколотого внутреннего мира, предчувствующего свою гибель, но вместе с тем оказывается, что убийца и жертва – это по сути одна фигура, что ведет к ее принципиальной амбивалентности. Подобная двойственность была характерной чертой искусства и литературы рубежа XIX–XX веков, на что обращает внимание В. М. Толмачев¹.

Топос лунной ночи встречается также в стихотворении «Sabbath» («Шабаш», 1909), в котором лирический герой Г. Тракля неожиданно для себя оказывается на собрании ведьм:

Ein Hauch von fiebernd giftigen Gewachsen
Macht träumen mich in mondnen Dämmerungen,
Und leise fühl ich mich umrankt, umschlungen,
Und seh gleich einem Sabbath toller Hexen. –

Дыхание болезненно-отравленных растений
меня уводит в грезы в лунных сумерках,
И тихо чувствую себя я им обвитым, окруженным,
И вижу вдруг шабаш ведьм лихих.

Снова возникает мотив пограничного состояния сознания, что позволило лирическому герою вступить в контакт с потусторонним. Движимый страстью, герой сталкивается со своей погибелью, что делает ведущей темой стихотворения синтез эроса и танатоса – ведущих инстинктов жизни в психоаналитической теории З. Фрейда. Сам образ ведьм двойся: они предстают как прекрасные, соблазнительные и мудрые языческие жрицы («Ihre Lippen kundig aller Künste» / «Их губы все искусства знают»), но и вместе с тем как безжалостные, ненасытные менады, приносящие кровавые жертвоприношения в пламени («O rasende Mänade»).

В стихотворениях «Die tote Kirche» («Мертвая церковь», 1908) и «Der Heilige» («Святой», 1908) наблюдается инверсия христианской образности: религиозная лексика указывает на церковь, паству, священника, святого, распятие и т. д., однако вместо вертикального восхождения к свету и спасению в стихотворении представлено нисходящее движение во тьму и смерть. В первом стихотворении подобная направленность следует из строк:

Der Priester schreitet
Vor den Altar; doch übt mit müdem Geist er
Die frommen Bräuche – ein jämmerlicher Spieler,
Vor schlechten Betern mit erstarrten Herzen,
In seelenlosem Spiel mit Brot und Wein. –

¹Толмачев В. М. и др. Зарубежная литература конца XIX – начала XX века: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2008.

Священник шагает
Перед алтарем; однако с утомленным духом
совершает он
Благочестивые обряды – жалкий игрок,
Перед плохой паствой с затвердевшими сердцами,
В игре бездушной с хлебом и вином.

Жизнь покинула храм, посему причастие – одно из главных христианских таинств – утратило свой высокий смысл, став бездушной ритуальной игрой. Однако Г. Тракль показывает, что в этом храме не просто отсутствует Бог и смысл, но им нашлась злоеющая замена. С течением стихотворения в храме сгущается мрак, а в конце из затемненной пустоты является безымянный смертельный ужас (Das Todesgrauen), обрывающий стихотворение на мольбе перепуганных прихожан. Во втором стихотворении святой, ищущий спасения у Девы Марии, сам призывает на себя преисподнюю, творимую его страстью и греховным влечением:

Wenn in der Hölle selbstgeschaffener Leiden
Grausam-unzüchtige Bilder ihn bedrängen. –

Когда в аду мучений им же сотворенных
Видения ужасны и развратны его теснят.

Дискомфортный эффект двойственности в этих произведениях создается Г. Траклем посредством своеобразной темной витальности: то, что несет ужас и страдание, парадоксальным образом вместе с тем несет жизнь, потому что пробуждает жестокосердную паству от мертвенного оцепенения, а святого-грешника побуждают к покаянию и молитвам самые греховные желания.

Инферральная образность в поэтическом сборнике Г. Тракля «Gedichte» («Стихотворения», 1913)

Стихотворения из поэтических сборников «Gedichte» (1913) и «Sebastian im Traum» (1914), наряду с некоторыми посмертно опубликованными произведениями, относятся к этапу зрелой лирики Г. Тракля. В этом круге текстов увядание и распад, образы метафизического зла, эсхатологическая проблематика, хтонические женские образы и мифологизация ночи являются повторяющимися образно-тематическими константами. С точки зрения мифологической репрезентации инферального выделяется несколько опорных лирических произведений. Так, в поэтическом сборнике «Gedichte» (1913) инферральная образность наиболее полно раскрывается в стихотворениях «Winterdämmerung» («Зимние

сумерки», 1913), «Traum des Bösen» («Видение зла»), «Menschheit» («Род людской», 1913), «De Profundis», «Trompeten» («Трубы», 1913), «Amen» («Аминь», 1913), «An Luzifer» («К Люциферу», 1913) и «Der Schlaf» («Сон», 1913).

В зрелых и поздних стихотворениях Г. Тракля заметно усложнение поэтического языка, появляются характерные для его поэтики и поэтики экспрессионизма в целом абсолютные метафоры, лексико-грамматические эксперименты, синтетосемия (одновременная многозначность) [Мальцева, 2004], стиль нанизывания образов (Reihungstil) [Schneider, 1978] и т. д. Образы inferнальных и хтонических созданий обретают большую семантическую насыщенность, метафоричность и неоднозначность. Г. Тракль чаще обращается к библейским парафразам, особенно из «Откровения Иоанна Богослова», как, например, в стихотворении «Trompeten» («Трубы», 1913), где возникает образ трубящих о Конце света ангелов:

Unter verschnittenen Weiden,
wo braune Kinder spielen
Und Blätter treiben, tönen Trompeten.
Ein Kirchhofsschauer. –

Под скошенными ивами,
где карие дети играют
И падают листья, звучат трубы.
Ужас погоста.

Смутное, локально или индивидуально ограниченное предчувствие надвигающегося ужаса сменяется в этих стихотворениях символическими картинами тотальной катастрофы.

Исходя из подобной апокалиптической направленности ряда стихотворений позднего периода творчества Г. Тракля, характерно появление фигуры дьявола. Чаще всего он именуется в поэтической мифологии Г. Тракля Духом зла (Geist des Bösen), несколько реже Сатаной (Satan) и Люцифером (Luzifer). В стихотворении «Amen» действует ангел смерти Азраил, чей лексико-семантический ореол указывает на близость с образом дьявола, что, тем не менее, не свидетельствует об их идентичности, а скорее указывает на распространенное для Г. Тракля соположение противоположностей, позволяя соединить в образе Азраила ангельское и inferнальное до их полной неразличимости. Образ Князя тьмы в лирике Г. Тракля лишен конкретики и характерных узнаваемых внешних черт, с ним связаны концепты и метафорика мрака, ужаса, обмана, возвышенного. В стихотворении «An Luzifer» («К Люциферу») дьявол предстает в трагически-романтических тонах:

Es folgt der Dunkle dem Schatten
Des Bösen, oder er hebt die feuchten Schwingen
Zur goldenen Scheibe der Sonne und es erschüttert
Ein Glockenton die schmerzzerrissene Brust ihm,
Wilde Hoffnung; die Finsternis flammenden Sturzes. –

Следует Тёмный за Тенью
Зла, или поднимает влажные крылья
К золотому диску солнца, и колокольный звон
Сотрясает ему истерзанную болью грудь,
Дикую надежду; мрак пламенеющего паденья.

Дьявол здесь напоминает мифологического Икара: он тянется к солнцу, но не может его достигнуть. Так возникает контрастный светотеневой образ, демонстрирующий через метафизическую вертикаль взлета и падения трагическую судьбу Люцифера (*лат. Lucifer – светоносный*), чье ангельское имя в христианском предании служит указанием на динамику метафизических трансформаций света и тьмы.

Пространственные мифологемы ада также играют существенную роль в этих стихотворениях, так как в них проступает характерный для поэтов-экспрессионистов и лириков начала XX века, включая Г. Гейма (Georg Heym, 1887–1912), Я. ван Ходдиса (Jakob van Hoddis, 1887–1942), Р. М. Рильке (Rainer Maria Rilke, 1875–1926) и др., мотив урбанистического ада, города как порочного средоточия хтонических сил. И. Млечина о городской топике в поэзии экспрессионистов пишет следующее: «Город таит в себе много опасных ловушек, обмана, лжи. Он предстает одновременно и как нечто притягательное, манящее, и как капкан для юных душ, средоточие зла. Все вокруг – фантомы, всё призрачно и ирреально»¹. Inferнальный топос города представлен в стихотворениях «Menschheit» («Род людской», 1913) и «Vorhölle» («Преддверие ада», 1914) из второго поэтического сборника Г. Тракля «Sebastian im Traum».

В стихотворении «Menschheit» («Род людской», 1913) городское пространство представлено как аллегорическое место впадения в кипящую металлами и пламенем бездну:

Menschheit vor Feuerschlünden aufgestellt,
Ein Trommelwirbel, dunkler Krieger Stirnen,
Schritte durch Blutnebel; schwarzes Eisen schellt,
Verzweiflung, Nacht in traurigen Gehirnen:
Hier Evas Schatten, Jagd und rotes Geld. –

Род людской пред огненную пропасть выстроен,
Бой барабанов, темных воинов чело,

¹Млечина И. Город // Энциклопедический словарь экспрессионизма. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 159.

Поступь сквозь туман кровавый; черное железо звенит,
Отчаянье, ночь в печальных умах:
Тень Евы здесь, погоня и красное золото».

Урбаническое в этом стихотворении связывается с милитарным, Г. Тракль мифологизирует городское пространство до огромной дьявольской кузницы греха, существующей ради войны, пожирающей солдат и направляющей человечество к неуклонной гибели, которая предельно выразительна, в чем-то напоминает мрачную фантастическую образность немецкого барочного поэта Андреаса Грифиуса (Andreas Greif, 1616–1664).

Стихотворение «Vorhölle» («Преддверие ада», 1914) развивает эту образность, уже самим своим названием указывая на сущность города:

Leise läutet der steinerne Bau;
Der Garten der Waisen, das dunkle Spital,
Ein rotes Schiff am Kanal.
Träumend steigen und sinken im Dunkel
Verwesende Menschen
Und aus schwärzlichen Toren
Tretten Engel mit kalten Stirnen hervor;
Bläue, die Todesklagen der Mütter.
Es rollt durch ihr langes Haar,
Ein feuriges Rad, der runde Tag
Der Erde Qual ohne Ende. –

Тихо звенит каменное сооружение;
Сад сирот, темная лечебница,
Красный корабль на канале.
Сонно поднимаются и тонут во мраке
Разлагающиеся люди
И из черноватых ворот
Выходят ангелы с холодными лбами;
Синева, смертные плачи матерей.
Катится сквозь их длинные волосы,
Пылающее колесо, целый день
Земных мучений без конца.

Менее аллегорическая пространственная картина города и указание на современные поэту городские постройки позволяет сопоставить бытовой урбанистический топос с inferнально-мифологическим. Возникает ситуация двоемирия, при которой город двойится, обнажая скрытую потустороннюю сущность. Весь город – это гигантский погост, по которому бродят полуистлевшие призраки людей. Примечательной в эстетическом и мировоззренческом планах особенностью стихотворения является также соединение духовного и телесного: метафизические образы и абстракции обладают отчетливой соматичностью, что ведет к появлению ярких образов овеществленного зла в финале

стихотворения, достигаемых за счет использования абсолютных метафор: «Des Hungers in faulendem Dunkel» («Голод в гниющей тьме»), «Die schwarzen Schwerter der Lüge» («Чёрные мечи лжи»).

В поэтической мифологии Г. Тракля город используется в качестве символа инфернализованного пространства, а символом инфернализованного времени у Г. Тракля чаще всего выступают зима и сумерки. Для мифологического сознания в циклической сезонной организации времени зима является временем торжества смерти над жизнью, периодом власти мрака вплоть до рождения солярного божества, совпадающего с началом нового года. У Г. Тракля в позднем творчестве зимняя пейзажная тематика присутствует в целом ряде стихотворений, включая «Winterdämmerung» («Зимние сумерки»), «Im Winter» («Зимой»), «Ein Winterabend» («Зимний вечер»), «Winternacht» («Зимняя ночь»), «Wintergang in a-Moll» («Зимнее шествие в тональности ля минор») и т. д. Во всех этих лирических произведениях присутствует inferнальная образность, связанная с библейскими и литературными аллюзиями, а также германо-скандинавской мифологией.

В контексте эсхатологической образности репрезентативным является стихотворение Г. Тракля «Winterdämmerung» («Зимние сумерки», 1913). Мир в этом стихотворении представлен опустевшим и безжизненным, всё вокруг покрыли тени и тучи, в которые «вмерз мерцающий луч» («Im Gewölk erfriert ein Strahl»), вокруг которого под проклятием Сатаны семикратно вращаются стаи голодных ворон («Und vor Satans Flüchen drehen / Jene sich im Kreis und gehen / Nieder siebenfach an Zahl»), а небо уподобилось черному металлу («Schwarze Himmel von Metall»). Г. Тракль склоняется в этом стихотворении к номинативным рядам предложений и словосочетаний, описывающих застывшую картину ввергнутого в постоянство смерти мира, в котором остались только вороны, проклятие дьявола, руины человеческой цивилизации и беспредельный холод и мрак. В конце стихотворения появляется городской канал, по которому плывет корабль с окровавленным парусом:

Blutbefleckte Linnen blähen
Segel sich auf dem Kanal. –

Запятнанный кровью парус вздымается,
Плывя по каналу.

Сочетание реки, крови и льда может указывать на пространственные образы «Ада» из «Божественной комедии» («La Divina Commedia», 1321) Данте Алигьери (Dante Alighieri, 1265–1321),

в которой присутствует река кипящей крови наильников над ближними Флегетон, а также замерзшее озеро Коцит в самом средоточии Ада. Если в предыдущих стихотворениях, метафорически показывающих преддверия преисподней, человеческое еще в каком-то виде продолжало существовать, то в этом зимнем стихотворении от человека остался только разрушенный материальный мир, тогда как всё остальное ушло в небытие.

Инфернальная образность в поэтическом сборнике Г. Тракля «Sebastian im Traum» («Себастьян во сне», 1914)

Второй поэтический сборник Г. Тракля «Sebastian im Traum» («Себастьян во сне», 1915) демонстрирует развитие тематики и образного ряда поэтической мифологии Г. Тракля. Вместе с тем, специфика его поэтики несколько видоизменяется: возрастает количество абсолютных метафор и сложных для истолкования авторских образов, наблюдается ещё большее тяготение к амбивалентности, визионерскому стилю и герметичной непрозрачности поэтического текста. Мифопоэтика инфернального наиболее репрезентативно проявилась в лирических произведениях из сборника «Sebastian im Traum» («Себастьян во сне», 1914), «Verwandlung des Bösen» («Превращения зла», 1914), «Die Verfluchten» («Проклятые», 1914), «Geburt» («Рождение», 1914), «An die Verstummten» («Онемевшим», 1914), «Siebengesang des Todes» («Семигласие смерти», 1914), «Winternacht» («Зимняя ночь», 1914), «Vorhölle» («Преддверие ада», 1914), «Traum und Umnachtung» («Сон и затмение», 1914), «Ruh und Schweigen» («Покой и Молчание», 1914) и Grodek («Гродек», 1914).

Стихотворение «Sebastian im Traum», по которому назван весь поэтический сборник, является образцом интермедальной поэзии Г. Тракля, исполненной сновидческими образами и тропами, которым тесно в вербальных границах текста. В третьей части стихотворения появляется образ Духа зла:

Im Schatten des Nußbaums der Geist des Bosen erschien. – В тени орешника явился Дух зла.

В предыдущей части структурно в том же месте, а также в очень близком лексико-семантическом контексте является «розовый ангел» («rosiger Engel») герою стихотворения, в котором узнается святой Себастьян. Подобное соположение при отсутствии каких-то явных действий со стороны метафизических сил, а также их описания, свидетельствует

о нивелировании демаркации между ангелическим и демоническим, которые становятся частью некоего целого визионерского сна Себастьяна, в котором он видит святые и греховные образы, а также предчувствует приближение смерти.

Подобное стирание граней присутствует в мифопоэтических многоплановых образах стихотворения «Geburt» («Рождение», 1914). Процесс рождения мифологизируется, символически поднимаясь до уровня природных катаклизмов: при участии Ночи происходит слом горной породы, который ведет к рождению новой жизни. При этом женские образы выступают родительницами инфернального:

O, die Geburt des Menschen. Nächtlich rauscht
Blaues Wasser im Felsengrund;
Seufzend erblickt sein Bild der gefallene Engel. –

O, человека рождение. Ночной шум
Синей воды в скале;
Вздыхая, созерцает свой лик падший ангел.

Рожденный женским природным началом падший ангел назван человек и ребенком, которого «чёрным крылом касается ночь»:

Mit schwarzem Flügel
Rührt die Knabenschlaf die Nacht.

Несмотря на «темную» принадлежность большинства образов стихотворения, Г. Тракль пишет, скорее, в нейтрально-возвышенном регистре, эксплицитно никак не оценивая действующие лица с позиции их принадлежности к злу. Так возникают семантически замутненные образы, в которых усматривается сочетание полярных черт, доходящее до слитности.

С большей определенностью, в которой ощущается развитие и заострение экспрессионистской образности зла, инфернальное фигурирует в двух стихотворениях в прозе Г. Тракля, а именно в «Verwandlung des Bösen» («Превращения зла», 1914) и «Traum und Umnachtung» («Сон и затмение», 1914). Общая поэтико-тематическая линия стихотворений определяется их названиями – это метаморфозы зла в сомнамбулическом, искаженном пространстве бытия лирического героя. Сама галерея инфернальных образов обширна: олицетворенная тьма, Зверь гибельного красного пламени, «преисподняя сна» («die Hölle des Schlafs»), Ночь, восставшие мертвецы и Смерть. Также возникает образ падшего ангела, в котором лирический герой узнает себя, став причастным грехопадения:

Du, ein grünes Metall und innen ein feuriges Gesicht,
das hingehen will und singen vom Beinerhugel
finstere Zeiten und den flammenden Sturz des Engels –

Ты, зеленый металл с огненным ликом внутри –
он рвется наружу воспеть с кургана костей темные
времена и пламенное низвержение ангела.

Сочетание образов металла и пламени является характерной маркировкой inferнального топоса в поэтической мифологии Г. Тракля, при этом использование вопросительных форм второго лица имплицитно указывают на двойственность самого лирического героя, который погружается в себя, обнаруживая внутри своей субъективности и ментальности сонмы мятежных ангелов.

Эта линия многоуровневого двойничества лирического героя, обнаруживающего в себе inferнальные отражения, в еще большей степени проявляется в стихотворении в прозе «Traum und Umnachtung» («Сон и затмение», 1914). В визионерско-метафорическом путешествии лирического героя сменяются картины ухода из отчего дома, предания греху и раскаяния, насилия над самим собой в образе ребенка, встреча со своей кровоточащей тенью и, наконец, сближение со своей сестрой, также выступающей своеобразным двойником лирического героя:

Purpurne Wolke umwölkte sein Haupt,
daß er schweigend über sein eigenes Blut
und Bildnis herfiel, ein mondenes Antlitz; steinern
ins Leere hinsank, da in zerbrochenem Spiegel,
ein sterbender Jüngling, die Schwester erschien;
die Nacht das verfluchte Geschlecht verschlang. –

Пурпурные облака заволокли чело, и безмолвно
рухнул он в свою собственную кровь и в свое
отражение, лунный лик; каменно погрузился
в пустоту, когда в расколотом зеркале умирающим
отроком предстала сестра; ночь поглотила
проклятие пола, проклятие поколений.

Как и в одном из наиболее значительных стихотворений Г. Тракля «Ruh und Schweigen» («Покой и Молчание», 1914), сестра является предельно амбивалентным действующим лицом поэзии Г. Тракля, в ней неразрывно соединяются эротические и танатологические внутренние мотивы лирического героя. В поэтической мифологии Г. Тракля лирической герой и его сестра формируют дуалистическую пару, как правило, связанную с бинарными оппозициями: живое – мертвое, верхнее – нижнее, солнечное – лунное, сакральное – inferнальное, пассивное – активное. Реализация характерного

для мифологии инцестуального мотива, хотя и ведет к преодолению «проклятия пола» («das verfluchte Geschlecht»), однако торжество страсти в подобном амбивалентном синтезе оборачивается торжеством смерти, ведущей к вселенской катастрофе, растворению жизни в пустоте Ночи.

Апокалиптические мотивы также составляют основу стихотворения «Winternacht» («Зимняя ночь», 1914), в котором представлена битва небесного воинства с силами преисподней в хронотопе темной зимней ночи, развивающей inferнальную тему зимнего времени в лирике Г. Тракля:

Schwarzer Frost. Die Erde ist hart, nach Bitterem
schmeckt die Luft.
Deine Sterne schließen sich zu bösen Zeichen.
Mit versteinerten Schritten stampfst du am
Bahndamm hin,
mit runden Augen, wie ein Soldat, der eine schwarze
Schanze stürmt. Avanti!
Bitterer Schnee und Mond!
Ein roter Wolf, den ein Engel würgt. Deine Beine klirren
schreitend wie blaues Eis und ein Lächeln voll Trauer
und
Hochmut hat dein Antlitz versteinert und die Stirne
erbleicht vor der Wollust des Frostes. –

Черный мороз. Земля жестка, и горек вкус
у воздуха. Твои звезды смыкаются в зловещие знаки.
Каменным шагом стучишь ты дорожную насыпь,
с круглыми глазами, как у солдата, который черный
Окоп штурмует. Аванти!
Горький снег и Луна!
Красный Волк, которого ангел теснит. Твои ноги звенят
в шаге, как синий лед и улыбка полная боли и
Гордыня облик твой каменеет и лоб
бледнеет пред похотью холода;

Inferнальные силы представлены образом красного волка, Зверя, напоминающего символическую фигура врага во время последней битвы светлых и падших ангелов в Откровении Иоанна Богослова (Откр. 19:19). Г. Тракль практически цитирует эпизод поражения Зверя из Писания (Откр. 19:21):

Gottes Geier zerfleischen dein metallenes Herz. –
Божьи птицы растерзают твоё металлическое сердце.

Само противостояние небес и ада создается поэтом посредством рядоположения контрастных свето-теневых и бело-черных образов с помощью абсолютных метафор: черный мороз – серебряный снег, черный сон – «серебряное вступление

в розовый день на рассвете» («Aus dem östlichen Tor trat silbern der rosige Tag»). Нехарактерным для позднего Г. Тракля финалом эсхатологической битвы оказывается победа сил дня и света, ознаменованная появлением розового цвета в черно-серебряной палитре цветовых метафор. Как пишет Н. В. Пестова, розовый цвет в художественном мире Г. Тракля отвечает за религиозную сферу [Пестова, 2015], при этом в ее интимно-светлом, возвышенном проявлении. Преодоление Ночи в стихотворении буквально связывается с наступлением рассвета, который вместе с тем выступает символом побеждающих в золото-розовом сиянии ангелов.

Светлое начало редко оказывается триумфатором в поэтической мифологии Г. Тракля, для которой скорее характерно полное фатализма катастрофическое восприятие действительности, запечатленное, например, в стихотворении «Гродек» («Grodek», 1914), вероятнее всего, последнем написанном произведением Г. Тракля. В этом стихотворении, созданным поэтом под влиянием от увиденных на фронте Первой мировой войны последствий Городецкой битвы (1914), представлен характерный для эстетики экспрессионизма образ тотального ужаса войны:

Rotes Gewölk, darin ein zürnender Gott wohnt
Das vergoßne Blut sich, mondne Kühle;
Alle Straßen münden in schwarze Verwesung.
Unter goldnem Gezweig der Nacht und Sternen
Es schwankt der Schwester Schatten durch
den schweigenden Hain,
Zu grüßen die Geister der Helden, die blutenden
Häupter;
Und leise tönen im Rohr die dunklen Flöten des
Herbstes.
O stolzere Trauer! ihr ehernen Altäre
Die heiße Flamme des Geistes nährt heute
ein gewaltiger Schmerz,
Die ungeborenen Enkel. –

Красное облако, в котором живет гневающийся Бог
Пролитая кровь собирается, луннистая прохлада;
Все улицы вливаются в черный распад,
Под золотыми ветвями ночи и звезд

Проходит, качаясь, тень сестры сквозь
молчащую рощу,
Чтобы поприветствовать души героев, истекающие
кровью главы;
И тихо звучат в тростнике темные флейты осени.
О более гордая скорбь! вы, железные алтари
Жаркое пламя духа питает нынче / огромная боль,
Нерожденные внуки.

Использование форм причастий подчеркивает динамику предсмертной агонии, гнева и ужаса: «Sterbende Krieger», «Zerbrochenen Münder», «Zürnender Gott» и т. д. Если в предыдущем стихотворении мифологический план рассвета связывался с победой добра, в «Гродеке» само солнце мрачно закатывается («Sonne hinrollt Düstere»), а символически насыщенные образы тени и красно-черные абсолютные метафоры распада, крови и войны демонстрируют экзистенциальное расширение земного конфликта, который поднимается до самого Бога, заслоняя небеса кровавой дымкой.

Заключение

Таким образом, поэтика inferнального в лирике Г. Тракля раскрывает специфику его поэтической мифологии, в которой различные религиозные и литературные аллюзии преломляются через призму экспрессионистской образности, обретая новое, зачастую амбивалентное звучание. От ранних опытов с темами двойничества, инверсии сакральных образов и контакта с потусторонним до зрелых и поздних произведений, наполненных апокалиптической символикой, inferнальными хронотопами города и зимы, а также мотивами внутреннего раздвоения, поэт выстраивает целостную систему мифопоэтической образности и метафорики, в которой светлое и темное, эрос и танатос, жизнь и смерть сосуществуют в напряженном единстве. В этой трагической гармонии противоположностей проявляется уникальность поэтики inferнального Г. Тракля, соединяющей индивидуальное мировосприятие и мифотворчество поэта с универсальными архетипическими кодами культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ницше Ф. Веселая наука. СПб.: Кристалл, 2002.
2. Nietzsche F. Die Unschuld des Werdens. Der Nachlaß. Stuttgart: Kröner, 1956. Bd. 1.
3. Пестова Н. В. Лирика немецкого экспрессионизма: профили чужести. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2002.
4. Тимралиева Ю. Г. Особенности индивидуального стиля и стратегии перевода лирики Георга Тракля // Язык и культура в эпоху глобализации: материалы III Всероссийской (национальной) науч. конф. с международным

- участием, Санкт-Петербург, 28–29 октября 2024 года. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2024. С. 223–227.
5. Зейферт Е. И. Человек в жанровом сознании Георга Тракля // Литературные эпохи и их герои: материалы научной конференции, Москва, 7–8 апреля 2022 года. М.: Сам Полиграфист, 2022. С. 30–31.
  6. Андреюшкина Т. Н. Переводы сонетов Тракля // Проблемы теории и методики профессионального лингвистического образования: материалы IV Международной науч.-практ. конф., Казань, 15 апреля 2022 года. Казань: Познание, 2022. С. 243–246.
  7. Гугнин А. А. Два негаснущих маяка экспрессионизма: Георг Тракль и Готфрид Бенн // Мировая литература в становлении: перекрестки – контакты – посредники: материалы Международной науч. конф., Полоцк, 15–16 октября 2020 года. Новополоцк: Полоцкий государственный университет, 2021. С. 81–101.
  8. Андреюшкина Т. Н. Сонеты Георга // Новые российские гуманитарные исследования. 2021. Т. 16. С. 83.
  9. Ванслов В. В. Эстетика романтизма. М.: Искусство, 1966.
  10. Мальцева И. Г. Синтетосемия Г. Тракля в зеркале переводческих стратегий / И. Г. Мальцева, Н. В. Пестова // Вопросы теории и практики перевода: материалы Всерос. науч.-практ. конференции. Пенза, 2004. С. 159–161.
  11. Schneider K. L. Georg Trakl und der Reihnungsstil // Salzburger Trakl-Symposion–1977: Materialien. Salzburg, 1978.
  12. Пестова Н. В. Австрийский литературный экспрессионизм: монография. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2015.

REFERENCES

1. Nietzsche, F. (2002). *Veselaya nauka = The Gay Science*. St.Petersburg: Kristall. (In Russ.)
2. Nietzsche, F. (1956). *Die Unschuld des Werdens. Der Nachlaß. Bd. 1*. Stuttgart: Kröner.
3. Pestova, N. V. (2002). *Lirika nemetskogo ekspressionizma: profili chuzhesti = The Lyric of German Expressionism: Profiles of Otherness*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russ.)
4. Timralieva, Yu. G. (2024). *Osobennosti individual'nogo stilya i strategii perevoda liriki Georga Traklya = Features of the Individual Style and Translation Strategies of Georg Trakl's Lyrics*. In *Yazyk i kul'tura v epokhu globalizatsii = Language and Culture in the Era of Globalization* (pp. 223–227): Proceedings of the III All-Russian (National) Scientific Conference with International Participation. St.Petersburg, October 28–29, 2024. St.Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics. (In Russ.)
5. Zeyfert, E. I. (2022). *Chelovek v zhanrovom soznanii Georga Traklya = The Human Being in the Genre Consciousness of Georg Trakl*. In *Literaturnye epokhi i ikh geroi: materialy nauchnoy konferentsii = Literary Epochs and Their Heroes* (pp. 30–31): Proceedings of the Scientific Conference. Moscow, April 7–8, 2022. Moscow: Sam Poligrafist. (In Russ.)
6. Andrejushkina, T. N. (2022). *Perevody sonetov Traklya = Translations of Trakl's Sonnets*. In *Problemy teorii i metodiki professional'nogo lingvisticheskogo obrazovaniya = Problems of Theory and Methodology of Professional Linguistic Education* (pp. 243–246): Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference. Kazan, April 15, 2022. Kazan: Poznanie. (In Russ.)
7. Gugnin, A. A. (2021). *Dva negasnushchikh mayaka ekspressionizma: Georg Trakl i Gotfrid Benn = Two Inextinguishable Beacons of Expressionism: Georg Trakl and Gottfried Benn*. In *Mirovaya literatura v stanovlenii: perekrestki – kontakty – posredniki = World Literature in the Process of Formation: Crossroads – Contacts – Mediators* (pp. 81–101): Proceedings of the International Scientific Conference. Polotsk, October 15–16, 2020. Novopolotsk: Polotsk State University. (In Russ.)
8. Andrejushkina, T. N. (2021). *Sonety Georga = Georg's Sonnets*. *Novye rossiyskie gumanitarnye issledovaniya = New Russian Humanities Studies*, 16, 83. (In Russ.)
9. Vanslov, V. V. (1966). *Estetika romantizma = The Aesthetics of Romanticism*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
10. Mal'tseva, I. G., Pestova, N. V. (2005). *Sintetosemiya G. Traklya v zerkale perevodcheskikh strategiy = Trakl's Synthetosemy in the Mirror of Translation Strategies*. In *Voprosy teorii i praktiki perevoda = Issues of Translation Theory and Practice* (pp. 159–161): proceedings of the all-russian scientific and practical conference. Penza. (In Russ.)
11. Schneider, K. L. (1978). *Georg Trakl und der Reihnungsstil. Salzburger Trakl-Symposion 1977: Materialien*. Salzburg.
12. Pestova, N. V. (2015). *Avstriyskiy literaturnyy ekspressionizm = Austrian Literary Expressionism: monograph*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чернявский Иван Борисович

кандидат филологических наук

старший преподаватель

кафедры отечественной и зарубежной литературы

переводческого факультета

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chernyavskiy Ivan Borisovich

PhD in Philology

Senior Lecturer

Department of Russian and Foreign Literature

Faculty of Translation and Interpreting

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

12.12.2025
17.01.2026
05.02.2026

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Русская литературная классика как образно-ценностный контекст формирования патриотизма современной молодежи

Н. Б. Литвинова¹, О. Г. Лукьянченко², В. Ю. Пустовит³

^{1,2,3}Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского, Луганск, Россия

¹lgaki_litvinovanb@mail.ru

²lgaki_lukyanchenkoog@mail.ru

³v.pustovit2022@yandex.ru

Аннотация. Современное прочтение классики в вузе основано на репрезентации произведений русской литературы через глубокое понимание культурно-исторического кода своего Отечества. В условиях глобальных изменений перед преподавателями социально-гуманитарного блока дисциплин стоит задача разработки форм и методов обучения, способствующих укреплению национальной идентичности и традиционных духовно-нравственных ценностей. Цель исследования – рассмотреть творчество А. Грибоедова и А. Чехова в «диалоге искусств» через призму ценностей. Методы исследования – описательный метод, дискурс-анализ. Материал исследования – тексты пьес «Горе от ума» и «Вишневый сад». В результате исследования показано, что синтез художественных образов на разных уровнях восприятия способен усиливать ценностные смыслы.

Ключевые слова: традиционные ценности, патриотизм, диалог искусств, кинолента, литература, писатель

Для цитирования: Литвинова Н. Б. Русская литературная классика как образно-ценностный контекст формирования патриотизма современной молодежи / Н. Б. Литвинова, О. Г. Лукьянченко, В. Ю. Пустовит // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2 (908). С. 134–142.

Original article

Russian Classics as a Figurative and Value Context for the Teaching Patriotism to Modern Youth

Natalia B. Litvinova¹, Olga G. Lukyanchenko², Valeria Yu. Pustovit³

^{1,2,3}Matusovsky Academy of Culture and Arts, Lugansk, Russia

¹lgaki_litvinovanb@mail.ru

²lgaki_lukyanchenkoog@mail.ru

³v.pustovit2022@yandex.ru

Abstract. Contemporary interpretations of classic literature at university are based on the presentation of its texts through a deep understanding of the cultural and historical code of homeland. In the context of global shift, teachers of the Social Sciences and Humanities face the challenges in developing teaching methods and formats that foster national identity and traditional spiritual and moral values. The aim of this study is to consider the texts by A. Griboyedov and A. Chekhov in the art dialogue through the lens of values. The research methods are descriptive and discourse analysis. The research material includes the texts of the plays “Woe from Wit” and “The Cherry Orchard.” The study demonstrates that the synthesis of artistic images at different levels of perception can enhance value meanings.

Keywords: traditional values, patriotism, art dialogue, film, literature, writer

For citation: Litvinova, N. B., Lukyanchenko, O. G., Pustovit, V. Yu. (2026). Russian Classics as a Figurative and Value Context for the Teaching Patriotism to Modern Youth. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(908), 134–142. (In Russ.)

Каждый интеллигентный человек
должен быть хотя бы немного филологом. Этого требует культура.
Да, будьте и филологами, то есть «любителями слова»,
ибо слово стоит в начале культуры
и завершает ее, выражает ее.
Дмитрий Лихачев

Введение

Необходимость приобщения современной молодежи к русской классике следует рассматривать под углом сохранения и популяризации традиционных ценностей народа. Неслучайно идея воспитания патриотизма обрела значимость на уровне государства, о чем свидетельствует круглый стол на тему «Роль литературы в патриотическом воспитании и развитии гражданского общества», организованный в рамках Года литературы России Российским книжным союзом совместно с Комитетом Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций совместно с Русским академическим фондом¹.

Задачами исследования являются: методологическое обоснование аксиологической интерпретации произведения художественной литературы посредством отдельных положений теории «диалога искусств» с использованием описательного метода; извлечение необходимых ценностных смыслов текстов произведений классической русской литературы с помощью приемов дискурс-анализа, что неизбежно включает произведение искусства в изучение семантического поля отечественной художественной культуры.

Объект исследования – пьесы А. С. Грибоедова «Горе от ума» и А. П. Чехова «Вишневый сад» как репрезентанты литературного канона России [Суших, 2016]. Они и сегодня сохраняют актуальность не только с позиции культурфилософского анализа, но и в контексте формирования патриотизма через комплекс российских духовно-нравственных ценностей.

Тенденции в современном гуманитарном знании обозначены синкретизмом, диалогичностью, разноуровневым анализом явлений культуры и искусства, вниманием к их ценностной составляющей в условиях глобализации и противостоящим ей процессам укрепления культурной, гражданской идентичности. В литературоведении

эти тенденции раскрыты в рамках междисциплинарного изучения ценностно-культурных смыслов художественных произведений разных эпох через включение их в «диалог искусств» в историческом измерении [Звонарёва, 2021]. Извлечение значимых культурологических смыслов литературных произведений продемонстрировано в применении элементов культурфилософского анализа к символике художественных образов [Аксиологический диапазон русской литературы, 2022]. Сущность диалога как самоценностного явления в современном искусстве рассматривается на примере функционирования классического герменевтического круга «автор – художественное произведение – реципиент (зритель)». Включение в социокультурное пространство начала века наделяет понятия герменевтического круга и диалога в искусстве дополнительными ценностными коннотациями [Поташова, 2021; Кучерук, 2023]. Вместе с тем позиционирование культурологического знания как гуманитарного базиса личности расширяет гносеологические возможности системного аксиологического толкования разнородных явлений культуры и искусства в их взаимосвязи [Культурология в условиях вызовов XXI века: новые тренды в образовании, 2024]. В таком контексте выбранный нами подход толкования произведения искусства в рамках фундаментальной культурологической триады «знак – образ – символ» в отечественной культуре посредством «диалога искусств» представляется актуальным и практически значимым. Он раскрывает ценностное содержание произведения, методологическую обоснованность включения последнего в междисциплинарное изучение. Этими парадигмальными аспектами обусловлена новизна нашего исследования.

Классическое художественное произведение и личность его автора в «тексте культуры»

Согласно концепции М. Бахтина, трактующей словесное творчество как пространство, наполненное ценностно-эстетическими смыслами, литературное

¹URL: bookunion.ru/news/kruglyy_stol_rol_literatury_v_patrioticheskom_vospitanii_i_razviti_i_grazhdanskogo_obshchestva/ (дата обращения: 10.10.2025).

произведение органично включено в эстетическую реальность, ценностное бытие и вместе с тем творит его [Бахтин, 1979]. Пьесы «Горе от ума» А. Грибоедова и «Вишневый сад» А. Чехова являются неотъемлемой частью русской словесности. Написанные в начале XIX века и на его излете, они образуют своеобразное художественно-духовное обрамление эпохи критического реализма, передают ее культурфилософскую квинтэссенцию с пристальным вниманием к человеку и его нравственным, ценностным ориентирам. На современном этапе развития культуры и искусства России это знаковые произведения русской литературной классики, которые имманентно включены в национальный «текст культуры»: с момента своего создания они всесторонне осмыслены в литературоведении и присутствуют в сознании элитарной и массовой культуры в виде идей, образов, цитат, транслируя во времени «вечные» темы и тезисы посредством множественной интерпретации в разных видах искусства.

На современном этапе парадигма научного осмысления пьесы А. Грибоедова включает проблемы жанровой специфики [Страшкова, 2017], отображения традиции в сюжетно-композиционном построении текста [Рябий, 2011] и его риторичности, обуславливающей возможность разновекторного прочтения пьесы в критическом дискурсе [Билинскис, 2002]. Научная проблематика в новейшем исследовании пьесы «Вишневый сад» А. Чехова охватывает эстетический анализ духовных смыслов пьесы в русле традиционной¹ и неклассической поэтики [Комаров, 2017]. «Горе от ума» А. Грибоедова и «Вишневый сад» А. Чехова вовлечены в отечественный сценическо-драматургический дискурс в рамках актуального прочтения классики как неотъемлемой части новейшей истории российского театра² [Колесникова, 2011]. Включенность данных произведений в «диалог искусств» делает их тексты постоянно воспроизводимыми, интермедийными в пространстве культуры и позволяет исследовать ценностно-смысловые константы в контексте приращения новых, отображающих духовно-эстетическое восприятие классики в целом [Звонарёва, 2021]. Так, особенно зримо обозначается влияние художественной классики на самосознание современной молодежи, ее гражданско-патриотическую позицию. Остановимся на ценностных смыслах, которые

репрезентируют исторический и современный срез идейно-художественной интерпретации пьес «Горе от ума» А. Грибоедова и «Вишневый сад» А. Чехова, их новаторское прочтение. Данные произведения в равной степени принадлежат истории литературы и истории театра, а в более широком плане – духовной культуре России.

А. Грибоедов – человек эпохи, дипломат, музыкант, драматург, автор множества литературных произведений. 2025 год был юбилейным для писателя. В течение 200 лет комедия «Горе от ума» в отечественном литературном пространстве обращается к мысли и читателя, и зрителя, побуждает к поиску ответа на острый жизненный вопрос: действительно ли горе от ума? При этом литературное и театральное бытие комедии по-прежнему вызывает споры критиков, общественности. Иными словами, и сюжет, и образы, и проблематика произведения в целом продолжают соответствовать духу времени сегодняшнего, то есть актуальны и в нынешнем веке [Райхлина, 2015].

2025 год также был отмечен культурными мероприятиями в России по случаю 165-летия со дня рождения А. Чехова. Необходимый нам экскурс в биографию А. Чехова позволяет отметить, что вся его литературная деятельность изначально была погружена в театральную-художественную среду Москвы и Петербурга. Среди знакомых Чехова были музыканты, художники, актеры, режиссеры, критики и литераторы. Выступал писатель и в качестве театрального рецензента. Среди московских театров он отдавал предпочтение Малому театру, среди петербургских – Александринскому. Однако имя Чехова в основном связано с Московским Художественным театром, на сцене которого впервые раскрылась уникальность его драматургии [Тамарли, 2012].

Смыслы ценностно-герменевтического прочтения классического произведения в «диалоге искусств» на современном этапе

Известно, что суть конфликта в пьесе «Горе от ума» А. Грибоедова кроется в последовательном раскрытии точек зрения Чацкого и его антиподов в понимании и принятии значимых жизненных явлений. Основу сценического действия составляют две сюжетные линии: любовная (Чацкий, Софья, Молчалин) и общественная (Чацкий, Фамусов). Интерес представляет система образов пьесы. Кроме главных, особой значимостью наделены и второстепенные герои – Лиза, Скалозуб, Горич, Репетиллов, поскольку они активно участвуют как

¹Лиске О. Э. Пьеса А. П. Чехова «Вишневый сад» как отражение духовных исканий человека конца XIX – начала XX века // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 4. URL: human.snauka.ru/2016/04/14990 (дата обращения: 12.10.2025).

²Литаврина М. Г. Сад и ад режиссерских прочтений Чехова // Культурологический журнал. 2017. № 1 (27). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/399.html&j_id=30 (дата обращения: 12.10.2025).

в любовном, так и в общественном конфликте. Персонажи из эпизодов – гости на балу у Фамусова – представляют широкую картину неоднородного московского общества эпохи. Отдельную функцию в раскрытии сложной системы образов в комедии «Горе от ума» выполняют и внесценические персонажи – буфетчик Петруша, брат Скалозуба, Марья Алексеевна и др. Дополняя детали в своих разговорах о главных героях, они раскрывают многослойность их образов, вследствие чего характеры ведущих персонажей становятся более глубокими, развернутыми, выразительными, эмоционально понятными.

В целом образная система произведения организована по традиционному для драматургии принципу противопоставления. Герои «века нынешнего» противостоят героям «века минувшего», ведь у них различное отношение ко всему: к окружающей действительности, к зарождающемуся свободному обществу, к стремящимся быть умными людям, к новому проявлению чувств. Отличительной важной особенностью произведения является тот факт, что более 20 действующих лиц нельзя четко разделить на положительных и отрицательных героев. Именно такой творческий подход А. Грибоедова в аспекте создания персонажей и обеспечивает, очевидно, «вечную» актуальность пьесы.

Писатель создал, на первый взгляд, тривиальный сюжет: возникнув вначале как любовный, конфликт осложняется противостоянием обществу. Обе линии развиваются параллельно, достигают своей кульминации в 4-м действии пьесы. Однако, и это главное, любовная интрига получает развязку, в то время как разрешение общественного конфликта вынесено за рамки произведения: хотя Чацкий и изгнан из фамусовского общества, он остается верен своим убеждениям. Общество же не намерено менять своих взглядов, следовательно, дальнейшее столкновение неизбежно.

Общеизвестно, что даже самое талантливое литературное произведение, написанное давно или сегодня, чаще всего не дает прямых ответов на злободневные вопросы, но всегда обращает читателя или зрителя к распознаванию, присвоению или отрицанию глубоких смыслов, которые сопровождают сюжет. Именно смыслы являются тем ресурсом, что привлекает в искусстве мыслящих людей, независимо от времени их соприкосновения с произведением.

Следует отметить, что внимание критики к проблеме смыслов пьесы «Горе от ума», их трансляции человеку в XXI веке носит избирательный характер. Остановимся на истолковании этого тезиса более подробно. Классические и современные словари показывают, насколько широким и емким

является слово смысл. В обобщенном варианте смысл – сущность феномена в широком контексте реальности, неисчерпанная совокупность всех психических (сознательных) когнитивных процессов, связанных со словом. Смысл – понятие подразумеваемое и оно прямо зависит от знаний о предмете. Иными словами, прочтение произведения не всегда приводит к пониманию его смысла, важности для личности, ценности для общества¹.

Обратимся к письмам Д. Лихачева² – культуролога, искусствоведа, академика. В них он подчеркивал, что образованность и интеллигентность строятся, помимо нравственных качеств, на восприимчивости к интеллектуальным ценностям, любознательности, готовности к пониманию другого в контексте культуры прошлого и настоящего. В этом аспекте «Горе от ума» для нынешней молодежи – не столько знать классику (образованность), сколько понимать другого человека (интеллигентность). В этом тезисе заключается главный герменевтический смысл истинно великого произведения.

Не менее значима для определения смыслов пьесы и такая позиция: «Бессмертность комедии „Горе от ума“ основана на множестве необыкновенно удачно обдуманых мыслей, удачно подумавшихся и удачно сказавшихся»³. В истории русской критики отмечены широкая цитируемость, смысловая емкость знаменитого грибоедовского текста, краткость и ясность его фраз, их присутствие в сознании русского человека и уместность использования в разных коммуникативных ситуациях. Очевидно, что сказанные 127 лет назад русским философом, литературным критиком и публицистом В. Розановым слова объясняют особую популярность комедии «Горе от ума» в современном культурном пространстве, в частности, в кинематографе⁴. Отметим, что фильмы по пьесе выходят постоянно: 1952 (реж. С. Алексеев, В. Войтецкий); 1977 (реж. М. Царев); 2019 (реж. Д. Гарипов); 2000 (реж. О. Меньшиков).

Примечательно, что наши современники придают особый смысл этому классическому произведению. Так, фильм 2019 года повествует об известном блогере Москвы А. Чацком (исполнитель роли П. Прилучный), гибель которого и лежит в основе сюжета. Не так давно появилась информация о предстоящей премьере 2026 года

¹Шрейдер Ю. Смысл // Новая философская энциклопедия. URL: iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01e9048140abc94af2d6f1e8 (дата обращения: 10.10.2025).

²Лихачев Д. С. Письма о добром. М.; СПб.: Наука, 2006.

³Розанов В. В. «Горе от ума» (1899) // «Век нынешний и век минувший...». Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума» в русской критике и литературоведении. СПб., 2002.

⁴Там же.

по мотивам комедии, где сюжет не будет основываться исключительно на истории, описанной А. Грибоедовым, а выйдет за ее рамки. Сценаристы анонсировали повествование о дальнейшей судьбе персонажей.

Как известно, «Вишневый сад» стал итоговым произведением А. Чехова, своеобразным завещанием современникам и потомкам. «Вишневый сад» в плане понимания остается одной из самых сложных пьес русской литературы. В русской культуре это текст-символ, сотканный из художественных деталей, создающих особую атмосферу заката эпохи дворянской культуры с усадебным укладом жизни. Чтобы по-настоящему осмыслить пьесу, важно понять ее богатый художественный символизм. Вишневый сад – центральный символ в пьесе. Он очень многогранен, поскольку для одних персонажей он символизирует воспоминания, память о прошедшем, детских годах, олицетворяет красоту, в представлениях других сад не является источником материального дохода, третьи персонажи видят в нем будущее с возможностью духовного обновления. В современном контексте вишневый сад – это символ смены исторических эпох, столкновения прошлого и настоящего. Каждая реплика, каждая художественная деталь в пьесе очень важна. В них заключен глубинный психологический подтекст всей чеховской драматургии [Виноградов, 2008].

Ценностно-смысловое прочтение текста пьесы строится на понимании глубины подтекста, художественной символики, скрытых в знаменитой чеховской детали, на извлечении современных актуальных смыслов. Кроме того, даже возможность постановки разного ударения в слове «вишневый» в самом названии чеховской пьесы стала дополнительным источником ее символизма. «Вишневый сад» с ударением на первом слоге – это символ прагматизма, источника дохода. Он ассоциируется с Лопухиным, предприимчивым человеком. «Вишневый сад» с ударением на втором слоге – это олицетворение красоты, поэзии и уходящей эпохи. Он символизирует уходящий в прошлое мир Раневской и Гаева, для которых сад – это символ жизни и красоты, которую невозможно измерить материально.

Ценностно-смысловое пространство пьесы формируют также идейные оппозиции с нравственными установками персонажей «усадебная – городская», «романтики – прагматики». Действие пьесы разворачивается в усадьбе Раневской, которая находится в двадцати верстах от города. Но город незримо присутствует в системе образов «Вишневого сада», занимая, по сути, ключевое место. В городе вишневый сад продан на торгах, а в усадьбе проходил

бал. Раневская и Гаев всецело поглощены мечтами и воспоминаниями, связанными с садом. В контексте противопоставления «романтики – прагматики» в пьесе Лопухин, думая продать вишневый сад, воспринимает имение как источник дохода¹.

Сегодня «Вишневый сад» присутствует в российском социокультурном пространстве: спектакли по пьесе ставят в разных регионах РФ. И каждая новая постановка – это особенное, уникальное прочтение чеховской классики. Одна из них – саундрама на сцене Александринского театра² в сезоне 2021/2022, синтезировавшая «диалог искусств» – музыку, хореографию и театральное искусство в прочтении чеховской классики. По пьесе снят ряд фильмов: «Вишневый сад» (1976, реж. Л. Хейфец), «Вишневый сад» (1999, реж. М. Какояннис), «Сад» (2008, реж. С. Овчаров).

Таким образом, творческий поиск смысла как сущности феномена знаковых пьес А. Грибоедова и А. Чехова в широком контексте современной культуры сохраняет свою актуальность.

Реализация образовательно-патриотического потенциала классического литературного произведения средствами «диалога искусств»

Сегодня в условиях тотального влияния глобализации, кризиса идентичности личности ценностно-герменевтическое прочтение русской литературной классики является особенно актуальным в плане постижения отображения в ее произведениях духовно-нравственных ценностей русского народа, воспитания патриотизма. Созданный в контексте эпохи, отображая ее, текст классического литературного произведения несет информацию об исторических событиях, культурных традициях, национальном самосознании народа, которая преломляется через творческое сознание писателя, его патриотическую позицию и направлена на эмоциональный отклик читателя [Райхлина, 2015, с. 586]. Риторичность и дискурсивность, свойственные текстам рассматриваемых пьес А. Грибоедова и А. Чехова, создают значительный потенциал их методического использования в образовательном процессе творческого вуза. Так, безусловно прецедентными в этом контексте являются фразы, ставшие афоризмами: «Дым Отечества нам сладок и

¹Сухова И. Как читать «Вишневый сад» Чехова // Культура.РФ. URL: www.culture.ru/materials/253776/kak-chitat-vishnevyy-sad-chekhova (дата обращения: 09.10.2025).

²Глушенкова А. Независимый театральный проект. «Вишневый сад» в Александринском театре // Grey Chic. 03.05.2022. URL: magazine.grey-chic.com/culture/vishnevyy-sad (дата обращения: 09.10.2025).

приятен» («Горе от ума»), «Вся Россия – наш сад» («Вишневый сад»). Они отображают ментальные ценностные установки русского человека – любовь, привязанность к родной земле, готовность служить Отечеству, созидать на благо его¹. В этих фразах заключен целый спектр духовно-ценностных представлений, которые требуют всестороннего толкования и осмысления.

Одним из способов ценностно-герменевтического прочтения студентами данных произведений является проектная деятельность, реализуемая, в частности, по пьесе А. Грибоедова через форму внеаудиторной работы – театрализованное представление с использованием музыки, танца, элементов костюма эпохи. Такой подход обеспечивает погружение в текст произведения.

Среди методов и приемов, направленных на ценностно-смысловое прочтение пьес, – читательский театр, диалог цитат, дискуссии, просмотр фрагментов фильмов и спектаклей с дальнейшим обсуждением интерпретации в них литературных сюжетов, написание эссе по проблемным вопросам. Формулировки заданий по пьесе А. Грибоедова могут быть следующими: провести дискуссию на основе цитат: горе от ума, горе уму, горе без ума; написать эссе на тему «У каждого свое «горе». Только время определяет его природу»; при помощи ИИ создать историю развития персонажей в будущем после последней реплики Чацкого «Карету мне, карету!»; организовать в библиотеке книжную выставку «Читаем А. Грибоедова», рассказать ее посетителям о разноаспектном исследовании творчества писателя в XXI веке; подготовить доклад на тему: «Грибоедовские интертексты в художественных произведениях» (например, в повести И. А. Гончарова «Счастливая ошибка» и др.); создать презентацию на тему: «Воплощение образа А. Грибоедова в модернистском романе Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» (1927) и телесериале «Смерть Вазир-Мухтара. Любовь и жизнь Грибоедова» (2009); проанализировать литературные переводы пьесы А. Грибоедова «Горе от ума» и доступные отзывы на них с целью осмысления переводческой рецепции драматурга; создать презентацию о всех сценических воплощениях пьесы А. Грибоедова «Горе от ума», ведущая идея которой – мировое значение творческого наследия драматурга и др.

«Вишневый сад» А. Чехова – это всегда открытый диалог драматургического текста с читателем, зрителем. Знаменитый чеховский прием, когда персонажи не слышат друг друга, а диалоги тяготеют к монологам, – не только способ раскрыть

¹Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. С. 150.

их психологическое состояние, но также источник множественного толкования идейно-художественного смысла пьесы. Задания по пьесе А. Чехова могут быть сформулированы так:

- Провести дискуссию «Цель и смысл человеческой жизни в представлениях персонажей пьесы». Кого из персонажей вы поддерживаете? Аргументируйте свой ответ.
- Составить по цитатам из пьесы ассоциативную карту ее главных идей в виде отдельных емких слов-понятий, словосочетаний.
- Художественно оформить кроссворд по ключевым смысловым символам пьесы.
- Просмотреть видеозапись фрагмента одного из современных спектаклей по пьесе «Вишневый сад» и сделать вывод об особенностях интерпретации в нем чеховского текста.
- Написать эссе «Какой альтернативный финал, актуальный для современного прочтения чеховской классики, возможен в пьесе «Вишневый сад» А. Чехова?» и др.

Таким образом, благодаря использованию риторичности знаменитых драматургических текстов в культуре происходит конструирование смыслового пространства, глубинное постижение студентами знаковых классических произведений в «тексте культуры», их многогранное осмысление через «диалог искусств».

Заключение

Дискурс рецепции пьес двух авторов – «Горе от ума» А. Грибоедова и «Вишневый сад» А. Чехова – в пространстве современной культуры посредством «диалога искусств» выявляет тенденции к извлечению духовно-ценностных смыслов, значимых для читателя в социокультурной ситуации информационной, цифровой эпохи. Среди них эмотивно-когнитивная составляющая воспитания чувства патриотизма, глубинного понимания идейного содержания, художественной символики классического литературного текста.

Выступая знаковыми произведениями русской литературы, рассмотренные пьесы отображают ключевые общественные тенденции, идеи, художественные символы исторических эпох в их течении и смене. Постигание современным читателем этих аспектов произведений требует обращения к «диалогу искусств», в котором находят глубинное проявление риторичность и герменевтическая многогранность известных литературных текстов. Включение читателя в процесс их разносторонней интерпретации средствами «диалога искусств» обеспечивает ценностное постижение

классики, целостное понимание ее духовной значимости для развития личности, формирования ее гражданского самосознания, готовности созидать на благо Отечества. Перспективы дальнейшего

исследования заявленной проблемы видятся в выработке системного подхода к актуализации аксиологического изучения литературной классики в пространстве современной культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сухих И. Н. Русский литературный канон (XIX–XX вв.). СПб.: РХГА, 2016.
2. Звонарёва Л. У. Межкультурные парадигмы в отечественной и европейской литературе: от Серебряного века до Новейшего времени / Л. У. Звонарёва, З. Ю. Алькаева. М.: ИМЦ, 2021.
3. Аксиологический диапазон русской литературы : сб. науч. ст. / редкол.: Л. Л. Авдейчик (гл. ред.) [и др.]. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2022.
4. Поташова К. А. Традиции и новаторство русской литературы конца XVIII – первой трети XIX века в аспекте усвоения опыта живописи. М.: Флинта, 2021.
5. Кучерук И. В. Статус и особенности диалога в искусстве // Общество: философия, история, культура. 2023. № 10. С. 170–174. EDN LYVLAP.
6. Культурология в условиях вызовов XXI века: новые тренды в образовании / О. Н. Астафьева [и др.]. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2024.
7. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
8. Страшкова О. К. К вопросу о жанровой идентификации комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1 (67). С. 46–51. EDN XIINTX.
9. Рябий И. Г. Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума»: преломление традиции // Вестник Югорского государственного университета. 2011. Вып. 1 (20). С. 92–100. EDN OQQPYJ.
10. Билинkis М. Я. Век нынешний и век минувший. Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума» в русской критике / М. Я. Билинkis, О. В. Евдокимова, В. М. Маркович. СПб.: Азбука-классика, 2002.
11. Комаров С. А. «Вишнёвый сад» А. П. Чехова в аспекте неклассической поэтики // Уральский филологический вестник. 2017. № 4. С. 96–121. EDN YMILKA.
12. Колесникова С. А. Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума» на сцене отечественного театра XX века: литературное произведение в театральном процессе: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2011. EDN QFRNPX.
13. Райхлина Е. Л. О патриотической составляющей в творчестве А. С. Грибоедова // А. С. Грибоедов: русская и национальные литературы: материалы Международной научно-практической конференции. Ереван: Лусабац, 2015. С. 585–589.
14. Тмарли Г. И. Поэтика драматургии А. П. Чехова (от склада души к типу творчества). Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та имени А. П. Чехова, 2012.
15. Виноградова Е. Ю. Гибель символа (Вишневый сад: реальность и символика) // Новый филологический вестник. 2008. № 1 (6). С. 166–175.

REFERENCES

1. Sukhikh, I. N. (2016). *Russkii literaturnyi kanon (XIX–XX vv.) = The Russian Literary Canon (19th–20th centuries)*. St. Petersburg: Russian Art State Academy. (In Russ.)
2. Zvonareva, L. U., Al'kaeva, Z. Yu. (2021). *Mezhkul'turnye paradigmy v otechestvennoi i evropeiskoi literature: ot Serebryanogo veka do noveishego vremeni = Intercultural Paradigms in Russian and European Literature: from the Silver Age to the Modern Times*. Moscow: IMC. (In Russ.)
3. *Aksiologicheskii diapazon russkoi literatury (2022) = Axiological Range of Russian Literature: Collection of Scientific Articles*. Minsk: Belarus State University. (In Russ.)
4. Potashova, K. A. (2021). *Traditsii i novatorstvo russkoi literatury kontsa XVIII – pervoi tret'i XIX veka v aspekte usvoeniya opyta zhivopisi = Traditions and Innovation in Russian Literature at the End of the 18th – First Third of the 19th Century in Terms of Mastering the Experience of Painting*. Moscow: Flinta. (In Russ.)
5. Kucheruk, I. V. (2023). Status and Features of Dialogue in Art. *Society. Philosophy, History, Culture*, 10, 170–174. (In Russ.)

6. Astaf'eva, O. N. et al. (Eds.) (2024). Kul'turologiya v usloviyakh vyzovov XXI veka: novye trendy v obrazovanii = Cultural Studies in the Context of the Challenges of the 21st Century: New Trends in Education. Ekaterinburg: Ural University Press. (In Russ.)
7. Bakhtin, M. M. (1979). Ehstetika slovesnogo tvorchestva = The Aesthetics of Verbal Creation. Moscow: Art. (In Russ.)
8. Strashkova, O. K. (2017). On the Genre Identification of A. S. Griboyedov's Comedy «Woe from Wit». Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues, 1(67), 46–51. (In Russ.)
9. Ryabii, I. G. (2011). A. S. Griboyedov's Comedy "Woe from Wit": Refraction of Tradition. Bulletin of Yugra State University, 1(20), 92–100. (In Russ.)
10. Bilinkis, M. YA., Evdokimova, O. V., Markovich, V. M. (2022). Vek nyneshnii i vek minuvshii. Komediya A. S. Griboedova «Gore ot uma» v russkoi kritike. = The Present Century and the Past Century. A. S. Griboyedov's Comedy "Woe from Wit" in Russian Criticism. St. Petersburg: Azbuka-classic. (In Russ.)
11. Komarov, S. A. (2017). «The Cherry Orchard» by A. P. Chekhov in the Aspect of Non-Classical Poetics. Ural Philological Bulletin, 4, 96–121. (In Russ.)
12. Kolesnikova, S. A. (2011). Komediya A. S. Griboedova "Gore ot uma" na stsene otechestvennogo teatra XX veka: literaturnoe proizvedenie v teatral'nom protsesse = Griboyedov's Comedy "Woe from Wit" on the Stage of Russian Theater of the 20th Century: A Literary Work in the Theatrical Process: PhD thesis in Philology. Krasnodar. (In Russ.)
13. Raikhlina, E. L. (2015). On the Patriotic Component in the Works of A. S. Griboyedov (pp. 585–589): proceedings of the international scientific and practical conference. Yerevan: Lusabats. (In Russ.)
14. Tamarli, G. I. (2012). Poehtika dramaturgii A. P. Chekhova (ot sklada dushi k tipu tvorchestva) = The Poetics of A. P. Chekhov's Drama (from the Makeup of the Soul to the Type of Creativity). Taganrog: Taganrog State Pedagogical Institute Publishing House.
15. Vinogradova, E. Yu. (2008). Gibel` simvola (Vishnevyy` sad: real`nost` i simbolika) = The Death of a Symbol (The Cherry Orchard: Reality and Symbolism). The New Philological Bulletin, 1(6), 166–175.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Литвинова Наталья Борисовна

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры русской филологии и социально-гуманитарных дисциплин

Луганской государственной академии культуры и искусств имени Михаила Матусовского

Лукьянченко Ольга Григорьевна

кандидат педагогических наук

доцент заведующий кафедрой русской филологии и социально-гуманитарных дисциплин

Луганской государственной академии культуры и искусств имени Михаила Матусовского

Пустовит Валерия Юрьевна

доктор филологических наук, профессор

профессор кафедры русской филологии и социально-гуманитарных дисциплин

Луганской государственной академии культуры и искусств имени Михаила Матусовского

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Litvinova Natalia Borisovna

PhD in Philology, Associate Professor

Associate Professor at the Department of Russian Philology and Social and Humanitarian Disciplines

Matusovsky Academy of Culture and Arts

Lukyanchenko Olga Grigorievna

PhD in Pedagogy, Associate Professor

Head of the Department of Russian Philology and Social and Humanitarian Disciplines

Matusovsky Academy of Culture and Arts

Pustovit Valeria Yurievna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of Russian Philology and Social and Humanitarian Disciplines
Matusovsky Academy of Culture and Arts

Статья поступила в редакцию	12.12.2025	The article was submitted	
одобрена после рецензирования	15.01.2026		approved after reviewing
принята к публикации	02.02.2026		accepted for publication

«Социологический подбор» Ф. Ф. Зелинского и формалистская поэтика кино как проект социолингвистики

А. В. Марков

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
markovius@gmail.com*

Аннотация. Цель исследования – контекстуализировать концепцию «социологического подбора» Ф. Ф. Зелинского как социолингвистическую, выявив ее влияние на формалистскую поэтику кино, установившую взаимосвязь языковой эволюции и кинематографического искусства. Анализируются работы Ф. Ф. Зелинского, В. Шкловского и А. Пиотровского, применяются методы историко-философской реконструкции, сравнительного литературоведения и теории кино. Установлено, что идея «социологического подбора» Зелинского предвосхищает современные социолингвистические теории, объясняя закрепление языковых конструкций через их социальную востребованность. Показано, что формалистская теория кино (Шкловский, Пиотровский) развивает аналогичный принцип, трактуя монтаж и ритм как результат коллективного отбора художественных форм.

Ключевые слова: социологический подбор, социолингвистика, формализм, кинематограф, эволюция языка, ритм, монтаж, Ф. Ф. Зелинский, В. Шкловский, А. Пиотровский

Для цитирования: Марков А. В. «Социологический подбор» Ф. Ф. Зелинского и формалистская поэтика кино как проект социолингвистики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2 (908). С. 143–151.

Original article

“Sociological Selection” by Tadeusz Zieliński and Formalist Film Poetics as a Sociolinguistics Project

Alexander V. Markov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
markovius@gmail.com*

Abstract. The study objective is to frame Tadeusz Zieliński's concept of “sociological selection” as a sociolinguistic idea and to identify its impact on Formalist film poetics, which connected language evolution with cinematic art. By analyzing works by Zieliński, Viktor Shklovsky, and Adrian Piotrovsky using methods of historical-philosophical reconstruction, comparative literature, and film theory, the study finds that Zelinsky's concept foreshadows modern sociolinguistics in explaining how language structures are solidified by social demand. It also shows that Formalist film theory (Shklovsky, Piotrovsky) applies a similar principle, interpreting montage and rhythm as outcomes of a collective selection of artistic forms.

Keywords: sociological selection, sociolinguistics, formalism, cinema, language evolution, rhythm, montage, Tadeusz Zieliński, Shklovsky, Adrian Piotrovsky

For citation: Markov, A. V. (2026). “Sociological Selection” by Tadeusz Zieliński and Formalist Film Poetics as a Sociolinguistics Project. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(908), 143–151. (In Russ.)

Введение

Статья Ф. Ф. Зелинского «Вильгельм Вундт и психология языка» представляет собой не только первый на русском языке подробный разбор идей основателя психологии народов, но и первую оригинальную работу по социолингвистике в русскоязычном научном пространстве [Зелинский, 1902]. Несмотря на свой рецензионный характер, она выходит за рамки простого изложения, предлагая собственную теоретическую концепцию. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью переосмысления истории отечественной гуманитарной мысли и выявления в ней ранних, опережающих свое время идей, предвосхищающих развитие социолингвистики, теории коммуникации и анализа дискурса. Движение в этом направлении уже заметно в работах, показывающих истоки гуманитарной мысли, в частности, Андрея Белого и формалистов (при. по: [Светликова, 2017; Светликова, 2022]), М. М. Бахтина (прив. по: [Махлин, 2024]), Г. Г. Шпета (прив. по: [Пружинин, 2021; Акимова, 2024]) в лингвистической рефлексии их времени. Во всех этих работах из лингвистических достижений выводятся нетривиальные движения мысли этих деятелей русской науки и культуры, продуктивные как для философии языка, так и для социологии культуры внутри большого процесса становления феноменологической философии и теоретической социологии, и не утратившие актуальности и в наши дни.

Новизна работы заключается в том, что впервые статья Ф. Ф. Зелинского анализируется не как историографический источник, а как самостоятельное теоретическое высказывание, содержащее концепцию «социологического подбора» языковых форм, и прослеживается ее влияние на последующую научную и художественную мысль, в частности, на русский формализм и теорию кино.

Практическая ценность исследования состоит в возможности применения разработанного Ф. Ф. Зелинским инструментария для анализа взаимосвязи между языковыми изменениями, культурным контекстом и социальными практиками, что продуктивно для современных социолингвистических и культурологических изысканий.

Для достижения поставленной в исследовании цели решаются следующие задачи:

- реконструировать теоретико-методологические основания концепции Зелинского, используя методы историко-научного и текстологического анализа;
- выявить и проанализировать полемику вокруг идей В. Вундта в русской науке (на примере Г. Г. Шпета), определив место Зелинского

го в этом диалоге, с применением методов компаративного анализа;

- проследить влияние идей Зелинского на теорию кино 1920-х годов (В. Б. Шкловский, А. И. Пиотровский) с помощью методов интертекстуального и культурно-исторического анализа.

Теоретической базой исследования послужили работы по истории лингвистики и психологии [Зелинский, 1902; Шпет, 2016], теории кино и формальной школы [Поэтика кино, 2001; Калинин, 2016], а также современные социолингвистические исследования [Вахтин, 2004; Марков, 2024; Fairclough, 1995; Thomason, 1988]. Материалом исследования выступает корпус текстов, включающий статью Ф. Ф. Зелинского «Вильгельм Вундт и психология языка» (1902), его работу «Значение ораторского искусства» (1922), критическую реплику Г. Г. Шпета (1916 / 2016), а также тексты представителей формальной школы – сборник «Поэтика кино» (1927 / 2001) и статьи В. Б. Шкловского и А. И. Пиотровского в нем.

Теоретико-методологические основания концепции Ф. Ф. Зелинского

Ф. Ф. Зелинский в своей статье, формально посвященной разбору идей В. Вундта, не ограничивается изложением, а предлагает собственную теоретическую модель. Принимая масштабный проект В. Вундта по созданию «психологии народов», Ф. Ф. Зелинский критикует его за излишний психологизм и индивидуализм. Его привлекает в В. Вундте отказ сводить язык к физиологии или простой коммуникативной целесообразности, признание роли творческого жеста и ассоциативного мышления в его генезисе [Зелинский, 1902]. Однако Ф. Ф. Зелинский идет дальше, вводя концепцию «социологического подбора», объясняющую эволюцию языка через механизм коллективного закрепления наиболее эффективных форм взаимодействий. Это сочетается с одной из любимых мыслей Ф. Ф. Зелинского – античная литература в подлиннике развивает критическое мышление, требуя учета разнообразия и ситуативности правил и вырабатывая рефлексивно-критическое отношение к использованию этих правил в каждом конкретном случае.

Сколь ни старается Ф. Ф. Зелинский просто показать интеллектуальную мощь Вундта в трактовке естественнонаучных данных, в конце статьи он идет дальше. Зелинский вводит концепцию социологического подбора, объясняя эволюцию языка через механизм коллективного закрепления

наиболее эффективных форм. По его мнению, языковые конструкции – будь то свободный порядок слов в античной прозе (гипербат, т. е. мост, требующий в уме соединить далеко отстоящие во фразе слова) или специфические ритмические узоры речи – выживают не из-за индивидуальных предпочтений, а благодаря соответствию запросам общества. Так, гипербат в греческой ораторской речи стал нормой, потому что позволял гибко выражать сложные мысли в условиях публичных дебатов, где убеждение строилось (позволим себе модернизировать терминологический аппарат Ф. Ф. Зелинского, в целом очень консервативный, исходя из благодарности М. Бахтина Ф. Ф. Зелинскому [Рупова, 2024]) на полифонии аргументов, а не на жесткой логике предметности. Ведь тогда многие предметные области, такие как политика, только создавались и изобретались. В этом социальном конструктивизме, признании, что можно сконструировать целые домены нового социального опыта, Зелинский близок теориям и практикам русского символизма, хотя во многих других отношениях он символистам не близок.

Ключевой аспект теории Ф. Ф. Зелинского – связь языковых форм с культурно-историческим контекстом. Он фактически показывает, что социологический подбор работает как фильтр: из множества возможных вариантов (индивидуальных ошибок и упрощений, диалектных особенностей) сохраняются лишь те, что отвечают потребностям коммуникации в конкретную эпоху. Так, хотя сам Ф. Ф. Зелинский просто ставит греческий и латинский язык на вершину интеллектуального развития, как два языка, в которых мысль находит наиболее гибкое выражение, мы не можем не признать, используя подход Ф. Ф. Зелинского, что латинский синтаксис, в отличие от греческого, стал более фиксированным, отражая переход от демократической полисной культуры к имперской бюрократии, где требовалась однозначность. Просто Ф. Ф. Зелинского интересуют не частные институты государств, а общая институционализация рационализма, поэтому он и не переходит к отдельным сюжетам. Процесс социального одобрения мыслеречевых форм аналогичен естественному отбору, но движущей силой здесь выступает не биология, а социальные практики – от риторики до повседневного общения.

Ф. Ф. Зелинский, при всем консерватизме своего аппарата аргументации, подчеркивает, что социологический отбор не сводится к упрощению или удобству. Напротив, он может закреплять и сложные структуры (например, славянское полногласие), если они выполняют значимую функцию – прибавим уже мы, маркируют культурную

идентичность публичного взаимодействия, своеобразно понятой соборности (Ф. Ф. Зелинскому принадлежит своеобразная идея исконного славянского дионисийства [Матвейчев, 2024, с. 278]). В любом случае, язык для Ф. Ф. Зелинского – не статичная система, а динамичное поле, где формы конкурируют, а побеждают те, что лучше служат целям коллектива. Эта идея предвосхищает основной пафос социолингвистических теорий, где языковые изменения трактуются как результат социальных конфликтов и переговоров между группами.

Полемика с В. Вундтом: Ф. Ф. Зелинский и Г. Г. Шпет

Как раз ограниченность аппарата В. Вундта, который имел в виду общую логику институционального строительства, а не сюжеты отдельных институтов, вызывала возражения следующих поколений. Так, Г. Шпет в 1916 году, через пятнадцать лет после Ф. Ф. Зелинского, резко критикует В. Вундта за сведение психологии к естественнонаучной парадигме, что, по его мнению, искажает специфику гуманитарного знания. Г. Шпет отвергает вундтовский монизм, утверждая, что психические процессы нельзя изучать теми же методами, что физические явления, и обвиняет Вундта в ошибке «pars pro toto» – подмене целого его частью. Особенно он возражает против распространения психологических законов на историю и культуру, что, по его мнению, игнорирует их коллективную и символическую природу [Шпет, 2016, с. 130]. В отличие от В. Вундта, Г. Шпет настаивает на принципиальном различии между науками о духе и естествознанием.

Ф. Ф. Зелинский, отметим, также критикует В. Вундта, но с иных позиций: он не отвергает психологизм как таковой, а дополняет его идеей «социологического подбора», подчеркивая роль коллективного фактора в развитии языка. Если Г. Шпет полностью отрицает сведение гуманитарных наук к психологии, то Ф. Ф. Зелинский сохраняет психологическую основу лингвистики, расширяя ее социальным и эволюционным подходами. Кроме того, Ф. Ф. Зелинский, в отличие от Г. Шпета, защищает телеологический принцип в языке, например, «стремление к ясности» при таком подборе, которое В. Вундт исключал из своей системы. При этом, уже реферируя В. Вундта, он всякий раз превращает его психологию народов в защиту социальных достижений классической культуры: «У нас вполне ассоциативная речь – явление патологическое, признак крайнего аффекта или помешательства; но ее преобладание, умело сдерживаемое апперцепцией, дает поэтический слог. Напротив, чем

более расширяется поле сознания у человека, тем более в его речи господствует апперцепция; увеличивается способность анализировать сложные представления, является потребность во всё большем и большем числе выражений подчиненности, возникает, другими словами, периодизация речи. Выше всех языков в мире стоят в этом отношении оба языка античности, греческий и латинский; в них интеллект нашел себе самое совершенное орудие» [Зелинский, 1902, с. 652]. Как мы видим, у Ф. Ф. Зелинского поэтическое отождествляется со сдержанностью ассоциаций, периодизация – с поэтическим творчеством, а такое поэтическое творчество – с судьбой античной культуры.

Таким образом, оба мыслителя сходятся в критике вундтовского индивидуализма, но расходятся в методологии. Г. Шпет выступает за полное размежевание гуманитарных и естественных наук, тогда как Ф. Ф. Зелинский ищет компромисс, сочетая психологический анализ с социокультурным. Это различие отражает более широкий спор эпохи о природе языка: является ли он продуктом индивидуального сознания или социально-историческим явлением. Ф. Ф. Зелинский, занимая промежуточную позицию, предвосхищает будущее развитие социолингвистики и когнитивных исследований.

Идея «социологического подбора», согласно которой языковые формы отбираются под влиянием коллективных, а не только индивидуальных факторов, тесно связана с изучением Ф. Ф. Зелинским античной культуры, особенно демократии, риторики и свободы слова. Ф. Ф. Зелинский видел в классических языках отражение духовной свободы античного общества, где гибкий порядок слов и богатство фонетического, ритмического и семантического творчества позволяли выражать сложные смысловые оттенки, соответствуя духу публичных дискуссий и политической открытости. Для Ф. Ф. Зелинского античные языки были не просто лингвистическим явлением, а продуктом социально-исторических условий, где язык развивался в условиях творческой свободы.

Постулируя коллективный отбор наиболее функциональных и социально приемлемых вариантов, Ф. Ф. Зелинский предвосхитил вариационный подход Уильяма Лабова и теорию социальных сетей Лесли Милрой, где языковые изменения объясняются престижем и плотностью коммуникативных связей, практической коммуникативной этикой, которая в конце концов и стала основным интересом социолингвистики [Вахтин, 2004; Марков, 2024]. А мысль о связи структуры языка с культурными ценностями общества перекликается с современными исследованиями языка и власти: критический дискурс-анализ Нормана Фэрклоу

[Fairclough, 1995] и теория «символического капитала» Пьера Бурдьё показывают, как языковые нормы отражают социальные иерархии.

Ф. Ф. Зелинский объяснял гибкость славянских языков влиянием латинского и греческого языков, предвосхитив современную социолингвистику контактов [Thomason, 1988]. Сегодня это направление исследует, как миграции, билингвизм и социальные условия формируют новые языковые нормы. Ф. Ф. Зелинский отмечал сходство славянских языков с классическими, видя в них сохранение свободы порядка слов и народную эстетику выразительности. Для него языковая гибкость славянских языков была не случайностью, а следствием культурного развития, аналогичного античному. Этот взгляд вновь демонстрирует его убежденность в неразрывной связи языка, истории и вкуса народа, что отражало его подход к эволюции культуры.

Влияние идей Ф. Ф. Зелинского на теорию кино: Шкловский и Пиотровский

В. Шкловский в знаменитом сборнике «Поэтика кино» (1927) начинает свое рассуждение со ссылки на Зелинского «По ритму в ораторской речи есть интересные работы Фаддея Зелинского» [Поэтика кино... 2001, с. 90], при этом конкретных работ он не называет. О влиянии В. Вундта на В. Б. Шкловского через Ф. Ф. Зелинского уже говорили исследователи формализма – так, И. Калинин обратил внимание на понятие звукообраза у В. Вундта, Ф. Ф. Зелинского и В. Б. Шкловского [Калинин, 2016, с. 87], мимическое и миметическое. В. Б. Шкловскому важно указать, что граница между поэзией и прозой не сводится только к метрике. Следовательно, возможно и поэтическое, и прозаическое кино, определяемое не наличием или отсутствием метра или какой-то еще регулярности, но преобладанием техники над смыслом в поэтическом кино. Поэтическое кино бессюжетно. «Повторю еще один раз – существует прозаическое и поэтическое кино, и это есть основное деление жанров: они отличаются друг от друга не ритмом, или не ритмом только, а преобладанием технически формальных моментов (в поэтическом кино) над смысловыми, причем формальные моменты заменяют смысловые, разрешая композицию. Бессюжетное кино – есть „стихотворное“ кино» [Поэтика кино ... , 2001, с. 92]

Явно имеется в виду статья Ф. Ф. Зелинского «Значение ораторского искусства», которая была решающей для становления понятия о живой речи в советской науке: статья была фактической программой работы Института живого слова – «слова

экспрессивного, реализованного в драме, пластике и жесте, как это было в античной хореэ» [Живое слово: логос – голос – движение – жест, 2015, с. 117]. Мы настаиваем на том, что В. Б. Шкловский имеет в виду именно эту статью как фокус своей мысли, хотя мог быть знаком с любыми работами Ф. Ф. Зелинского по античной культуре. Ф. Ф. Зелинский говорит, что оратор по сути отстаивал идентичность античной культуры, оказываясь и создателем норм, и учителем всех тех творческих навыков, которые античная культура завещала всей последующей культуре: «Итак, у нас – перо, там – слово; у нас – отношения, циркуляры, докладные записки, там – речи; у нас – романы, повести, рассуждения, там – речи. Что на войне – солдат, то в мирное время – оратор» [Зелинский, 1922, с. 171]. Благодаря ораторам античная культура «признала не только руководящее значение слова, но и его божественность» [там же, с. 172]. Ф. Ф. Зелинский обрушивается на современных людей и бюрократию: «чем более у человека писание преобладает над говорением, чтение над слушанием, – тем слабее и слабее делается эта мелодия речи» [там же, с. 175]. Именно вернуть мелодию речи через кинематограф и собрались участники сборника «Поэтика кино».

Живое слово Ф. Ф. Зелинский понимает как слово интонированное, передающее сложные представления и противоположное бюрократическому слову, действующему только на отдельные аффекты. Зелинский видел торжество бюрократии в суде присяжных, которые умеют следить только за отдельными сюжетами и руководствоваться простыми аффектами, реакциями на отдельные стороны дела, в противоположность античному правосудию, в лучших своих достижениях (риторика Цицерона) имевшего в виду все нюансы речи, способной осмыслить ситуацию драматически. Именно сложность представлений оказывается в центре внимания В. Б. Шкловского: он противопоставляет прозаическому кино как сюжетному и потому задевающему наши аффекты отдельными показанными обстоятельствами – поэтическое кино как кино формализованное, где как раз как в античной риторике нюансы оформления речи связаны с учетом разных сторон политического вопроса.

В. Б. Шкловский пишет: «Чем больше мы занимаемся произведением искусства, тем глубже мы проникаем в основное единство его законов» [Поэтика кино ... , 2001, с. 90]. Эта мысль напоминает уже общий подход Зелинского, который рассматривал язык и литературу как систему, где формальные и смысловые элементы взаимосвязаны. Для Ф. Ф. Зелинского никакая структура

в греко-латинской культуре не случайна, а обусловлена культурными и коммуникативными задачами.

В. Б. Шкловский говорит, что сюжет строится на «планировке смысловых величин», и приводит примеры из А. С. Пушкина, где перестановка элементов меняет восприятие произведения. Это больше всего и напоминают идею Ф. Ф. Зелинского о «социологическом подборе» языковых и нарративных форм: если Ф. Ф. Зелинский объяснял закрепление тех или иных структур в языке через их социальную востребованность, то В. Б. Шкловский показывает, как в литературе одни и те же элементы могут перегруппировываться, создавая новые художественные эффекты.

В. Б. Шкловский отмечает, что в поэзии (например, у А. А. Фета) произведение может разрешаться не сюжетно, а чисто формально – например, изменением ритма в последней строфе. Это перекликается с идеей Ф. Ф. Зелинского о том, что в античной риторике важна не только логика аргумента, но и его ритмическая организация. Более того, В. Б. Шкловский переносит этот принцип на кинематограф, говоря, что фильмы могут использовать «формальные моменты взамен смысловых» (как в «Шестой части мира» Д. Вертова). В. Б. Шкловский пишет, что отличие поэзии от прозы – в «большей геометричности приемов», где случайные смысловые решения заменяются строгими композиционными схемами. Это напоминает анализ Ф. Ф. Зелинским роли оратора как создателя социальной композиции, где как раз строгость схем и риторических фигур и обеспечивает правильную дискуссию в противоположность поспешным односторонним решениям.

В том же сборнике «Поэтика кино» опубликована статья сына Ф. Ф. Зелинского – Адриана Пиотровского – «К теории киножанров», которая представляет собой попытку осмыслить кинематограф как самостоятельное искусство, освободив его от влияния театра и литературы [Поэтика кино, 2001]. А. Пиотровский настаивает на необходимости выявления специфических законов кино, основанных на его технических возможностях – монтаже и фотогении. А. Пиотровский критикует жанры, заимствованные из театра («кинодрама») и литературы («кинороман»), как чуждые природе кино, и выделяет те жанры, которые, по его мнению, органичны для кинематографа: «американскую комедию», «авантюрный фильм», «мелодраму», а также намечает перспективы развития «лирических» и «бессюжетных» жанров, наиболее полно раскрывающих потенциал киноязыка, что очень напоминает интенционализацию прецедентных феноменов (из истории культуры) в прозе М. Кузмина [Горячева, 2021].

Эта позиция перекликается с теорией «социологического подбора» его отца, Фаддея Францевича Зелинского, который рассматривал культурные явления через призму их эволюции и адаптации к социальной среде. Если перенести идею социологического подбора Ф. Ф. Зелинского с языка на искусство, то формы искусства развиваются в соответствии с потребностями общества, отбирая наиболее жизнеспособные элементы и отбрасывая устаревшие. А. Пиотровский, по сути, применяет этот подход к кинематографу: он анализирует, какие жанры действительно соответствуют природе кино как нового искусства, а какие являются архаичными заимствованиями из театра и литературы, неспособными к дальнейшему развитию.

А. Пиотровский подчеркивает, что кино, в отличие от театра, не связано линейным временем и фиксированным пространством, а монтаж позволяет свободно оперировать временными и пространственными пластами. Это делает бессмысленным прямое перенесение драматургических принципов Аристотеля или Лессинга в кинематограф. Аналогично литературные формы, рассчитанные на индивидуальное чтение с возможностью возврата и паузы, плохо сочетаются с коллективным восприятием кино, требующим простоты и наглядности.

В духе социологического подбора А. Пиотровский показывает, как киножанры эволюционируют, отбрасывая чуждые элементы и развивая собственные выразительные средства. Например, «американская комическая <киноновелла>» (Чарли Чаплин, Гарольд Ллойд) отказалась от психологизма и фабульной сложности в пользу эксцентрики и игры с вещами, что соответствует возможностям крупного плана и монтажа. Авантюрный фильм, выросший из трюковой эстетики, уступил место «мелодраме», где главным становится не внешнее действие, а эмоциональное напряжение, достигаемое через монтаж катастроф и спасений.

Наиболее перспективными А. Пиотровский считает жанры, максимально использующие специфику кино – «лирические» и «бессюжетные» формы, где выразительность достигается через ритм, ассоциации и работу с вещным миром. Здесь он ссылается на советских режиссеров (С. Эйзенштейна, Д. Вертова), которые, по его мнению, открывают новые пути развития кинематографа.

В этой статье, если мы учитываем подтекст Ф. Ф. Зелинского, начинает проглядывать диалог А. Пиотровского с концепциями русского формализма, в частности, с только что обсуждавшимися идеями В. Шкловского. Если В. Б. Шкловский разрабатывал теорию «остранения» преимущественно на литературном материале, то А. Пиотровский

применяет сходные принципы к анализу кинематографа. Он настаивает на самоценности кинематографической формы, ее способности создавать художественный эффект без опоры на традиционное повествование. Однако в отличие от литературоцентричных работ формалистов А. Пиотровский идет дальше, разрабатывая конкретную методологию «внефабульного» кино, где основными выразительными средствами становятся монтажные сочетания, визуальные метафоры и ритмическая организация материала.

В этой статье А. Пиотровский предпринимает смелую попытку объединить творческие методы Сергея Эйзенштейна и Дзиги Вертова, несмотря на очевидные различия в их подходах и их личные трения [Горячок, 2022]. Для него важнее не противопоставление документального и игрового кино, а их общая революционная роль в преобразовании кинематографического языка. Пиотровский показывает, как оба режиссера, каждый по-своему, разрушают традиционные нарративные структуры, заменяя их монтажными композициями, где главную роль играет не последовательность событий, а их ритмическая и эмоциональная организация. Этот анализ демонстрирует удивительную проницательность А. Пиотровского, сумевшего разглядеть общие тенденции в казалось бы противоположных художественных системах.

Особое место в теоретических построениях А. Пиотровского занимает анализ схемы «катастрофа – спасение», которую он рассматривает как фундаментальный элемент нового кинематографа. В отличие от американских мелодрам, где эта схема служила простым инструментом создания напряженного сюжета, советские режиссеры, по мнению А. Пиотровского, превращают ее в сложный механизм эмоционального воздействия. Он подробно анализирует, как С. Эйзенштейн в «Броненосце „Потемкине“» или Пудовкин в «Матери» создают не линейное повествование, а серию мощных «аттракционов», организованных по принципу нарастания эмоционального напряжения. Этот подход позволяет говорить о рождении принципиально нового кинематографического языка, где важна не история как таковая, а ее ритмическое и эмоциональное воплощение.

Теория «монтажа аттракционов» С. Эйзенштейна получает у А. Пиотровского глубокое и оригинальное толкование. Он показывает, как этот принцип, разработанный первоначально для театра, обретает свое подлинное воплощение именно в кинематографе. Примечательно, что А. Пиотровский находит сходные монтажные принципы и в документальных работах Д. Вертова, где, казалось бы,

отсутствует элемент постановки. Он убедительно доказывает, что разница между «игровым» и «неигровым» кино в данном случае второстепенна – важнее общая организация материала через ритм и ассоциативные связи. Такой подход позволяет А. Пиотровскому говорить о единстве революционных поисков в советском кинематографе 1920-х годов, независимо от конкретных методов работы того или иного режиссера.

Социальный аспект новых кинематографических форм занимает особое место в размышлениях А. Пиотровского. Он подчеркивает, что новаторские приемы С. Эйзенштейна, Д. Вертова и других режиссеров авангарда – это не просто формальные эксперименты, а мощное идеологическое оружие. В его работах мы находим глубокий анализ того, как кинематографическая «катастрофа» трансформируется из элемента развлекательного зрелища в символ революционного преобразования действительности. А. Пиотровский показывает, что истинное новаторство советского кино заключается именно в этом синтезе формальных поисков и социального содержания, когда монтажные эксперименты становятся способом выражения новых исторических реалий.

А. Пиотровский описывает «бесфабульное кино» как жанр, где традиционная сюжетность заменяется монтажом, ритмом и рядом положением образов. Эта идея и есть наилучшее развитие предположения Ф. Ф. Зелинского о «социологическом подборе» языковых форм. Ф. Ф. Зелинский, как мы выяснили, утверждал, что язык развивается через отбор конструкций, наиболее эффективных для коммуникации в конкретном обществе. Например, гипербат в античной риторике был не случайностью, а результатом потребности в гибком выражении мысли. Аналогично А. Пиотровский видит в отказе от фабулы реакцию на новые социальные условия – революционную эпоху и массовую аудиторию, требующую эмоционально-символического, а не нарративного воздействия.

А. Пиотровский отмечает, что в «бесфабульном кино», например в «Шестой части мира» Д. Вертова, люди и объекты равнозначны, а их чередование подчинено ритму монтажа. Это напоминает идею Ф. Ф. Зелинского о свободном порядке слов в античной прозе, где синтаксис отражал не иерархию, а полифоничность мысли. Ф. Ф. Зелинский связывал это с духом античной демократии, где речь служила инструментом коллективного убеждения. А. Пиотровский же видит в подобном подходе прорыв советского авангарда, где кино становится искусством масс, а не индивидуальных историй.

Ритм для А. Пиотровского – ключевой элемент поэтического кино, отличающий его от хроники. Он сравнивает ритмический монтаж в «Броненосце „Потемкин“» по сути с ораторскими приемами Античности, которые, как показал Ф. Ф. Зелинский, организовывали коллективное восприятие. «Эмоционально насыщенные вещи („гудок“ в „Стачке“, „лев“, „орудийная башня“, „красный флаг“ в „Потемкине“) используются им не только самодовлеюще, но и в смысловом скреплении с предшествующим и последующим во времени» [Поэтика кино..., 2001, с. 108].

Так, по А. Пиотровскому, морские кадры воздействуют на зрителя не через логику сюжета, а через физиологический ритм, подобно тому, как ритмическая проза классических ораторов мобилизовала античную аудиторию.

Идеи Ф. Ф. Зелинского-лингвиста напрямую вытекали из его исследований Античности. Античная риторика легла в основу его представления о языке как продукте публичного пространства, греческая демократия – о свободе слова как свободе порядка слов, а агон – о конкуренции языковых форм в обществе. Таким образом, его теория «социологического подбора» стала проекцией античного мировоззрения на современную ему лингвистику, демонстрируя глубокую взаимосвязь его профессиональных интересов.

Пиотровский называет «Потемкина» компромиссом между фабульным и бесфабульным кино, считая такие гибриды этапом эволюции нового стиля. Это аналогично идее Ф. Ф. Зелинского о постепенном закреплении языковых форм: тот же гипербат в греческой прозе сначала сосуществовал с логическим порядком слов, и вообще его статус не вполне ясен, риторическая ли это фигура или синтаксическая особенность, но со временем победил благодаря социальной востребованности. Так и монтаж С. Эйзенштейна, где символическая образность еще связана с сюжетом, становится шагом к «чистой» поэтике Д. Вертова. С. Эйзенштейн тогда – это *ритор*, использующий выразительные фигуры, тогда как Д. Вертов – это настоящий *поэт*, чьи высказывания сразу становятся общим социальным опытом.

Отказ от фабулы у А. Пиотровского и отказ от жесткого синтаксиса у Ф. Ф. Зелинского – оба явления отражают реакцию на новые социальные условия: революцию в первом случае и демократию во втором. Ритм и монтаж заменяют сюжет так же, как гипербат заменял прямую речь, – через коллективное восприятие. «Компромиссные» формы, подобные «Потемкину», выступают аналогом переходных стадий в эволюции языка, когда новые приемы еще не доминируют, но уже отбрасываются средой.

Заключение

Статья Ф. Ф. Зелинского о В. Вундте содержит не изложение, а оригинальную теоретическую концепцию «социологического подбора» языковых форм, которая предвосхитила ключевые положения классической социолингвистики XX века (вариационизм, связь языка и социальных структур).

Критика В. Вундта со стороны Ф. Ф. Зелинского принципиально отличается от критики Г. Шпета. Если Г. Шпет требует полного методологического размежевания с естествознанием, то Ф. Ф. Зелинский предлагает путь интеграции, расширяя психологическую модель социальным и эволюционным измерением.

Идеи Ф. Ф. Зелинского оказали непосредственное влияние на формирование теории кино в 1920-е годы. Концепция «живого слова» и «социологического подбора» была творчески переработана В. Шкловским и А. Пиотровским для обоснования специфики кинематографического искусства, его жанровой эволюции и поэтики монтажа.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в более детальном изучении влияния концепции Ф. Ф. Зелинского на других представителей формального метода и в компаративном анализе его идеи «социологического подбора» и современных теорий культурной эволюции и меметики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зелинский Ф. Вильгельм Вундт и психология языка // Вопросы философии и психологии. 1902. Год XIII. Кн. 62 (II). С. 635–666.
2. Светликова И. Андрей Белый о ритме «Медного всадника» // *Revue des études slaves*. 2017. Т. 88. № LXXXVIII 1–2. С. 205–219.
3. Светликова И. Каламбуры Андрея Белого: Герб Аблеуховых // *Die Welt der Slaven: Internationale Halbjahresschrift für Slavistik*. 2022. № 2. Т. 67. С. 237–250.
4. Махлин В. Л. Металингвистика М. М. Бахтина в контексте его метафилософии // *Литературоведческий журнал*. 2024. № 63. С. 9–24.
5. Пружинин Б. И. Внутренняя форма между логикой и семантикой: В. фон Гумбольдт – Г. Шпет – Р. Якобсон – Н. Жинкин / Б. И. Пружинин, Т. Г. Щедрина // *Вопросы философии*. 2021. № 7. С. 91–104.
6. Акимова М. Государственная академия художественных наук vs. петроградский формализм: теория стиха. 1. О «Мелодике стиха» Б. М. Эйхенбаума // *Journal of Studies in Russian Formalism with Translation Notebooks*. 2024. Т. 1. № 1. С. 77–106.
7. Шпет Г. Г. История как проблема логики: Критические и методологические исследования. Ч. 2. Архивные материалы. Реконструкция Татьяны Щедриной / отв. ред.-сост., вступ. ст., реконструкция Т. Г. Щедрина; коммент., археогр. работа Т. Г. Щедрина, И. О. Щедрина. М.; СПб.: Университетская книга, 2016.
8. Поэтика кино. Перечитывая «Поэтику кино». 2-е изд. СПб.: Российский институт истории искусств, 2001.
9. Калинин И. Виктор Шкловский как прием // *Формальный метод: Антология русского модернизма: в 3 т. / под ред. С. А. Ушакина. Т. I. Системы*. Екатеринбург ; М.: Кабинетный ученый, 2016. С. 63–106.
10. Вахтин Н. Б. Социолингвистика и социология языка: хрестоматия / Н. Б. Вахтин, Е. Б. Головкин. СПб.: Гуманитарная академия : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2004.
11. Марков А. В. Живая ласточка языка: краткое введение в социолингвистику. М.: Ридеро, 2024.
12. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. New York: Longman, 1995.
13. Thomason S. G. *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics* / S. G. Thomason, T. Kaufman. Berkeley: University of California Press, 1988.
14. Рупова Р. М. Философский диалог: М. М. Бахтин – А. А. Дорогов (воспоминания и архивные свидетельства) // *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*. 2024. Т. 10. № 3. С. 110–119.
15. Матвейчев О. Третий Ренессанс или Новое Средневековье? Русский Серебряный век о Возрождении // *Логос*. 2024. Т. 34. № 2 (159). С. 271–286.
16. Зелинский Ф. Ф. Значение ораторского искусства // *Искусство и народ*. Пг.: Колос, 1922. С. 169–182.
17. Живое слово: логос – голос – движение – жест: сборник статей и материалов / сост., отв. ред. В. В. Фещенко; ред. кол. А. М. Айламазьян, В. В. Аристов, Е. М. Князева, И. Е. Сироткина. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
18. Горячева Е. Д. Интенциональность прецедентных феноменов в художественном дискурсе Серебряного века // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2021. Т. 14. № 8. С. 2573–2578.
19. Горячок К. Л. Дзига Вертов и Сергей Эйзенштейн: к истории соперничества // *Театр. Живопись. Кино. Музыка*. 2022. № 4. С. 119–132.

REFERENCES

1. Zieliński, F. (1902). Wilhelm Wundt and the psychology of language. *Issues of Philosophy and Psychology*, 13(62(II)), 635–666. (In Russ.)

2. Svetlikova, I. (2017). Andrey Bely on the rhythm of "The Bronze Horseman". *Revue des études slaves*, 88(LXXXVIII 1-2), 205–219. (In Russ.).
3. Svetlikova, I. (2022). Andrey Bely's puns: The coat of arms of the Ableukhovs. *Die Welt der Slaven: Internationale Halbjahresschrift für Slavistik*, 67(2), 237–250. (In Russ.).
4. Makhline, V. L. (2024). M. M. Bakhtin's metalinguistics in the context of his metaphilosophy. *Literary Studies Journal*, 63, 9–24. (In Russ.).
5. Aquimova, M. (2024). The State Academy of Artistic Sciences vs. Petrograd Formalism: Verse Theory. 1. On B. M. Eikhenbaum's "Melodics of Verse". *Journal of Studies in Russian Formalism with Translation Notebooks*, 1(1), 77–106. (In Russ.).
6. Pruzhinin, B. I., Shchedrina, T. G. (2021). Inner form between logic and semantics: V. von Humboldt–G. Shpet–R. Jakobson–N. Zhinkin. N.I. Zhinkin's letter to P. S. Popov. Publication by B.I. Pruzhinin and T.G. Shchedrina. *Problems of Philosophy*, 7, 91–104. (In Russ.).
7. Spett, G. G. (2016). History as a problem of logic: Critical and methodological research. Part 2. Archive materials. Reconstruction by Tatyana Shchedrina (T. G. Shchedrina, Ed.). Moscow: Universitetskaya kniga. (In Russ.).
8. *Poetics of Cinema* (2nd ed.). (2001). St. Petersburg, Russian Institute of Art History. (In Russ.).
9. Kalinin, I. (2016). Viktor Shklovsky as a device. In Ushakin, S. A. (Ed.), *The Formal Method: An Anthology of Russian Modernism*: In 3 vols. (vol. 1, pp. 63–106). Yekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy. (In Russ.).
10. Vakhtin, N. B., Golovko, E. V. (2004). Sociolinguistics and sociology of language: An Anthology. St. Petersburg: Gumanitarnaya akademiya; European University at St. Petersburg. (In Russ.).
11. Markov, A. V. (2024). The living swallow of language: A brief introduction to sociolinguistics. Moscow, Yekaterinburg: Ridero Publ. (In Russ.).
12. Fairclough, N. (1995). *Critical discourse analysis: The critical study of language*. New York: Longman.
13. Thomason, S. G., Kaufman, T. (1988). *Language contact, creolization, and genetic linguistics*. Berkeley: University of California Press.
14. Rupova, R. M. (2024). Philosophical dialogue: M. M. Bakhtin – A. A. Dorogov (Memories and archival evidence). *Scientific Result. Social and Humanitarian Studies*, 10(3), 110–119. (In Russ.).
15. Matveichev, O. (2024). The Third Renaissance or the New Middle Ages? The Russian Silver Age on the Renaissance. *Logos*, 34(2), 271–286. (In Russ.).
16. Zieliński, F. F. (1922). The significance of oratory. In *Art and the People* (pp. 169–182). Petrograd: Kolos. (In Russ.).
17. Feshchenko, V. V. (Ed.). (2015). *The living word: Logos – voice – movement – gesture*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.).
18. Goryacheva, E. D. (2021). The intentionality of precedent phenomena in the artistic discourse of the Silver Age. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 14(8), 2573–2578. (In Russ.).
19. Goryachok, K. L. (2022). Dziga Vertov and Sergei Eisenstein: On the history of rivalry. *Theatre. Painting. Cinema. Music*, 4, 119–132. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Марков Александр Викторович

доктор филологических наук
кандидат философских наук
профессор кафедры кино и современного искусства
Российского государственного гуманитарного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Markov Alexander Viktorovich

Doctor of Philology (Dr. habil.)
PhD in Philosophy
Professor at the Department of Cinema and Contemporary Art
Russian State University for the Humanities

Статья поступила в редакцию	12.12.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	15.01.2026	
принята к публикации	02.02.2026	

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный лингвистический университет»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 2 (908)**

**VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 2 (908)**

Ответственный за выпуск
А. О. Манухина
кандидат филологических наук, доцент

Executive editor
Alla O. Manuhina
PhD in Philology, Associate Professor

Редактор М. М. Сингал
Верстка: Г. П. Лопатина
Разработка макета: А. В. Алымов

Editor Marina M. Singal
Layout: Galina P. Lopatina
Layout design: Andrew V. Alymov

Подписано в печать 26.02.2026
Усл. печ. л. 19,0
Формат 60x90/8
Заказ № 14/26

Signed for print: 26.02.2026
Conventional printed sheets: 19,0
Layout format 60x90/8
Order 14/26

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:
Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2026

© FSBEI HE MSLU, 2026

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, ЭЛ № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.2. Литературы народов мира
- 5.9.3. Теория литературы
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства
- 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».